

Вестник Российского фонда фундаментальных исследований

Гуманитарные и общественные науки

ISSN 2587-6090 eISSN 2587-8956 № 3 (110) июль – сентябрь 2022 года

Основан в 1995 году

Зарегистрирован Министерством РФ по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций, свидетельство ПИ № 77-12977 от 25.12.2002

Учредитель

**Федеральное государственное бюджетное учреждение
«Российский фонд фундаментальных исследований»**

Главный редактор В.Я. Панченко,
заместители главного редактора В.Н. Фридлянов, В.В. Квардаков

Редакционная коллегия:

И.Ю. Алексеева, Л.А. Беляева, И.А. Виноградов, Ю.Л. Воротников,
П.Г. Гайдуков, В.П. Гребенюк, А.А. Демидов, Н.Г. Денисов, В.Н. Захаров,
М.В. Иванова, Г.Б. Клейнер, А.А. Малышев, Н.И. Пикуров, Д.А. Рубвальтер,
Н.Л. Селиванова, Д.В. Трубочкин, Д.В. Ушаков, В.А. Хащенко, В.В. Шелохаев

Редакция:

Р.А. Казакова, И.Л. Ровинская

Адрес редакции:

119334, г. Москва, Ленинский пр-т, д. 32а

Тел.: +7 (499) 941-01-15 (доб. 3121)

E-mail: rovir@rfbr.ru

Russian Foundation for Basic Research Journal

Humanities and social sciences

ISSN 2587-6090 eISSN 2587-8956 No 3 (110) July – September 2022

Founded in 1995

Registered by the Ministry of the Russian Federation for printed media, television and radio
broadcasting and mass media, certificate ПИИ No. 77-12977 dated December 25, 2002

The Founder

Federal State Institution

“Russian Foundation for Basic Research”

Chief editor V.Ya. Panchenko,

Deputy chief editors V.N. Fridlyanov, V.V. Kvardakov

Editorial board:

I.Yu. Alekseeva, L.A. Belyaeva, I.A. Vinogradov, Yu.L. Vorotnikov,
P.G. Gaidukov, V.P. Grebenyuk, A.A. Demidov, N.G. Denisov, V.N. Zakharov, M.V. Ivanova,
G.B. Kleyner, A.A. Malyshev, N.I. Pikurov, D.A. Rubvalter, N.L. Selivanova,
D.V. Trubochkin, D.V. Ushakov, V.A. Khashchenko, V.V. Shelokhaev

Editorial staff:

R.A. Kazakova, I.L. Rovinskaya

Editorial office address:

32a, Leninskiy Ave., Moscow, 119334, Russia

Tel.: +7 (499) 941-01-15 (3121)

E-mail: rovir@rfbr.ru

СОДЕРЖАНИЕ

НАД ЧЕМ РАБОТАЮТ ПОБЕДИТЕЛИ КОНКУРСОВ РФФИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Мухин М.Ю.

Создание системы мобилизационных органов и разработка методологии составления мобилизационных планов в СССР в годы первой пятилетки 9

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Ефремова Н.С.

Обь-Иртышское междуречье в эпоху раннего неолита-бронзы, Средневековья: культурогенез, хозяйство, мировоззрение (по материалам археологических комплексов)..... 19

ЭКОНОМИКА

Павлов В.И., Зоидов Х.К.

Инновационная парадигма бюджетно-налоговой системы 38

Курбангалиева Д.Л.

Влияние цифровой репутации на капитализацию организации: от теории к практике (на примере автомобильной промышленности) 46

ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ. ПРАВОВЕДЕНИЕ

Бажанов В.А.

Как возможен синтез натурализма и социоцентризма? 57

Шиповалова Л.В.

Историческая эпистемология: проблемы и перспективы 66

Красильников С.А., Водичев Е.Г.

Три волны научной мобилизации на Востоке России (1930-е – начало 1950-х гг.) 75

ФИЛОЛОГИЯ. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Крижановский Н.И.

Михаил Меньшиков и Яков Полонский: история взаимоотношений 87

Ким А.А.

Периодизация развития архитектуры банковских учреждений Маньчжурии 104

КОМПЛЕКСНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА. ПСИХОЛОГИЯ. ПЕДАГОГИКА

Корнеев А.А., Ахутина Т.В., Матвеева Е.Ю.

Кластеризация нейропсихологических данных: оценка соотношения состояния когнитивных функций у детей 6–9 лет 117

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Ожерельев Д.В., Лев С.Ю.

Верхний палеолит предгорий Северного Тянь-Шаня: вопросы хронологии и культурной атрибуции 127

МИР КНИГИ РФФИ

Субетто Д.А. —

Рецензия на книгу: Копелев Д.Н. От мыса Головнина к Земле Александра I. Российские кругосветные экспедиции в первой половине XIX века. М.: Политическая энциклопедия, 2021. – 311 с. 138

Рябова Л.В. —

Рецензия на книгу: Позитивный образ будущего: теория, история, способы конструирования: Монография / Отв. ред. Т.С. Паниотова. Ростов-на-Дону; Таганрог: Изд-во Южного федерального университета, 2021. – 268 с. 141

Калугин В.В. —

Рецензия на книгу: Федотова М.А. Святитель Димитрий Ростовский: Житие, Служба, чудеса. Исследование и тексты. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2022. – 560 с. 144

Басова И.Г. —

Рецензия на книгу: Калугина Н.А. Александр Брюллов. Архитектор и рисовальщик. М.: БуксМарт, 2021. – 512 с.: ил. 149

Перфильева И.Ю. —

Рецензия на книгу: Долгих Е.В. Французское стекло. Конец XIX – начало XX века. Личные коллекции России. М.: БуксМАрт, 2021. – 624 с.: ил. 153

Поздравляем академика РАН В.Я. Панченко с юбилеем 158

CONTENTS

WHAT THE WINNERS OF RFBR COMPETITIONS ARE WORKING ON

HISTORICAL SCIENCES

Mukhin M. Yu.

Establishing a System of Mobilization Bodies and Developing a Methodology for Drawing up Mobilization Schemes in the USSR During the First Five-Year Plan 9

Molodin V.I., Mylnikova L.N., Efremova N.S.

Ob-Irtysh Interstream Area in the Early Neolithic Period – the Bronze Age, the Middle Ages: Cultural Genesis, Economy, Worldview (Based on the Archaeological Materials)..... 19

ECONOMICS

Pavlov V.I., Zoidov Kh.K.

An Innovative Paradigm of the Budget and Tax System 38

Kurbangalieva D.L.

The Impact of Digital Reputation on Corporate Capitalization: From Theory to Practice (On the Example of the Automotive Industry) 46

PHILOSOPHY. SOCIOLOGY. POLITICAL SCIENCE. JURISPRUDENCE

Bazhanov V.A.

How is the Synthesis of Naturalism and Sociocentrism Possible? 57

Shipovalova L.V.

Historical Epistemology: Problems and Prospects 66

Krasilnikov S.A., Vodichev E.G.

Three Waves of Scientific Mobilization in the East of Russia (1930s – Early 1950s) 75

PHILOLOGY. ART CRITICISM

Krizhanovskiy N.I.

Mikhail Menshikov and Yakov Polonsky: The History of Relations 87

Kim A.A.

Architecture of Banking Institutions in Manchuria: Development Periods 104

COMPLEX HUMAN STUDY. PSYCHOLOGY. PEDAGOGY

Korneev A.A., Akhutina T.V., Matveeva E. Yu.

Clustering of Neuropsychological Data: Cognitive Functions Assessment in Children Aged 6–9 Years 117

FIELD RESEARCH

Ozherelev D.V., Lev S. Yu.

Upper Paleolithic in the Foothills of the Northern Tien Shan: Chronology and Cultural Attribution 127

THE RFBR BOOK WORLD

Subetto D.A. —

Book Review: Kopelev D.N. From Cape Golovnin to the Land of Alexander I. Russian Round-The-World Expeditions in the First Half of the 19th Century. Moscow: Politicheskaya Entsiklopediya, 2021. – 311 p. 138

Ryabova L.V. —

Book Review: Positive Image of the Future:

Theory, History, Methods of Construction / Ed. by T.S. Paniotova. Rostov on Don;

Taganrog: Southern Federal University Publ., 2021. – 268 p. 141

Kalugin V.V. —

Book Review: Fedotova M.A. Saint Demetrius of Rostov: Life, Service, Miracles.

Research and texts. St. Petersburg: Publishing House «Pushkinsky Dom», 2022. – 560 p. 144

Basova I.G. —

Book Review: Kalugina N.A. Alexander Bryullov. Architect and Artist.

Moscow: BuksMart, 2021. – 512 p.: ill. 149

Perfileva I.Yu. —Book Review: Dolgikh E.V. French Glass. The Late 19th – Early 20th Century.

Private Russian Collections. Moscow: BooksMArt, 2021. – 624 p.: ill. 153

Congratulations to V.Ya. Panchenko,**Member of the Russian Academy of Sciences, on his Anniversary** 158

НАД ЧЕМ РАБОТАЮТ ПОБЕДИТЕЛИ КОНКУРСОВ РФФИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Индекс УДК 03.23.55

Код ГРНТИ 930.85

DOI: 10.22204/2587-8956-2022-110-03-09-18

М.Ю. МУХИН*

Создание системы мобилизационных органов и разработка методологии составления мобилизационных планов в СССР в годы первой пятилетки

В статье рассматривается комплекс мер по мобилизационной подготовке советской экономики на случай войны, предпринятых в период первой пятилетки. Внешнеполитический кризис 1927 г., теракты, обстановка военной опасности и «социалистического наступления» побудили руководство СССР в срочном порядке приступить к созданию системы мобилизационной подготовки экономики и к разработке особых мобилизационных планов, нацеленных на резервирование ресурсов с учётом потребностей отражения агрессии. В результате в конце 1920-х гг. в СССР впервые была создана стройная система мобилизационной подготовки экономики, которая включала в качестве звеньев центральный мобилизационный орган, ведомственные мобилизационные органы и местные мобячейки. Эта система практически без изменений просуществовала вплоть до начала Великой Отечественной войны. Одновременно с появлением структур и аппарата мобилизационного планирования в СССР была разработана методология составления мобилизационных планов. Эта работа затруднялась новизной и сложностью задач, острым дефицитом ресурсов, а также тем, что её пришлось вести одновременно с решением задач коллективизации и индустриализации в условиях слома НЭПа и перехода к планово-распределительной системе.

Ключевые слова: индустриализация, мобилизационная подготовка, мобилизационный план, мобилизационные ресурсы, мобилизационные органы, подготовка экономики к войне, методология планирования, первая пятилетка, военная тревога 1927 г., история сталинизма, экономическая история

* **Мухин Михаил Юрьевич** — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН, руководитель проекта «Мобилизационная подготовка советской промышленности в годы первой пятилетки» (21-09-43004).

E-mail: mukhin@mail.ru

Опыт Первой мировой войны и других затяжных военных конфликтов первой четверти XX в. показал, что исход противостояния в значительной степени зависел не только от состояния собственно вооружённых сил и военной промышленности воюющих сторон, но и от их экономического потенциала в целом, от готовности страны оперативно мобилизовать ресурсы для военных нужд. В СССР проблема мобилизационного планирования экономики перешла от стадии обсуждения в практическую плоскость в конце 1920-х гг. Это было связано с совпадением по времени двух основных обстоятельств. Во-первых, в 1927 г. резко обострилась международная обстановка, СССР впервые после окончания Гражданской войны подвергся череде террористических атак, а угроза военной агрессии со стороны Великобритании резко возросла. Во-вторых, в Советском Союзе в рамках политики форсированной индустриализации начались разработка и реализация перспективных пятилетних планов, что давало возможность одновременного составления и согласования с ними мобилизационных планов. В результате с конца 1920-х гг. вопрос заблаговременной подготовки экономики страны к мобилизации, т.е. к переводу народного хозяйства в случае необходимости на военные рельсы, начал рассматриваться как одна из ключевых проблем обеспечения обороноспособности страны. Тот факт, что тема мобилизационного планирования экономики, как и соответствующие документы, долгое время была закрыта для исследователей, не давал возможности оценить, что именно в этом направлении было сделано в 1920–1930-е гг. и в какой степени предпринятые меры позволили выстоять и победить в годы Великой Отечественной войны.

Задача данной статьи — раскрыть ранние стадии складывания системы мобилизационной подготовки советской экономики, которые пришлось на период первой пятилетки. Запуск этого механизма был связан с двумя основными проблемами, на кото-

рых мы специально остановимся, а именно: с формированием в стране системы мобилизационных органов и с разработкой методологии или принципиальных подходов к составлению мобилизационных планов.

Степень изученности темы

В отечественной и зарубежной историографии тематика мобилизационной подготовки экономики СССР в 1920–1930-е гг. не являлась предметом специального исследования. Эти вопросы получили лишь краткое освещение в монографии А.А. Мелия [1], содержание которой к тому же не вполне соответствует её названию. В фокусе научного интереса А.А. Мелия оказались сюжеты, связанные с предмобилизационными мероприятиями армии и с эвакуационным планированием промышленности. Эти вопросы, безусловно, важны и в определённом смысле сопрягаются с тематикой мобилизационного планирования, но не совпадают с ними. Мобподготовке в секторе советской военной промышленности в межвоенный период посвящено несколько разделов в монографии А.К. Соколова «От Военпрома к ВПК» [2]. Влияние «военной тревоги» 1927 г. на советское военное планирование рассмотрено в монографии О.Н. Кена [3], однако мобподготовка собственно промышленности, а не РККА, находится за рамками этой работы. Отдельные упоминания о тех или иных обстоятельствах мобподготовки можно найти и в других исследованиях, посвящённых советскому военно-промышленному комплексу [4, 5]. Однако имеющаяся литература затрагивает разные аспекты данной темы фрагментарно, не давая общего представления о ведущих направлениях и складывании системы мобподготовки.

В своём исследовании мы используем рассекреченные архивные материалы, хранящиеся в федеральных архивах, в первую очередь в Государственном архиве Российской Федерации. Большинство этих документов впервые вводятся в научный оборот.

Формирование системы моборганов в СССР в конце 1920-х – начале 1930-х годов

Впервые советское руководство приступило к непосредственно мобилизационному планированию в экономической сфере в современном понимании этого вопроса практически сразу после окончания Гражданской войны – осенью 1921 г. Именно тогда военное ведомство поставило вопрос о создании перспективной (или, как тогда говорили, «максимальной») программы промышленной модернизации, предусматривавшей не только те ресурсы, которые уже были в распоряжении Совнаркома в текущий момент, но и планируемые результаты экономического роста [6]. Уже на этом этапе советское руководство приняло стратегическое решение, которое определило основной вектор мобилизационной подготовки страны на долгие годы вперёд: ставка делалась не на механическое накопление военных запасов, а на заблаговременную подготовку экономики к функционированию в военное время. Предполагалось резервировать не запасы ресурсов на складах, а промышленные мощности для производства этих ресурсов в случае необходимости. С другой стороны, Главное управление военной промышленности (ГУВП) ВСНХ отмечало, что для выполнения мобилизационного плана хотя бы на первый период войны стране обязательно потребуются именно мобзапасы в натуральном виде: сырьё, полуфабрикаты и т.п. ресурсы, без резервирования которых промышленность в случае вооружённого конфликта начнёт испытывать определённые затруднения и не сможет обеспечить армию и тыл всем необходимым. Причём, на 1922 г. ГУВП полагало, что отечественное производство сможет обеспечить мобзапасов на 23 млн руб., а ещё на 24 млн руб. ресурсов для мобрезервов следует приобрести за рубежом¹. То есть свыше половины мобрезервов должно было поступить из-за границы, что стави-

ло советскую промышленность в опасную зависимость от иностранных поставок. Как видим, уже в начале 1920-х гг. советское руководство достаточно адекватно подходило к проблеме мобилизационной подготовки, но вопрос упирался в разрушенную промышленность и постоянную нехватку финансирования (подробнее см. [7]).

Ситуация кардинально изменилась лишь в 1927 г. Рубеж 1926/1927 гг. ознаменовался крупномасштабным наступлением национально-революционной армии (НРА) Китая, действовавшей под эгидой коммунистической партии Китая (КПК) и Гоминьдана. При этом тот факт, что и КПК, и Гоминьдан пользуются как политической, так и экономической поддержкой Советского Союза, был общеизвестен. С учётом того, что подразделения НРА заняли британские концессии в Ханькоу, Цзюцзяне и перенесли военные действия в бассейн Янцзы, который Лондон едва ли не со времён «Опиумных войн» считал своей сферой влияния, вероятность обострения англо-советских отношений резко возросла за считанные недели. Соответственно, вопрос о готовности страны к войне именно в начале 1927 г. перешёл из категории абстрактных рассуждений в разряд злободневных проблем, определяющих политическую повестку дня.

27 мая 1927 г. правительство Великобритании официально разорвало как дипломатические, так и торговые связи с Советским Союзом. В ответ 1 июня ЦК ВКП(б) выступил с обращением «Ко всем организациям ВКП(б). Ко всем рабочим и крестьянам», в котором советский народ призывали быть готовым отразить империалистическую агрессию [8]. В историографии эти события получили название «военной тревоги 1927 г.». Надо отметить, что в этом вопросе советское руководство действовало, в известном смысле, на опережение. Ещё в феврале 1927 г., т.е. до демарша британского правительства, Совет Труда и Обороны, заслушав отчёт о результатах про-

¹ ГА РФ. Ф. 8418. Оп. 2. Д. 55. Л. 1.

ционных аппаратов» (ил. 1–3), согласно которому в каждом наркомате следовало создать отраслевые моборганы, ответственные за проведение мобилизационных мероприятий. Таким образом, 25 июня 1927 г. в СССР наконец была создана система высших и центральных органов мобилизационной подготовки экономики страны к войне.

Достаточно быстро это постановление начало претворяться в жизнь. Скажем, уже 9 июля Центральное Статистическое управление (ЦСУ) СССР отрапортовало в РЗ СТО, что в соответствии с постановлением от 25 июня ЦСУ намерено создать в своей структуре Моббюро в составе трёх человек, помимо этого планировалось создать моббюро из двух человек в ЦСУ УССР, а в ЦСУ прочих республик выделить на мобработку по одному человеку¹.

14 июля в Наркомторге был составлен план комплектования мобаппарата, согласно которому в центральный моботдел предполагалось зачислить восемь человек и ещё столько же — распределить по 1–2 человека в управления наркомата². Постепенно к процессу формирования мобаппаратов начали подключаться прочие наркоматы и центральные учреждения. Следующим шагом в развитии этой системы стало создание сети мобячеек на каждом предприятии (ил. 4, 5).

Следует учитывать, что РЗ СТО была создана ещё в условиях функционирования НЭПовской экономики. Переход к политике форсированной индустриализации требовал резкой интенсификации мобилизационной подготовки промышленности, и это вскоре нашло своё отражение на организационном плане. В декабре 1930 г. РЗ СТО было ликвидировано, а его функции переданы Комиссии обороны при Совнаркоме СССР. В её состав вошли И.В. Сталин, В.М. Молотов (председатель)³, К.Е. Ворошилов, Г.К. Орджоникидзе и В.В. Куйбышев [9]. Судя по всему, именно этот орган и стал

основным организующим центром всей мобработки в масштабах Советского Союза в годы первых пятилеток, вплоть до 1937 г., когда на базе Комиссии обороны был создан Комитет Обороны Совнаркома СССР.

Основные проблемы методологии составления мобпланов в годы первой пятилетки

Однако мало было создать трёхуровневую систему учреждений и инстанций, ответственных за мобилизационную подготовку промышленности к войне. Требовалось также выработать единую всесоюзную методику такой подготовки. По мере выстраивания в советском руководстве консенсуса по поводу того, «какой должна быть система моборганов?», вопрос о том, «как эта система должна работать?», становился всё более актуальным и злободневным. Ситуацию дополнительно осложняло то обстоятельство, что методологию мобилизационного планирования приходилось разрабатывать фактически на сломе эпох: страна стремительно переходила от НЭПовской экономики к экономике планово-распределительной, что требовало постоянных корректив методологических основ мобработки.

К 1927 г. ситуация выглядела, в первом приближении, следующим образом: Народный комиссариат по военным и морским делам СССР подавал заявку на ресурсы, которые потребуются армии и флоту в случае войны. Госплан СССР, взаимодействуя с республиканскими Госпланами, составлял план выполнения этой заявки, а ВСНХ СССР во взаимодействии с республиканскими ВСНХ осуществлял оперативное регулирование государственной экономики, объединённой в хозрасчётные тресты и синдикаты. Однако логика перехода к политике форсированной индустриализации требовала перехода от регулирования через тарифную, ценовую и налоговую политику (что было характерно для

¹ ГА РФ. Ф. 8418. Оп. 1. Д. 43. Л. 10.

² Там же. Л. 27–28.

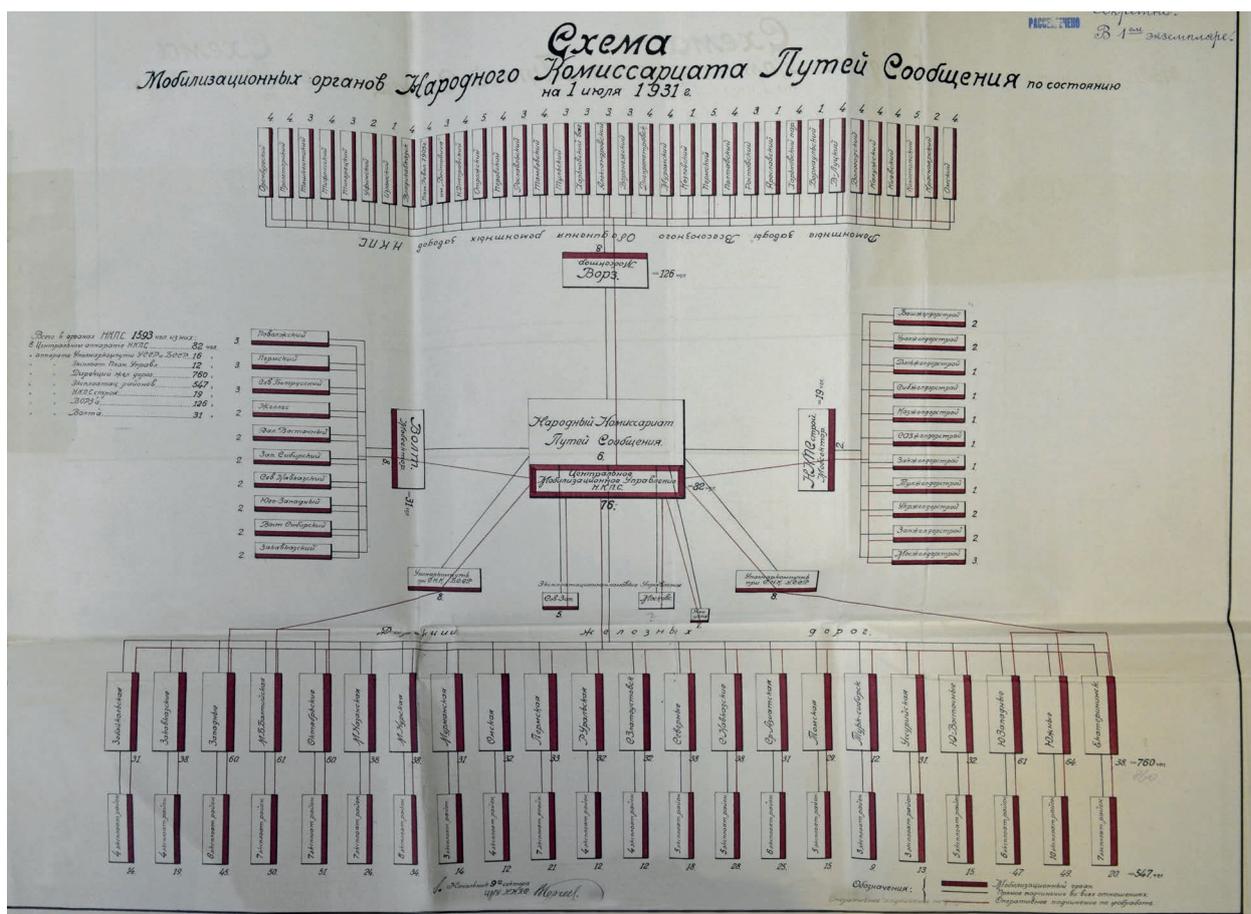
³ Там же. Оп. 8. Д. 152. Л. 5.

Ил. 4. Схема моборганов РСФСР на 1931 г. Приблизительно аналогичная система моборганов была создана в каждой союзной республике

НЭПовской экономики) к директивному управлению. По мере слома НЭПа хозрасчётные тресты и синдикаты начали упраздняться, а подведомственные им предприятия – передаваться в непосредственное управление госструктурам.

Так как достаточно быстро выяснилось, что единый ВСНХ попросту не в состоянии контролировать положение дел на столь большом числе индустриальных объектов, в январе 1932 г. ВСНХ СССР был ликвидирован, а на его базе созданы первые

Ил. 5. Схема моборганов Наркомата путей сообщения на 1931 г. По этому же принципу создавались системы мобучреждений и в других советских ведомствах

три наркомата экономического блока — народные комиссариаты тяжёлой, лёгкой и лесной промышленности. Причём надо учитывать, что одновременно аналогичные процессы с ликвидацией ВСНХ и созданием «хозяйственных» наркоматов протекали и в республиках. В октябре того же года был создан наркомат зерновых и животноводческих совхозов СССР, а летом 1934 г. Наркомат снабжения¹ был разделён на наркоматы внутренней торговли и пищевой промышленности. В результате 9 марта 1935 г. Госплан предложил проект постановления Совнаркома «О порядке проработки мобплана»², который

может считаться последним крупным шагом³ в генезисе методики мобподготовки СССР в первой половине 1930-х гг. Согласно этому проекту Народный комиссариат обороны должен был направлять заявки на материально-техническое снабжение в соответствующие наркоматы, что требовало от военных изначально составлять заявку даже не в отраслевом, а в ведомственном разрезе. Наркоматы прорабатывали эту заявку и передавали свои соображения по поводу того, насколько она выполнима, в Госплан, а уже Госплан СССР, подытожив ведомственные рапорты, представлял на утверждение в Совнарком сводный

¹ Ранее привлекался к мобподготовке по линии резервирования продовольствия и товаров народного потребления.

² ГА РФ. Ф. 8418. Оп. 11. Д. 220. Л. 3.

³ К сожалению, объём данной статьи не позволяет рассмотреть все перипетии развития методологии мобработы в те годы.

мобилизационный план, а также план капитального строительства и промышленного производства по важнейшим отраслям на военное время. После утверждения правительством мобилизационного задания и лимитов сырья для выполнения этого задания наркоматы должны были распределить между собой непосредственно плановые задания из состава мобплана и подготовить материально-техническую базу для выполнения соответствующих заказов в случае войны.

Судя по всему, обсуждение этого проекта изрядно затянулось, так как вторично к данному вопросу вернулись только в конце того же года. 19 октября Госплан направил в Совнарком новое письмо, причём его тональность была весьма жёсткой: *«Система мобилизационной работы страдает рядом серьёзных недостатков, коренящихся в основном в недостаточно чётком определении объёма мобилизационных заданий для отдельных народных комиссариатов, в затяжной и некомпетентной подготовке к выполнению мобзаданий, в переложении в наркоматах руководства работой по мобподготовке на второстепенных лиц, в громоздкости и волоките при разработке мобилизационных планов, в рутине и бюрократизме мобаппаратов»*¹.

Описав, таким образом, состояние дел в организации мобработы, специалисты Госплана далее переходили к изложению причин столь безрадостной картины. Во-первых, они отмечали, что, хотя большинство мобилизационных заданий выдаёт предприятиям Народный комиссариат тяжёлой промышленности (НКТП), значительная часть таких заказов может быть выполнена только и исключительно при условии глубокой кооперации с заводами и фабриками других наркоматов. Между тем зачастую такие кооперативные связи совершенно не учитывались в мобпланировании. Кроме того,

отмечалось в письме, часть предприятий в последние годы была передана из системы Наркомтяжпрома в другие наркоматы, причём эти ведомства, приняв индустриальные объекты, одновременно всячески уклоняются от принятия на себя и мобзаданий, которые ранее закреплялись за этими предприятиями. Поэтому специалисты Госплана настаивали на чёткой фиксации мобзаданий для каждого наркомата, причём любое изменение мобзаданий должно было утверждаться на уровне Совнаркома.

Во-вторых, говорилось в письме, составлению мобплана вредит очень громоздкая система согласования материального обеспечения мобилизации экономики. По сути, существовавший на тот момент порядок предусматривал взаимные предъявления наркоматами друг другу требований на поставку тех или иных материальных фондов. *«Получается бесконечный круг заявок, и в результате план материального обеспечения мобилизации никогда до конца не прорабатывается. Эта практика должна быть заменена системой составления на военный год централизованных материальных балансов по основным видам материалов, как это имеет место быть при составлении народнохозяйственного плана в мирное время»*².

В итоге порядок составления мобпланов был согласован только в декабре 1935 г. Мобпланы должны были разрабатываться и при необходимости корректироваться наркоматами на основании специальных постановлений Совета труда и обороны (СТО). В этих постановлениях должны были определяться объём мобилизационных заданий, порядок и сроки разработки мобплана, а также период его действия. После того, как Совнарком утверждал план мобилизационного развёртывания РККА, НКО должен был составить приблизительную заявку (*«основные лимиты»*³) на вооружение, технику,

¹ ГА РФ. Ф. 8418. Оп. 11. Д. 220. Л. 11.

² Там же, Л. 11об.

³ Там же, Л. 23.

боеприпасы и иное имущество, требуемое на год войны, и представить эту заявку на утверждение в СТО. После того, как СТО утверждал «основные лимиты», НКО составлял развёрнутую мобзаявку, которая предъявлялась:

- ◆ по вооружению и боевой технике – наркомату тяжёлой промышленности;
- ◆ по продовольствию – наркоматам внутренней торговли и пищевой промышленности, а также Комитетам Заготовок и Резервов при Совнарком;е;
- ◆ по обозно-вещевому имуществу, прочим видам военного снабжения, общегражданской продукции и фондам – Госплану СССР.

На основании полученной мобзаявки Наркомата обороны Наркомтяжпром, в свою очередь, подавал в Госплан заявку на сырьё, комплектующие и полуфабрикаты. Далее уже Госплан на основании заявок НКО и НКТП развёрстывал задания по прочим наркоматам.

Подводя итоги, следует признать, что процесс складывания системы мобилизационных органов в годы первой пятилетки был весьма непрост и извилист.

Далеко не сразу, постепенно идея создания всеобъемлющей системы мобилизационной подготовки экономики кристаллизировалась в советской партийно-государственной среде, и лишь внешнеполитический кризис 1927 г. позволил довести эту идею до практического воплощения. Создание в 1927 г. целостной системы «центральный мобилизационный орган – ведомственные мобилизационные органы – местные мобячейки» ознаменовало формирование в СССР дееспособной системы мобподготовки экономики, и эта система практически без изменений просуществовала вплоть до начала Великой Отечественной войны.

Разработка методологии составления мобпланов существенно затруднялась как новизной и сложностью этого вопроса вообще, так и тем, что эту работу приходилось вести в условиях стремительно меняющихся основ экономики: СССР именно на рубеже 1920–1930-х гг. осуществлял переход от НЭПовской экономики к экономике планово-распределительной. Однако к 1935 г. эта работа была в целом успешно завершена.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мелия А.А. Мобилизационная подготовка народного хозяйства СССР. М., 2004.
2. Соколов А.К. От Военпрома к ВПК: Советская военная промышленность. 1917 – июнь 1941 г. М., 2012.
3. Кен О.Н. Мобилизационное планирование и политические решения. М., 2008.
4. Симонов Н.С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М., 1996.
5. Быстрова И.В. Советский военно-промышленный комплекс: проблемы становления и развития (1930–1980-е годы). М., 2006.
6. Реввоенсовет республики: Протоколы, 1920–1923: Сборник документов. М., 2000. С. 233–236, 247, 250–251.
7. Мухин М.Ю. Складывание системы органов мобилизационной подготовки промышленности в Советской России и СССР в 1921–1927 гг. // Исторические вызовы и экономическое развитие России. Екатеринбург, 2019. С. 415–420.
8. Лившин А.Я. «Военная тревога» 1927 года и общественные настроения в Советском Союзе. // Государственное управление. Электронный вестник. Вып. 50. Июнь 2015 г. С. 191.
9. Васильев В.В. Создание и работа Военно-Технического бюро при Комитете Обороны СНК СССР в предвоенные годы // Военно-Исторический журнал. 2013. № 8. С. 48.

Establishing a System of Mobilization Bodies and Developing a Methodology for Drawing up Mobilization Schemes in the USSR During the First Five-Year Plan

Mikhail Yurievich Mukhin – Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher at the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Head of the project "Mobilization preparation of the Soviet industry during the First Five-Year plan" (21-09-43004).

E-mail: mukhin@mail.ru

This paper focuses on a set of preparatory mobilization measures taken in the Soviet economy in case of war during the first Five-Year Plan. The foreign-policy crisis of 1927, terrorist attacks, military threat and the "march into socialism" prompted the leaders of the USSR to take urgent steps aimed at establishing a system of economic mobilization and developing special mobilization schemes of reserving resources to repulse the acts of aggression. As a result, in the late 1920s, the USSR, for the first time ever, created a well-built system of economic mobilization with the central mobilization body, departments and local mob units. This system remained almost unchanged until the onset of the Great Patriotic War. Alongside with the new structures and system of mobilization planning in the USSR, the nation developed a methodology for compiling mobilization plans. This work was challenging due to new and complex tasks, an acute shortage of resources, as well as the simultaneous collectivization and industrialization amidst the breakdown of the NEP and the transition to a planned distribution system.

Keywords: Industrialization, mobilization preparation, mobilization plan, mobilization resources, mobilization agencies, preparation of the economy for war, planning methodology, first five-year plan, military alert of 1927, history of Stalinism, economic history

REFERENCES

1. Meliya A.A. Mobilizatsionnaya podgotovka narodnogo khozyaistva SSSR. M., 2004 (in Russian).
2. Sokolov A.K. Ot Voenproma k VPK: Sovetskaya voennaya promyshlennost'. 1917 – iyun' 1941 g. M., 2012 (in Russian).
3. Ken O.N. Mobilizatsionnoe planirovanie i politicheskie resheniya. M., 2008 (in Russian).
4. Simonov N.S. Voennno-promyshlennyy kompleks SSSR v 1920–1950-e gody: tempy ekonomicheskogo rosta, struktura, organizatsiya proizvodstva i upravlenie. M., 1996 (in Russian).
5. Bystrova I.V. Sovetskii voennno-promyshlennyy kompleks: problemy stanovleniya i razvitiya (1930–1980-e gody). M., 2006 (in Russian).
6. Revvoensovet respubliki: Protokoly, 1920–1923: Sbornik dokumentov. M., 2000. S. 233–236, 247, 250–251 (in Russian).
7. Mukhin M.Yu. Skladyvanie sistemy organov mobilizatsionnoi podgotovki promyshlennosti v Sovetskoi Rossii i SSSR v 1921–1927 gg. // Istoricheskie vyzovy i ekonomicheskoe razvitiye Rossii. Ekaterinburg, 2019. S. 415–420 (in Russian).
8. Livshin A.Ya. «Voennaya trevoga» 1927 goda i obshchestvennye nastroyeniya v Sovetskom Soyuze. // Gosudarstvennoye upravlenie. Elektronnyi vestnik. Vyp. 50. Iyun' 2015 g. S. 191 (in Russian).
9. Vasil'ev V.V. Sozdanie i rabota Voennno-Tekhnicheskogo byuro pri Komitete Oborony SNK SSSR v predvoennyye gody // Voennno-Istoricheskii zhurnal. 2013. № 8. S. 48 (in Russian).

Индекс УДК 902/904

Код ГРНТИ 03.41.91

DOI: 10.22204/2587-8956-2022-110-03-19-37

**В.И. МОЛОДИН,
Л.Н. МЫЛЬНИКОВА,
Н.С. ЕФРЕМОВА***

Обь-Иртышское междуречье в эпоху раннего неолита – бронзы, Средневековья: культурогенез, хозяйство, мировоззрение (по материалам археологических комплексов)

Представлены результаты исследований в рамках проектов РФФИ археологических памятников эпохи неолита–бронзы и Средневековья, расположенных на территории Барабинской лесостепи в Среднем Приомье. Раскопки разновременных и разноплановых памятников (могильников, поселений, ритуальных комплексов) позволили изучить жилые и хозяйственные постройки, погребения и объекты поклонения, в результате чего были получены новые данные о хозяйстве и особенностях идеологических представлений носителей ряда археологических культур: одиновской, кротовской, андроновской (фёдоровской), кыштовской. По материалам раннего неолита выделена новая – барабинская – археологическая культура. Зафиксированы археологические свидетельства контактов двух популяций эпохи ранней–развитой бронзы – одиновской и кротовской – в III тыс. до н.э. Дана характеристика хозяйству населения региона эпохи раннего неолита. Оно рассматривается преимущественно как рыболовецкое: принимая во внимание свидетельства развития рыболовства в микрорайоне Барабы, можно говорить об использовании речных/озёрных биоресурсов для этой цели уже с VIII–VII тыс. до н.э. Для раннего неолита зафиксирован специфический

* **Молодин Вячеслав Иванович** — доктор исторических наук, академик РАН, советник директора, ведущий отделом археологии палеометалла, главный научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, руководитель проекта «Население Среднего Приомья в раннем голоцене по материалам новейших археологических комплексов: периодизация, хронология, культурогенез» (18-09-00406).
E-mail: Molodin@archaeology.nsc.ru

Мыльникова Людмила Николаевна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, руководитель проекта «На заре металлургии: технология бронзолитейного производства населения Обь-Иртышской лесостепи в III–II тыс. до н.э.» (18-09-40051), исполнитель проекта «Население Среднего Приомья в раннем голоцене по материалам новейших археологических комплексов: периодизация, хронология, культурогенез» (18-09-00406).
E-mail: L.mylnikova@yandex.ru

Ефремова Наталья Сергеевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, руководитель проекта «Модели иррациональной деятельности населения юга Западной Сибири в голоцене» (18-09-40028), исполнитель проекта «Население Среднего Приомья в раннем голоцене по материалам новейших археологических комплексов: периодизация, хронология, культурогенез» (18-09-00406).
E-mail: ens77@mail.ru

способ хранения рыбы – «рыбные ямы» и копчение. Существовавшее на данной территории бронзолитейное производство в рассматриваемый период приобретает первые черты ремесленного. Анализ остеологических материалов одиновских памятников Центральной Барабы позволяет реконструировать экономику оставившего их населения как переходную от присваивающих форм хозяйства к производящим.

Представлены материалы святилища эпохи Средневековья кыштовской культуры южных хантов. Установлена связь культовых комплексов культуры с амбарчиками со священными мест сибирских народов и с надмогильными сооружениями. По результатам работы над проектами опубликованы две монографии.

Ключевые слова: Западная Сибирь, барабинская культура, одиновская культура, кротовская культура, андроновская культура, кыштовская культура, этнокультурные процессы, бронзолитейное производство, керамика, культовый комплекс, обряд

Барабинская лесостепь, расположенная в междуречье сибирских рек Оби и Иртыша, – это очень своеобразный в экологическом и территориальном смысле регион, который во все времена обуславливал специфику древних культур, существовавших в регионе. Особенности этой природно-климатической зоны благоприятствовали ведению скотоводческого хозяйства, охоте и рыболовству [1, с. 4, 10]. Неудивительно, что свидетельством интенсивного освоения богатой природными ресурсами территории являются многочисленные разновременные археологические памятники, появляющиеся здесь с эпохи палеолита (рис. 1).

Ряд исследовательских проектов РФФИ последних лет (№ 18-09-00406, 18-09-40051, 18-09-00406), посвящённых изучению как материальной, так и духовной культуры древних этносов, включал всестороннее изучение разноплановых археологических памятников: некрополей, поселений, ритуальных объектов. Это позволило с разных точек зрения взглянуть на быт, хозяйственный уклад и особенности традиций носителей археологических культур, существовавших на территории Барабинской лесостепи в эпоху неолита – ранней и развитой бронзы и Средневековья. В данной публикации отражены основные результаты работы научного коллектива ИАЭТ СО РАН

(Новосибирск), проводившейся в рамках указанных исследовательских проектов.

Культурогенез. Хозяйство. Мировоззрение

Одним из уникальных памятников Барабы является разновременный комплекс Тартас-1, исследующийся с 2004 г. В результате реализации проектов на этом памятнике вскрыта площадь 3660 кв. м, изучены 68 погребений, около 200 ям различного назначения и хронологических рамок, в том числе «рыбные ямы» эпохи раннего неолита (VIII–VI тыс. до н.э.), 15 погребально-поминальных комплексов (рис. 2).

На памятниках Усть-Тартас-1, 2 за время выполнения проектов исследована площадь 1519,5 кв. м, изучены 60 погребений, 120 ям (из них – 2 «рыбные ямы» раннего неолита), культовый комплекс эпохи раннего неолита с серией прикладов, содержащих высокохудожественные предметы, погребально-поминальный комплекс эпохи позднего неолита, могильники одиновской и кротовской культур, поселенческие материалы раннего железного века (рис. 3). Несмотря на короткий срок исследования (четыре полевых сезона), полученные материалы свидетельствуют об уникальности этого объекта.

В результате раскопок последних пяти лет на памятнике Тартас-1 изучены жилые и хозяйственные постройки эпохи раннего

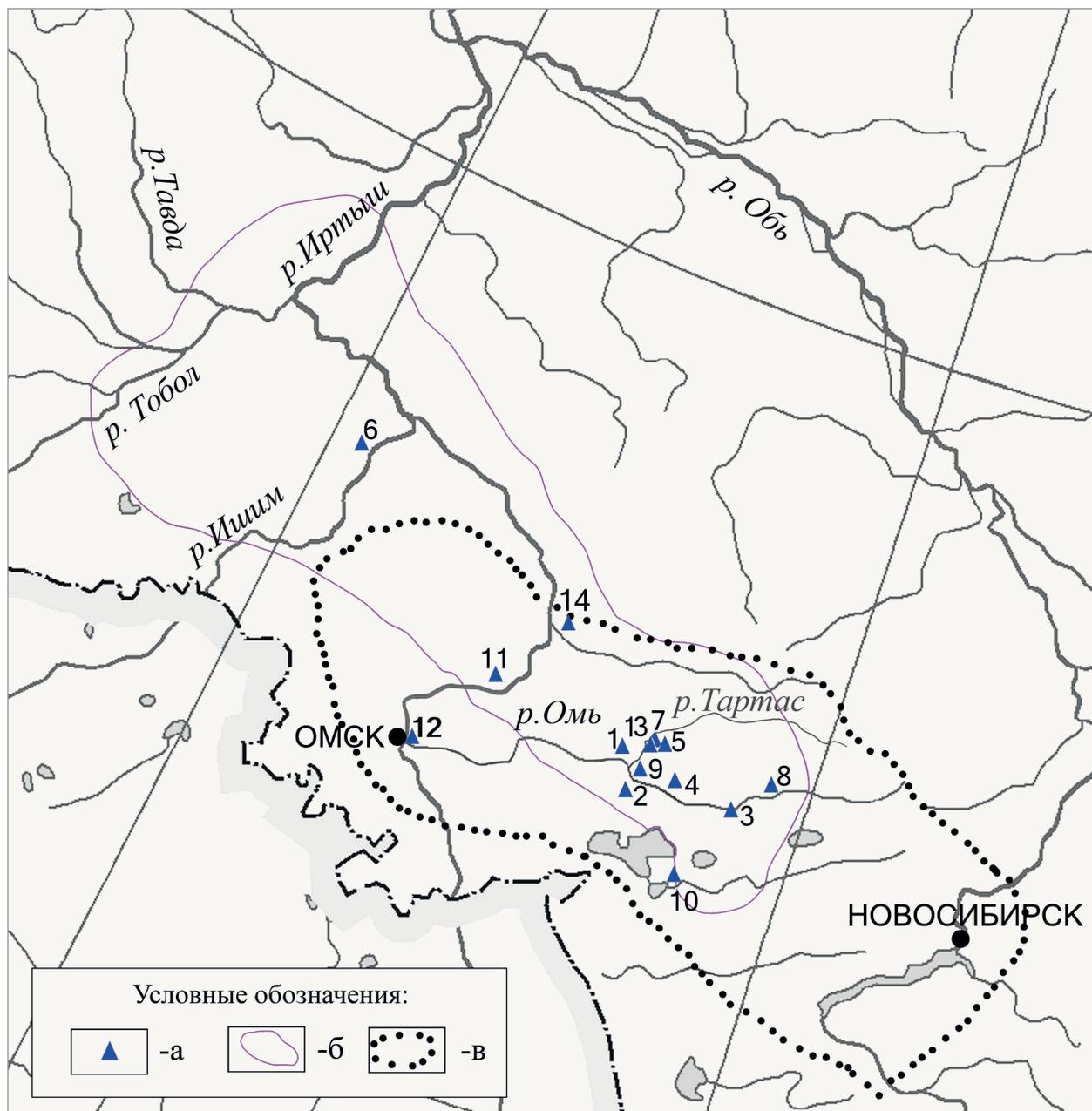

Рис. 1. Расположение памятников, упоминаемых в статье:

- а — памятник; б — ареал одиновской культуры; в — ареал кротовской культуры. 1 — Тартас-1; 2 — Старый Тартас-5; 3 — Марково-2; 4 — Преображенка-3, 6; 5 — Усть-Тартас-1, 2 (Карьер Таи-1); 6 — Серебрянка-1; 7 — Венгерово-2; 8 — Абрамово-10; 9 — Сопка-2/4Б, В; 10 — Каргат-6; 11 — Черноозерье-VI; 12 — Ростовка; 13 — Автодром-2; 14 — Крючное-6

неолита. Планиграфический анализ исследованных сооружений и сопутствующих им ям показал, что примерная площадь, которую занимало поселение, составляла 750 кв. м. Близость больших рек и интенсивные сезонные паводки давали обильные продукты рыболовства. Исследованные ямы имели овальную форму, прямые, почти отвесные стенки и ровное дно (рис. 4).

Диаметр их варьировал от 1,4 до 2,1 м, глубина — от 0,65 до 2,37 м. Ямы более 1,0 м глубиной использовались как контейнеры для долговременного хранения рыбы; мелкие (до 1,0 м), как правило, кроме останков рыбы, имели обожжённые стены, что свидетельствует о специальной её обработке.

Занимаемая площадь, число использованных ям и их конструктивное раз-

Рис. 2. Участок раскопа разновременного памятника Тартас-1 (Венгеровский р-н Новосибирской обл.)

нообразии, фиксируемые зоны обитания в хозяйственных постройках, перемещение теплотехнических устройств позволяют отнести посёлок к долговременным объектам. Подобные ямы найдены также на памятнике Усть-Тартас-1. Здесь объекты эпохи раннего неолита находились в непосредственной близости от края террасы, которая возвышается над современным урезом воды $\approx$ на 9 м. Они представлены крупными аморфными в плане ямами глубиной до 2,5 м с характерным слоистым заполнением и мощными прослойками (до 0,1 м) рыбьей чешуи и костей. На уровне дна заполнение глубоких ям обоих памятников включало большое количество чешуи и костей рыбы, причём в каждом объекте зафиксировано значительное число особей (50–80). Большая часть их принадлежала крупным представителям карася и язя в возрасте 7, 9, 11 и 12 лет.

Заготовка рыбы в ямах известна у многих народов Северной Евразии. Например, А.А. Саввин описывал способ квашения рыбы у якутов: «...её (рыбу) плотно набивали в яму. Сверху заваливали толстым слоем земли... Яму с квашеной рыбой по-

верх забрасывали ветками молодых зелёных лиственниц» [2, с. 118]. Аналогичный способ ферментации рыбы в ямах глубиной до 1,0 м, засыпанных землей и травой, описан у кетов [3, с. 125].

Кроме заквашивания население Барабы эпохи раннего неолита знало и другие способы заготовки. В конструкции № 6 обнаружено теплотехническое сооружение, представляющее собой углубление размерами 2,7×0,8 м, включающее яму с прокалом и идущую от неё канаву. Очажная яма размерами 0,9×0,55 м, глубиной от уровня пола котлована до 0,10–0,20 м, располагалась в юго-западной части углубления. Наличие глиняной обмазки и линз насыщенно-чёрной углистой супеси свидетельствует о длительном и интенсивном температурном воздействии. Канавка, отходящая от ямы, длиной 1,35 м, шириной от 0,4 до 0,6 м, направлена к краю террасы. Данный объект был интерпретирован как копильня, имеющая основную камеру для разведения огня и дымовыводящий канал, на конце которого над уровнем пола размещался продукт обработки. Такая конструкция предназначена для холодного копчения. Аналогии подобным сооруже-

ниям известны на памятниках различных культур эпохи бронзы Сибири [4].

На памятнике Усть-Тартас-1 изучены два объекта раннего неолита, переиспользованные населением одиновской культуры для тех же целей [5]. Для эпохи раннего неолита на основе анализа материалов постоянных и временных поселений (новейшие материалы из памятников Венгерово-2, Усть-Тартас-1, Тартас-1) выделено новое культурное образование – барабинская культура. В настоящий момент в Приомье к ней отнесены четыре памятника: поселенческий комплекс на Тартасе-1, где изучены два временных жилища (одно – с очагом-коптильней) и «рыбные ямы», Усть-Тартас-1 – с «рыбными ямами» и ритуальным комплексом, поселение Венгерово-2 с жилищем и ямой, где найдена острога из кости, поселение Автодром-2/2.

О важной роли скотоводства и охоты свидетельствует материал, полученный при исследовании погребальных археологических памятников эпохи ранней–развитой бронзы. Одиновская часть многослойного могильника Тартас-1 представлена 37 захоронениями и не менее чем 36 ритуальными ямами, при этом в 11 могилах и 6 ямах присутствуют кости животных. Встречаются три варианта помещения костей животных в погребение: в сопроводительных сооружениях, в заполнении могилы и на её дне непосредственно вместе

с останками погребённого. Причём с телом умершего помещалась как заупокойная пища, так и украшения и орудия труда из костей, рогов и зубов животных.

В захоронениях большая часть находок локализуется в районе ног (между берцовых костей, с правой или левой стороны от стопы) или в области кистей рук. Кроме могил сопроводительный инвентарь и кости жертвенных животных и рыбы присутствуют в примыкающих к погребениям ритуальных ямах, что является частью погребального обряда одиновской культуры. Обращает на себя внимание, что значительная часть остеологической коллекции представлена частями черепа использованных в ритуале животных, что, видимо, говорит о формировании культа головы. Данное предположение подтверждается распространением изображений голов в одиновском искусстве. Что касается видового состава, то в погребениях и связанных с ними ритуальных ямах могильника Тартас-1 найдены кости не менее чем 7 лошадей, 4 овец, 5 коров, 2 собак, 4 лосей, 2 косуль, 1 медведя, 1 соболя, 3 уток. Явное преобладание домашних животных в материалах этого памятника контрастирует с коллекцией из погребений памятника Сопки-2/4, где число диких животных (особенно лося) очень велико. Однако следует отметить, что все находки костей лося из Сопки являются изделиями из рога (6 экз.), проколками (10 экз.) или подвес-

Рис. 3. Усть-Тартас-1, 2. Участки раскопов 2018–2020 гг. с ровиком, оконтуривающим сакральное пространство

Рис. 4. Тартас-1, раскопки 2015 г. Яма для заквашивания рыбы (№ 991).
Барабинская культура

ками из резцов (33 экз.). Такая ситуация, скорее, говорит о предпочтении в выборе поделочного материала, а не о преобладании охоты над другими видами хозяйства.

Выявлены в регионе и погребения эпохи позднего неолита. На памятнике Усть-Тартас-2 в рамках проекта исследован погребально-поминальный комплекс, который состоит из системы могильных ям, окружённых прерывистым рвом. По сравнению с открытым в 2011–2012 гг. при раскопках поселенческого комплекса Венгеро-2 могильником новокаменного века он имеет эпохальные черты и свои особенности, что явилось очень важным обстоятельством в деле изучения проблем антропо- и этногенеза. Полученный уникальный банк данных является одним из наиболее репрезентативных в мире [6].

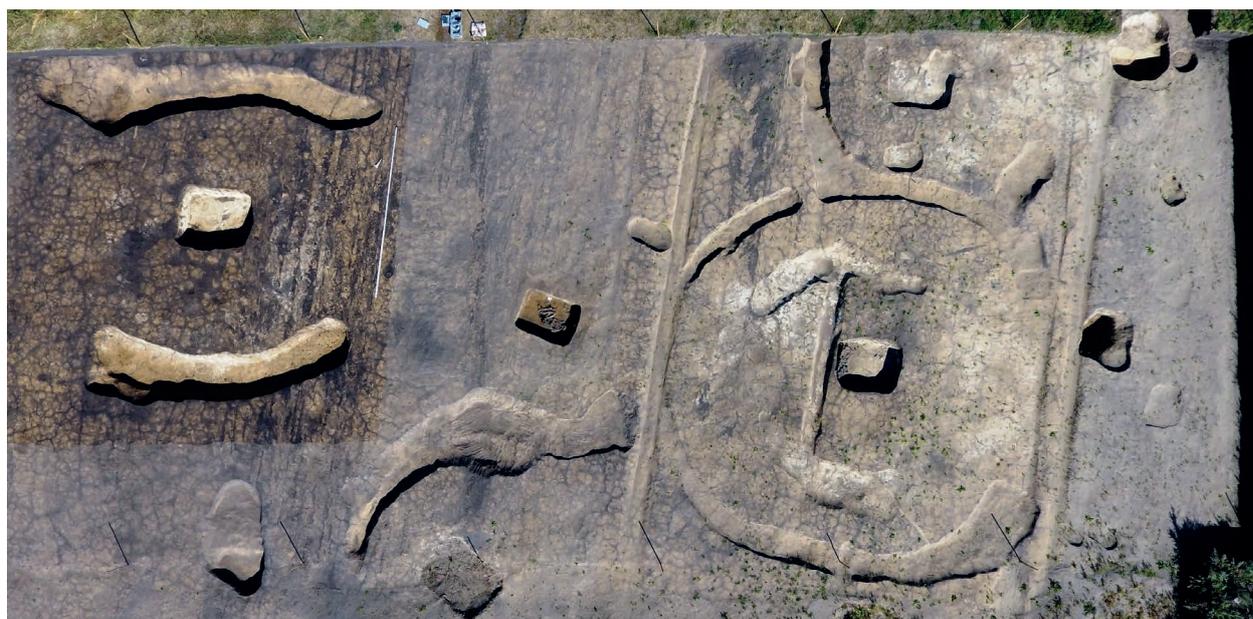
Интересные данные зафиксированы при исследовании погребений ранней-развитой бронзы. На могильнике Тартас-1 одиновское захоронение было перекрыто кротовским. Для обоих комплексов име-

ются радиоуглеродные датировки, подтверждающие стратиграфические наблюдения [7]. Однако полученные в последнее время обширные серии радиоуглеродных дат свидетельствуют о сосуществовании этих культур во второй половине III тыс. до н.э. Варианты взаимодействия отмечены на поселении кротовской культуры Венгеро-2. В жилище № 10 был выявлен факт совместного залегания одиновской и кротовской посуды. В этом же жилище исследовано теплотехническое сооружение, представляющее собой очаг, одна из стенок которого укреплена фрагментами керамических сосудов. Аналогичный способ очажной конструкции был изучен на поселении одиновской культуры Старый Тартас-5 [8]. Таким образом, зафиксировано заимствование традиций сооружения теплотехнических конструкций. Подчеркнём, что кротовское население восприняло и бронзолитейные традиции одиновской культуры: использование сложносоставных тиглей.

Характеризующие эпоху развитой бронзы особенности погребальной практики выявлены для андроновского (фёдоровского) населения, оставившего разные части могильника Тартас-1. Здесь за всё время изучения (2004–2021 гг.) вскрыта площадь более 36 000 кв. м, исследовано более 800 погребений, относящихся практически ко всем периодам истории Среднего Приомья, начиная с неолита и заканчивая периодом позднего Средневековья. Наиболее репрезентативной частью этого памятника (Тартас-1) являются погребальные комплексы андроновской (фёдоровской) культуры – более 500 захоронений. Выявлены два основных варианта организации сакрального пространства [9, с. 358]. Наиболее распространённый вариант планировки некрополя предполагает расположение могил рядами, вытянутыми с юга на север вдоль восточного края занимаемой могильником террасы. Второй тип объектов организации погребального поля занимает северо-западную часть некрополя. Эта часть андроновского (фёдоровского) могильника отличается наличием своеобразных земляных сооружений, связанных с погребальными комплексами. В северо-западной части памятника андроновские (фёдоровские) по-

гребения часто окружены прерывистыми рвами и ямами, чаще всего не содержащими каких-либо находок (рис. 5). Лишь в виде исключения в них были обнаружены развалы сосудов, отдельные фрагменты керамики, кости, очень редко – погребения. Основными способами захоронения человека являются ингумация и кремация. Иногда встречается сочетание данных способов в одной могиле. Имевшие место варианты погребального обряда могли свидетельствовать как минимум о различных истоках и времени миграций носителей культуры в Барабинскую лесостепь.

Уникальность исследованным памятникам придаёт и наличие на них специфических культовых объектов. Так, на памятнике Усть-Тартас-1 обнаружен оригинальный ритуальный комплекс (см. рис. 3). Он представлен ровиком П-образной формы, узким (ширина от 0,2 до 1,5 м), но глубоким (до 1 м от материка), который оконтуривает собой на краю террасы довольно обширную площадку. С наружной и внутренней сторон ровик сопровождается овальными ямами, сооружёнными как бы бессистемно, однако дублируя направление ровика. Сакральное пространство составляет 390 кв. м. В ровике и ямах присутствуют

Рис. 5. Тартас-1, раскопки 2019 г.
Погребально-поминальный комплекс андроновской (фёдоровской) культуры

Рис. 6. Усть-Тартас-1. Ритуальный комплекс.
Участок приклада с фигуркой-навершием в виде головы лося

предметы эпохи раннего неолита в виде фрагментов керамики, каменных и костяных орудий, костей и черепов животных, чешуи, костей, жаберных крышек рыбы. В самой широкой части ровика (1,5 м) обнаружен наиболее представительный приклад. Он состоял из набора плотно примыкающих друг к другу предметов, очевидно помещённых в какую-то ёмкость. Это изделия из камня – концевые скребки, нуклеус с отщепами, которые поддаются ремонту; тесло, отщепы и сколы; подвески, выполненные из эпифизов куропатки; конусовидный предмет из рога; массивная лопатка из черепа лося; кинжаловидные предметы из костей крупного животного; массивный вкладышевый кинжал; массивная заготовка изделия со следами сколов; кости конечностей лебедя; навершие в виде объёмной скульптуры головы лося (рис. 6). В верхней части приклада находилось изделие из лопатки лося, выполненное в виде фигуры птицы с объёмно переданной головой, волнообразно выполненным краем и оформленным лезвием. Сходство с фигурой птицы обеспечивало массивное орудие из рога с заполиро-

ванным рабочим концом, имитирующее крыло птицы. Все вышеперечисленные предметы имеют аналогии в комплексах изделий, относящихся к периоду мезолита – раннего неолита памятников преимущественно таёжной зоны Европы и Зауралья. Дата, полученная по костям животных из этого приклада, также соответствует VII тыс. до н.э. [10].

Исследование святилищ и ритуальных комплексов Западной Сибири позволило выявить характерные для региона признаки культовых памятников и проследить их функциональную дифференциацию. Для сибирских святилищ эпохи раннего металла характерны особенности, по которым их можно отнести именно к культовым объектам.

1 – расположение. Как правило, они локализованы на возвышенных местах либо близ неординарных ландшафтных объектов, отмечается специфическая организация сакрального пространства;

2 – наличие находок. На ограниченной площади наблюдается концентрация находок, большую часть которых составляет керамический и остеологический материал;

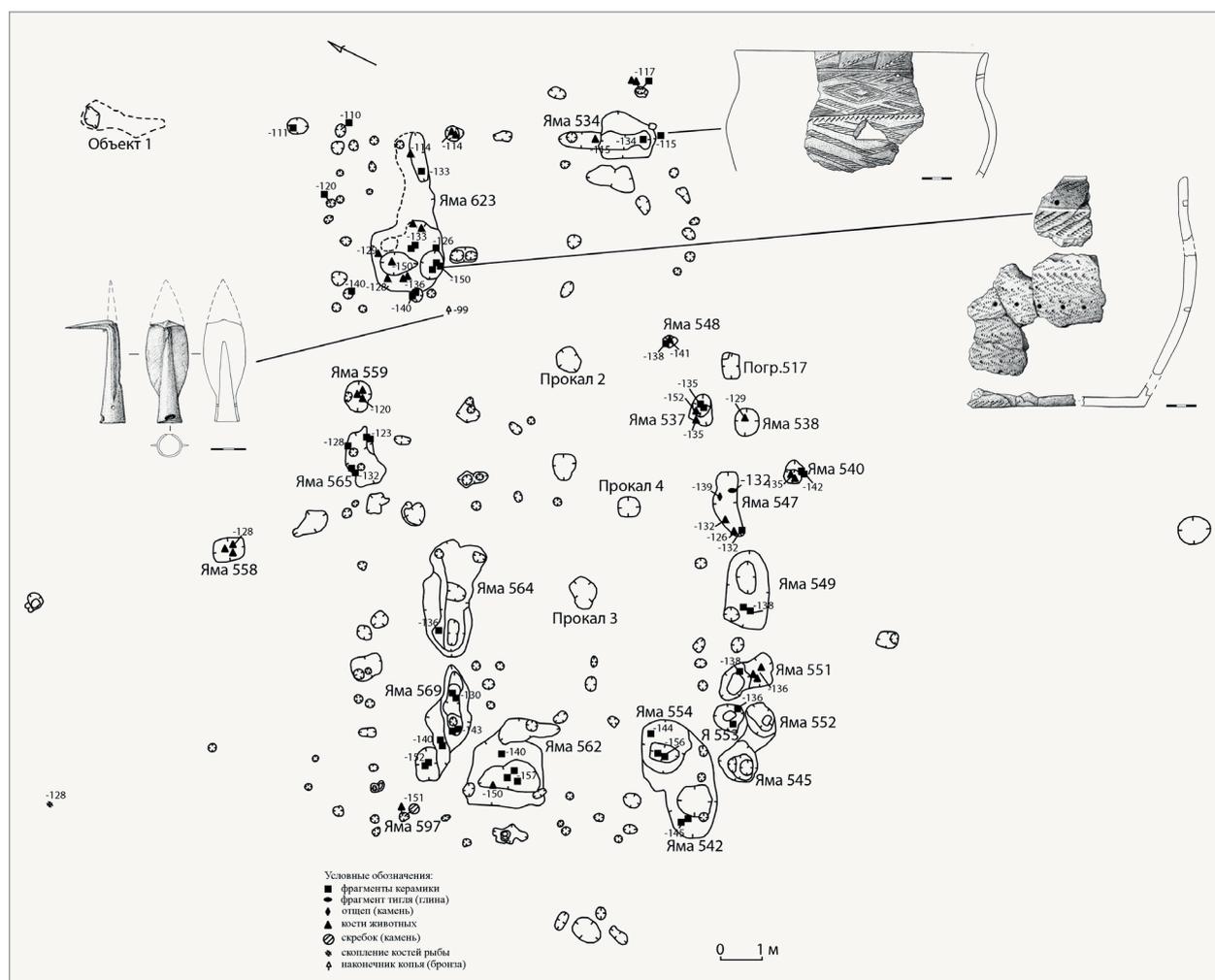

Рис. 7. Тартас-1. План каркасно-столбовой конструкции ритуального комплекса № 2 и находки

3 — специфический набор артефактов. В остеологической коллекции преобладают кости черепа и конечностей, артефакты могут иметь изъяны или быть испорчены преднамеренно, сосуды представлены фрагментарно либо стоящими вверх дном, присутствуют культовые артефакты;

4 — наличие следов использования огня — прокалов, очагов, зольников;

5 — культовые места посещались с установленной периодичностью; ритуальные действия, как правило, включали обряды жертвоприношения, в том числе человеческие.

С появлением новых отраслей хозяйства, например металлообработки, могли возникать и «узко специализированные» культовые комплексы. Таковы, в частности, ритуальные объекты памятника Тартас-1,

имеющие все перечисленные признаки, на основании чего и интерпретированные как культовые (рис. 7).

Обнаруженные здесь материалы позволяют отнести их к восточному варианту пахомовской культуры переходного от эпохи бронзы к эпохе раннего железа времени и связать с процессом литья металла [11]. Среди находок отмечены бронзовые предметы, сплески бронзы, обломки льячек, мощные теплотехнические сооружения, остатки жертвоприношений в виде жертвенных ям, а также многочисленные фрагменты керамики и костей животных и даже единичные кости человека. Примечательно, что иногда ритуальные комплексы представляли собой каркасно-столбовые сооружения и находились в непосредственной близости от захоронений пахомовской

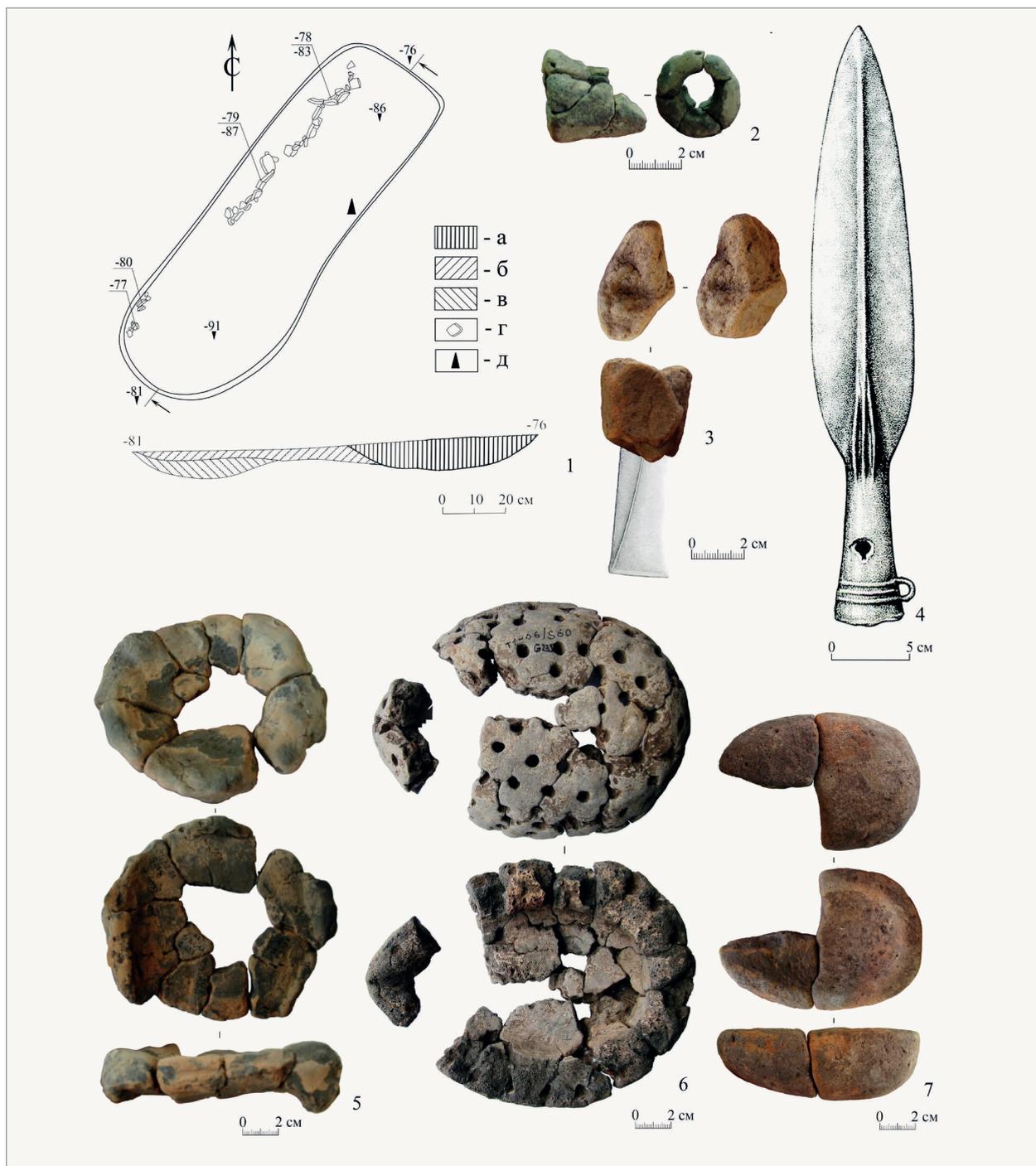
Рис. 8. Могильник Сопка-2. Культурный комплекс № 12 [12, рис. 50]

и ирменской культур. Расположение комплексов позволяет рассматривать их и в качестве составной части культов умерших (культов предков). Подобное предположение обусловлено тем, что погребальные культовые объекты локализованы, как правило, на территории некрополей и имеют чётко выраженную функциональную направленность: с одной стороны, помощь в процессе перехода из мира живых в мир потусторонний, с другой — отправление культа предков. Чётко выраженных типов перечисленных памятников практически не существует — местные условия могли постепенно трансформировать культовые объекты в полифункциональные, обрядовая деятельность на них при этом приобретала синкретичные черты.

О существовании сложных идеологических представлений у древнего населения региона свидетельствуют и материалы святилища эпохи Средневековья, исследованного в Венгеровском р-не Новосибирской области и отнесённого к кыштовской

культуре южных хантов. В процессе реализации проекта коллективом определена функциональная направленность и предложена классификация более 20 культовых комплексов, локализованных на разновременном могильнике Сопка-2 и имеющих аналоги на близлежащих территориях. По планиграфическим и морфологическим особенностям выделены пять типов сооружений, большинство из них представляло собой подкурганые деревянные обгоревшие сооружения в виде четырёхугольной рамы, внутри которой располагался инвентарь: сосуды, наконечники стрел, украшения, а в ряде случаев — деревянные идолы (рис. 8).

Архитектурные особенности и реконструкция обнаруживают связь культовых комплексов кыштовской культуры как с культовыми амбарчиками со священными мест сибирских народов, до настоящего времени известных по этнографическим данным, так и с намогильными сооружениями. Погребальные обряды северных

Рис. 9. Бронзолитейный комплекс одиновской культуры. 1 — плавильный горн, пос. Старый Тартас-5, жил. 1: а — плотная углистая почва насыщенно-чёрного цвета, б — прокалённая почва бурого цвета, в — прокалённая почва красного цвета, г — фрагменты керамики, д — сопло; 2 — керамическое сопло, пос. Старый Тартас-5, прокал 5; 3 — фрагмент литейной формы, пос. Марково-2; 4 — наконечник копья, Преображенка-6; 5 — тигель первого типа, Тартас-1, яма 288; 6, 7 — тигли второго типа (6 — Тартас-1, конструкция 4, очаг (яма 235), 7 — пос. Марково-2, жил. 3) [20, рис. 159]

этносов включают изготовление иттерма — куклы умершего, которая по истечении определённого периода могла заворачиваться или сжигаться в ритуальном

амбарчике. Совокупность конструктивных особенностей и специфического набора инвентаря, а также присутствие в ряде случаев антропоморфных изображений

делают наиболее приемлемым вариантом интерпретации рассматриваемых сооружений именно как захоронение иттерма.

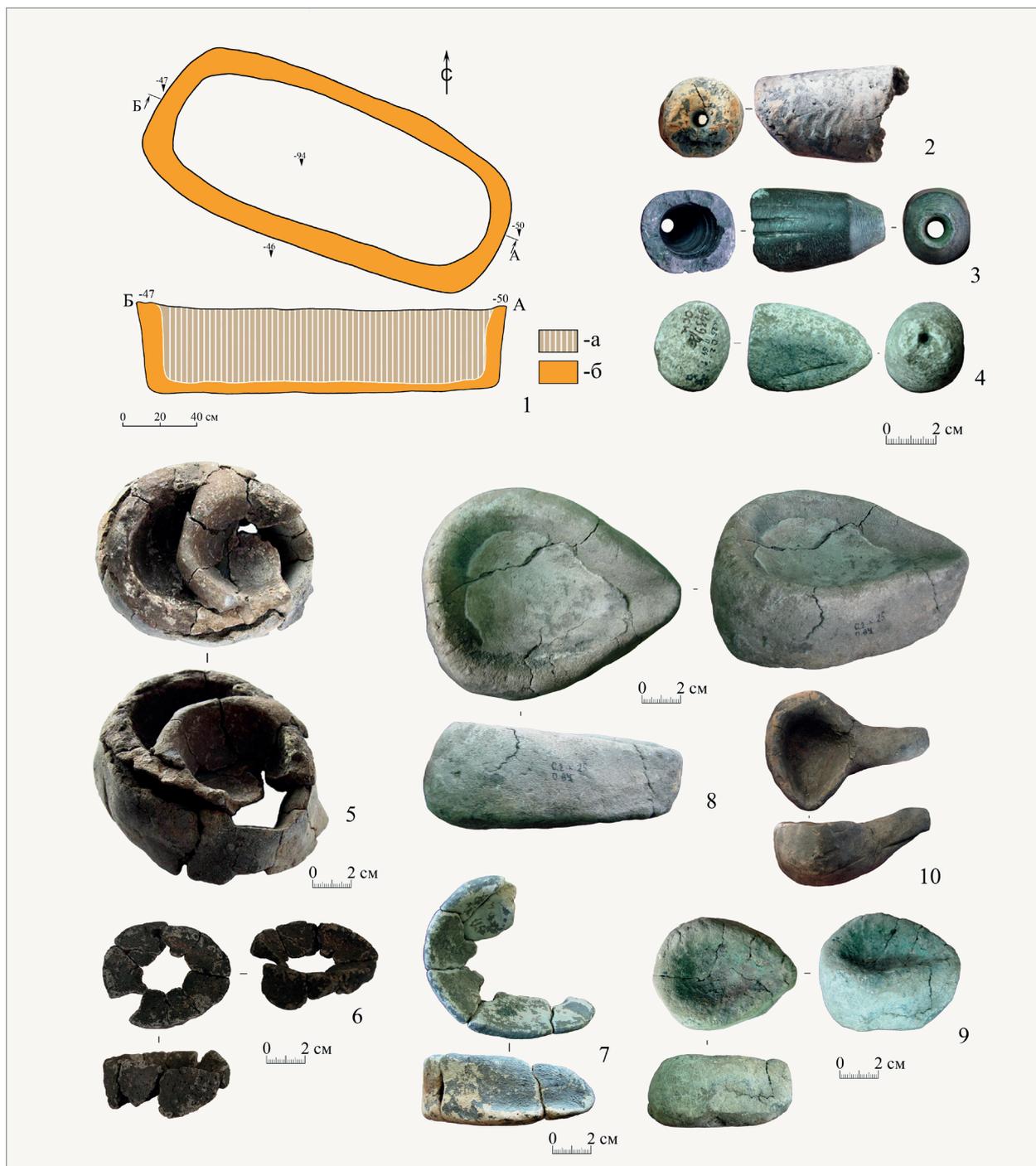
Исследованию данного аспекта духовной культуры, рассмотренного через призму религиозно-мировоззренческих традиций, посвящена итоговая монография «Памятник Сопка-2 на реке Оми. Ритуальные комплексы эпохи Средневековья» [12]. Новизна работы заключается в том, что в научный оборот вводится новый тип археологических источников, позволяющий расширить круг имеющихся сведений о духовной жизни аборигенного населения Барабинской лесостепи в эпоху Средневековья, выделить новую грань в идеологических представлениях, связанных с погребально-поминальной обрядностью.

Металлургические производства имели специфические для каждой культуры особенности, заключавшиеся в использовавшихся технологиях, инструментах и сырье. Важным результатом исследований явилось определение времени появления металлообработки в Среднем Приомье: эпоха бытования одиновской культуры – формирование сейминско-турбинской традиции – особый тип теплотехнических устройств – производство литейных форм. В рамках проекта проведён комплексный анализ связанных с бронзолитейным производством материалов из памятников региона: литейных форм, тиглей, сопел, сплесков, шлаков, горнов. На основании проведённых исследований установлено, что наиболее раннее проникновение металла в лесостепные районы Западной Сибири прослеживается в материалах усть-таргасской культуры (IV – начало III тыс. до н.э.). Отдельные предметы, изготовленные из небольших бронзовых пластин, найдены в погребениях могильников Крючное-6, Сопка-2/3, Тартас-1, Усть-Тартас-2. Однако современное состояние источников не позволяет говорить о местном изготовлении этих изделий. Первые признаки местного производства фиксируются не ранее начала III тыс. до н.э. на памятниках одиновской

культуры, занимающей обширные территории Обь-Иртышской лесостепи (см. рис. 1). Однако металлообработка здесь зафиксирована уже в довольно развитой форме, что можно объяснить или привнесением её уже в готовом виде с сопредельных территорий, или слабой изученностью более ранних материалов, не позволяющих проследить генезис этого явления.

Проанализирована планиграфия бронзолитейных площадок поселений одиновской и кротовской культур. На ряде памятников (Марково-2, Старый Тартас-5, Тартас-1) выявлены специализированные бронзолитейные производственные участки одиновской культуры. Плавка производилась в заглублённых в землю прямоугольных очагах с выложенными фрагментами керамики или обмазанными глиной стенками. Зафиксированы горны с глиняным сводом. Искусственное нагнетание воздуха документируется находками фрагментов четырёх сопел для мехов на поселении Старый Тартас-5. В металлообработывающем производстве одиновской культуры формируется своеобразный комплекс оборудования, включающий теплотехнические сооружения, три типа тиглей, керамические формы и связанный с ними модельный комплекс (рис. 9). Отметим, что именно с этим комплексом связано появление на юге Западной Сибири бронз сейминско-турбинского типа [13].

Сформированные в одиновской культуре металлообработывающие традиции наследуются кротовскими литейщиками (рис. 10). Продолжают использоваться заглублённые в землю очаги с футеровкой стен и дна фрагментами керамики и глиняной обмазкой. Такие горны присутствуют в литейных мастерских поселений Венгерovo-2, Абрамово-10, Преображенка-3. В то же время в жилище № 1 поселения Преображенка-3 выявлен новый тип горна – наземный в виде невысокого кольцеобразного глиняного бортика. Литейные формы кротовской культуры включают как керамические, так и каменные образцы [14, с. 313].

Рис. 10. Бронзолитейный комплекс кротовской культуры. 1 — плавильный горн, Абрамово-10: а — темно-серый суглинок с включениями пепла и сажи, б — прокалённая глина; 2 — керамическое сопло, Сопка-2, погр. № 282; 3 — каменное сопло, Сопка-2, погр. № 282; 4 — заготовка сопла; 5–7 — тигли первого типа (5 — пос. Венгерово-2, 6–7 — пос. Абрамово-10); 8–9 — тигли второго типа, погр. № 282, мог. Сопка-2/4Б, В; 10 — льячка, погр. № 464, мог. Сопка-2/4Б, В. [20, рис. 160]

Большая работа в рамках проекта проведена с технической керамикой, представляющей собой комплект специального металлургического оборудования и включающей формы, сопла, тигли, льячки, из-

готовленные из формовочных масс на основе глинистых материалов. Исследователи Института археологии и этнографии СО РАН и Научно-образовательного центра «Молекулярный дизайн и экологически

безопасные технологии» Новосибирского государственного университета в рамках интеграционного проекта предложили научному сообществу комплекс методов для исследования древней керамики, куда вошли петрография, рентгенофазовый (РФА) и дериватографиметрический (ДТГ) анализы [15]. Фрагменты технической керамики с исследуемых памятников были изучены по этой же методике при помощи бинокулярной микроскопии, петрографии и ДТГ, что дало возможность сравнивать технологию изготовления специализированной и кухонной керамики. Апробация методики работы с технической керамикой при помощи термического (ДТГ) анализа позволила определить функциональную принадлежность образцов и ввести в научный оборот источник, который ранее не учитывался исследователями.

Продолжено изучение керамических коллекций региона. Впервые была исследована технология изготовления посуды эпохи раннего неолита Барабинской лесостепи. Выявленные плоскодонные изделия на сегодняшний день – самая ранняя посуда в Западной Сибири. На основе использования ДТГ впервые была предложена методика выделения ранненеолитических керамических комплексов среди других коллекций.

Заключение

Проведённые в рамках трёх проектов исследования позволили существенно углубить представления о культурах раннего голоцена на территории Барабинской лесостепи. Была дополнена характеристика хозяйства населения эпохи раннего неолита Среднего Приомья: рыболовство как обеспечивающая отрасль экономики и охота. На основе анализа каменного сырья и изделий дана характеристика режима сберегающей экономии, основанной на пластинчатой технике и полной выработке изделий, несмотря на постоянный приток сырья в регион на протяжении неолита – бронзового века.

Заметная роль рыболовства в хозяйстве определяется специфическими природны-

ми условиями и возможностями стабильной добычи пищи: рыбные ресурсы богаче животными белками, чем говядина, яйца и мясо птицы, в два-три раза [16, с. 40]. Рассмотрев свидетельства развития рыболовства в микрорайоне Барабы, можно отметить, что использование речных/озёрных биоресурсов маркируется VIII–VII тыс. до н.э. [17, с. 164]. Впервые для раннего неолита зафиксирован специфический способ хранения рыбы – «рыбные ямы», а также копчение, сохраняющиеся в северных регионах Евразии до сегодняшнего дня.

Кроме того, анализ остеологических материалов одиновских памятников Центральной Барабы позволяет реконструировать экономику оставившего их населения как переходную от присваивающих форм к производящим.

По материалам раннего неолита выделена новая археологическая культура – барабинская. Несмотря на то, что темпы технологического прогресса варьировали в разных регионах, и то, что Среднее Приомье не обладает своими сырьевыми ресурсами для каменной индустрии, т.е. является экстремальной зоной для проживания человека, первые неолитические поселения здесь фиксируются уже в VIII тыс. до н.э.

Эпоха ранней-развитой бронзы в Барабинской лесостепи связана с развитием двух археологических культур – одиновской и кротовской. Традиционная концепция культурно-исторического развития региона предполагает последовательное автохтонное формирование одиновской, а затем кротовской археологических культур. Однако в результате исследований зафиксированы археологические свидетельства контактов двух популяций эпохи ранней-развитой бронзы на протяжении III тыс. до н.э. На ранних этапах это взаимодействие маркировалось наличием керамики с синкретичными чертами (поселения Марково-2, Карьер Таи-1). На поздних – зафиксированными случаями залегания «чистых» керамических комплексов в сочетании с восприятием и адаптацией бронзолитейных и теплотехнических тра-

диций одиновской культуры в среде кротовского населения (поселение Венгерово-2) [18].

Для эпохи развитой бронзы можно констатировать, что выявленный на Тартасе-1 андроновский (фёдоровский) могильник отражает сложные социально-экономические изменения, произошедшие у носителей традиций культуры в период миграции их на территорию Барабинской лесостепи [19].

Реализация литейной продукции осуществлялась на обширной территории. Существующие материалы свидетельствуют о значительной протяжённости торгово-обменных путей, обеспечивающих бронзолитейное производство, приобретающее первые черты ремесленного [20]. Очевидность таких выводов вытекает из наличия находок медно-бронзовых изделий в безрудных зонах, унификации литейной продукции на значительных территориях Западной Сибири, появления в Центральной Барабе литейного оборудования и материалов (талька, графита, мергеля) явно импортного происхождения. Наличие ли-

тейного оборудования не только в мужских, но в женских и детских погребениях может свидетельствовать о включённости в производственную деятельность всех возрастных и половых групп, а также о возможной передаче с производственными навыками определённого общественного статуса. Видимо, производство было сосредоточено в руках отдельных семей, все члены которых так или иначе были связаны с этим видом деятельности. Результаты изучения древнейшего бронзолитейного производства в рамках проекта посвящена монография [21].

Исследования в рамках выполнения целей проектов РФФИ базировались на междисциплинарном, комплексном подходе, включавшем использование не только традиционных археологических методов, но и данных, которые были получены в результате применения методов естественных наук, подтверждающих достоверность реконструкции этнокультурных и производственных процессов в древности. Полученные результаты по своему значению выходят далеко за рамки региональных границ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 1985.
2. Саввин А.А. Пища якутов до развития земледелия (опыт историко-этнографической монографии). Якутск: Ин-т гуманитарных исследований, 2005.
3. Алексеенко Е.А. Кеты. Историко-этнографические очерки. Л.: Наука, 1967.
4. Молодин В.И., Ненахов Д.А., Нестерова М.С., Дураков И.А., Васильев С.К. Оригинальный производственный комплекс на памятнике Тартас-1 (Барабинская лесостепь) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXI. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. С. 326–331.
5. Молодин В.И., Нестерова М.С., Мыльникова Л.Н., Кобелева Л.С. Свидетельства сосуществования носителей одиновской и кротовской культур (по материалам памятников Барабинской лесостепи) // Вестник Томского гос. ун-та. Серия: История. 2020. № 68. С. 57–64.
6. Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Кобелева Л.С., Хансен С., Селин Д.В., Нестерова М.С., Кудинова М.А., Райнхольд С., Швецова Е.С., Бобин Д.Н. Позднеолитический погребальный комплекс на памятнике Усть-Тартас-2 (Венгеровский район Новосибирской области) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXVI. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2020. С. 172–180.
7. Молодин В.И., Хансен С., Мыльникова Л.Н., Наглер А., Новикова О.И., Дураков И.А., Кобелева Л.С., Ефремова Н.С., Соловьёв А.И., Ненахов Д.А., Ковыршина Ю.Н., Нестерова М.С. Тартас-1 — открытия 2010 года // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XVI. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. С. 262–266.

8. Молодин В.И., Нестерова М.С., Мыльникова Л.Н. Особенности поселения одиновской культуры Старый Тартас-5 в Барабинской лесостепи // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия: История, филология. 2014. Т. 13. Вып. 3: Археология и этнография. С. 110–124.
9. Молодин В.И., Хансен С., Дураков И.А., Райнхольд С., Кобелева Л.С., Ненахова Ю.Н., Ненахов Д.А., Демахина М.С., Селин Д.В. Новейшие археологические открытия на памятнике Тартас-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXII. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. С. 357–360.
10. Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С., Кобелева Л.С., Райнхольд С., Хансен С. Ритуальные комплексы эпохи раннего неолита в Обь-Иртышской лесостепи // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. Т. I. Самара: СГПУ, 2020. С. 187–189.
11. Молодин В.И., Наглер А., Хансен С., Дураков И.А., Кобелева Л.С., Ефремова Н.С., Новикова О.И., Мыльникова Л.Н., Васильев С.К., Васильева Ю.А., Ковыршина Ю.Н., Кудинова М.А., Мосечкина Н.Н., Ненахов Д.А., Нестерова М.С., Сальникова И.В. Ритуальные комплексы восточного ареала пахомовской культуры на памятнике Тартас-1 (Обь-Иртышская лесостепь) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XVIII. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. С. 231–236.
12. Молодин В.И., Ефремова Н.С., Соловьёв А.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Ритуальные комплексы эпохи Средневековья. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2021. Т. 6.
13. Молодин В.И. Сейминско-турбинские бронзы в «закрытых» комплексах одиновской культуры // Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии. К 70-летию академика А.П. Деревянко. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. С. 309–324.
14. Молодин В.И., Хансен С., Мыльникова Л.Н., Райнхольд С., Дураков И.А., Кобелева Л.С., Нестерова М.С., Ненахов Д.А., Ефремова Н.С., Ненахова Ю.Н., Селин Д.В., Демахина М.С. Основные итоги полевых исследований Западно-Сибирского отряда Института археологии и этнографии СО РАН в Барабинской лесостепи в 2018 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXIV. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. С. 310–314.
15. Физико-химическое исследование керамики (на примере изделий переходного времени от бронзового к железному веку) / В.А. Дребушак, Л.Н. Мыльникова, Т.Н. Дребушак, В.В. Болдырев, В.И. Молодин, Е.И. Деревянко, В.П. Мыльников, А.В. Нартова // Интеграционные проекты СО РАН. Вып. 6. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2006.
16. Копылов В.А. География населения. Учеб. Пособие. М.: Маркетинг, 1999.
17. Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С., Кобелева Л.С., Ненахов Д.А., Пархомчук Е.В., Райнхольд С., Петрожицкий А.В., Пархомчук В.В. Новые данные по хронологии объектов барабинской неолитической культуры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXV. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. С. 157–166.
18. Молодин В.И., Нестерова М.С., Мыльникова Л.Н., Кобелева Л.С. Свидетельства сосуществования носителей одиновской и кротовской культур (по материалам памятников Барабинской лесостепи) // Вестник Томского гос. ун-та. Серия: История. 2020. № 68. С. 57–64.
19. Молодин В.И., Дураков И.А., Ненахов Д.А., Райнхольд С., Ефремова Н.С., Селин Д.В., Нестерова М.С., Ненахова Ю.Н., Хансен С., Мыльникова Л.Н., Кобелева Л.С. Система организации сакрального пространства в погребальных комплексах андроновского (фёдоровского) населения Барабинской лесостепи. Памятник Тартас-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXIII. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. С. 358–362.
20. Дураков И.А., Молодин В.И., Гришин А.Е. Литейная мастерская одиновской культуры (по материалам могильника Тартас-1) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXVI. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2020. С. 405–413.
21. Дураков И.А., Мыльникова Л.Н. На заре металлургии: бронзолитейное производство населения Обь-Иртышской лесостепи в эпоху ранней бронзы. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2021.

Ob-Irtysh Interstream Area in the Early Neolithic Period – the Bronze Age, the Middle Ages: Cultural Genesis, Economy, Worldview (Based on the Archaeological Materials)

Vyacheslav Ivanovich Molodin – Doctor of Science (History), Academician of RAS, Principal Researcher of the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Head of “The Middle Om River population in the early Holocene on the materials of the latest archaeological complexes: periodization, chronology, cultural genesis” project (No 18-09-00406).

E-mail: Molodin@archaeology.nsc.ru

Liudmila Nikolaevna Mylnikova – Doctor of Science (History), Leading Researcher of the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Head of the “At the dawn of metallurgy: technology of bronze production of the population of the Ob-Irtysh forest-steppe in the III-II Millennium BC” project (No 18-09-40051), Executor of “The Middle Om River population in the early Holocene on the materials of the latest archaeological complexes: periodization, chronology, cultural genesis” project (No 18-09-00406).

E-mail: L.mylnikova@yandex.ru

Natalia Sergeevna Efremova – PhD in History, Senior Researcher of the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Head of the “Non-rational behavioral patterns of the population of southern West Siberia in the Holocene” project (No 18-09-40028), Executor of “The Middle Om River population in the early Holocene on the materials of the latest archaeological complexes: periodization, chronology, cultural genesis” project (No 18-09-00406).

E-mail: ens77@mail.ru

This paper describes the research findings from the archaeological sites of the Neolithic – Early and Developed Bronze Age, the Middle Ages, located on the territory of Barabinskaya wood and steppe area in the Middle Omsk region, within the framework of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) projects. The excavations of diverse sites (burials, settlements, ritual sites) of various periods helped to obtain insights into residential and economic buildings, burials and ritual objects. As a result, new data on the economy and ideology shared by the representatives of some archaeological cultures, i.e. Odinovskaya, Krotovskaya, Andronovskaya (Fedorovskaya), Kyshtovskaya, were obtained. Based on the materials from the early Neolithic sites, a new archaeological culture Barabinskaya has been identified. The archaeological evidence of contacts between two Early Bronze Age populations, Odinovskaya and Krotovskaya cultures, during the 3rd millennium BC has been documented. The economy of the early Neolithic Middle Omsk population has been characterized as mainly based on fishing; taking into account the evidence of fishing development in Baraba microdistrict, the use of river and lake bio resources for this purpose as early as since the 8th–7th millennia BC is quite obvious. For the early Neolithic era, a specific method of preserving fish – “fish pits”, as well as fish smoking, – was documented. The bronze casting production acquires the first features of crafts. The analysis of the osteological materials from Odinovskaya culture sites in Central Baraba helps to reconstruct that economy as transitional from appropriating to producing type.

The materials of the Middle Ages sanctuaries of the southern Khanty Kyshtovskaya culture are presented. The connection of cult complexes of this culture with small barns from the sacred places of the Siberian peoples and grave structures has been established. Based on the project results, two monographs were published.

Keywords: Western Siberia, Baraba culture, Odinovskaya culture, Krotovskaya culture, Andronovskaya culture, Kyshtovskaya culture, ethno-cultural processes, bronze foundry production, ceramics, cult complex, rite

REFERENCES

1. Molodin V.I. Baraba v epokhu bronzy. Novosibirsk: Nauka, 1985 (in Russian).
2. Savvin A.A. Pishcha yakutov do razvitiya zemledeliya (opyt istoriko-etnograficheskoi monografii). Yakutsk: In-t gumanitarnykh issledovaniy, 2005 (in Russian).
3. Alekseenko E.A. Kety. Istoriko-etnograficheskie ocherki. L.: Nauka, 1967 (in Russian).
4. Molodin V.I., Nenakhov D.A., Nesterova M.S., Durakov I.A., Vasil'ev S.K. Original'nyi proizvodstvennyi kompleks na pamyatnike Tartas-1 (Barabinskaya lesostep') // Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii. T. XXI. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2015. S. 326–331 (in Russian).
5. Molodin V.I., Nesterova M.S., Myl'nikova L.N., Kobeleva L.S. Svidetel'stva sosushchestvovaniya nositelei odinovskoi i krotovskoi kul'tur (po materialam pamyatnikov Barabinskoi lesostepi) // Vestnik Tomskogo gos. un-ta. Seriya: Istoriya. 2020. № 68. S. 57–64 (in Russian).
6. Molodin V.I., Myl'nikova L.N., Kobeleva L.S., Khansen S., Selin D.V., Nesterova M.S., Kudinova M.A., Rainkhol'd S., Shvetsova E.S., Bobin D.N. Pozdneneoliticheskii pogrebal'nyi kompleks na pamyatnike Ust'-Tartas-2 (Vengerovskii raion Novosibirskoi oblasti) // Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii. T. XXVI. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2020. S. 172–180 (in Russian).
7. Molodin V.I., Khansen S., Myl'nikova L.N., Nagler A., Novikova O.I., Durakov I.A., Kobeleva L.S., Efremova N.S., Solov'yov A.I., Nenakhov D.A., Kovyreshina Yu.N., Nesterova M.S. Tartas-1 – otkrytiya 2010 goda // Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii. T. XVI. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2010. S. 262–266 (in Russian).
8. Molodin V.I., Nesterova M.S., Myl'nikova L.N. Osobennosti poseleniya odinovskoi kul'tury Staryi Tartas-5 v Barabinskoi lesostepi // Vestnik Novosibirskogo gos. un-ta. Seriya: Istoriya, filologiya. 2014. T. 13. Vyp. 3: Arkheologiya i etnografiya. S. 110–124 (in Russian).
9. Molodin V.I., Khansen S., Durakov I.A., Rainkhol'd S., Kobeleva L.S., Nenakhova Yu.N., Nenakhov D.A., Demakhina M.S., Selin D.V. Noveishie arkheologicheskie otkrytiya na pamyatnike Tartas-1 // Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii. T. XXII. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2016. S. 357–360 (in Russian).
10. Molodin V.I., Myl'nikova L.N., Nesterova M.S., Kobeleva L.S., Rainkhol'd S., Khansen S. Ritual'nye komplekсы epokhi rannego neolita v Ob'-Irtyskoi lesostepi // Trudy VI (XXII) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Samare. T. I. Samara: SGPU, 2020. S. 187–189 (in Russian).
11. Molodin V.I., Nagler A., Khansen S., Durakov I.A., Kobeleva L.S., Efremova N.S., Novikova O.I., Myl'nikova L.N., Vasil'ev S.K., Vasil'eva Yu.A., Kovyreshina Yu.N., Kudinova M.A., Mosechkina N.N., Nenakhov D.A., Nesterova M.S., Sal'nikova I.V. Ritual'nye komplekсы vostochnogo areala pakhomovskoi kul'tury na pamyatnike Tartas-1 (Ob'-Irtyskaya lesostep') // Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii. T. XVIII. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2012. S. 231–236 (in Russian).
12. Molodin V.I., Efremova N.S., Solov'yov A.I. Pamyatnik Sopka-2 na reke Omi. Ritual'nye komplekсы epokhi Srednevekov'ya. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2021. T. 6 (in Russian).
13. Molodin V.I. Seiminsko-turbinskie bronzy v «zakrytykh» kompleksakh odinovskoi kul'tury // Fundamental'nye problemy arkheologii, antropologii i etnografii Evrazii. K 70-letiyu akademika A.P. Derevyanko. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2013. S. 309–24 (in Russian).
14. Molodin V.I., Khansen S., Myl'nikova L.N., Rainkhol'd S., Durakov I.A., Kobeleva L.S., Nesterova M.S., Nenakhov D.A., Efremova N.S., Nenakhova Yu.N., Selin D.V., Demakhina M.S. Osnovnye itogi polevykh issledovaniy Zapadno-Sibirskogo otryada Instituta arkheologii i etnografii SO RAN v Barabinskoi lesostepi v 2018 godu // Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii. T. XXIV. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2018. S. 310–14 (in Russian).
15. Fiziko-khimicheskoe issledovanie keramiki (na primere izdelii perekhodnogo vremeni ot bronzovogo k zheleznomu veku) / V.A. Drebuschak, L.N. Myl'nikova, T.N. Drebuschak,

- V.V. Boldyrev, V.I. Molodin, E.I. Derevyanko, V.P. Myl'nikov, A.V. Nartova // Integratsionnye proekty SO RAN. Vyp. 6. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2006 (in Russian).
16. Kopylov V.A. Geografiya naseleniya. Ucheb. Posobie. M.: Marketing, 1999 (in Russian).
  17. Molodin V.I., Myl'nikova L.N., Nesterova M.S., Kobeleva L.S., Nenakhov D.A., Parkhomchuk E.V., Rainkhol'd S., Petrozhitskii A.V., Parkhomchuk V.V. Novye dannye po khronologii ob"ektov barabinskoi neoliticheskoi kul'tury // Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii. T. XXV. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2019. S. 157–66 (in Russian).
  18. Molodin V.I., Nesterova M.S., Myl'nikova L.N., Kobeleva L.S. Svidetel'stva sosushchestvovaniya nositelei odinovskoi i krotovskoi kul'tur (po materialam pamyatnikov Barabinskoi lesostepi) // Vestnik Tomskogo gos. un-ta. Seriya: Istoriya. 2020. № 68. S. 57–4 (in Russian).
  19. Molodin V.I., Durakov I.A., Nenakhov D.A., Rainkhol'd S., Efremova N.S., Selin D.V., Nesterova M.S., Nenakhova Yu.N., Khansen S., Myl'nikova L.N., Kobeleva L.S. Sistema organizatsii sakral'nogo prostranstva v pogrebal'nykh kompleksakh andronovskogo (fyodorovskogo) naseleniya Barabinskoi lesostepi. Pamyatnik Tartas-1 // Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii. T. XXIII. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2017. S. 358–62 (in Russian).
  20. Durakov I.A., Molodin V.I., Grishin A.E. Liteinaya masterskaya odinovskoi kul'tury (po materialam mogil'nika Tartas-1) // Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii. T. XXVI. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2020. S. 405–13 (in Russian).
  21. Durakov I.A., Myl'nikova L.N. Na zare metallurgii: bronzoliteinoe proizvodstvo naseleniya Ob'-Irtyskoi lesostepi v epokhu rannei bronzy. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2021 (in Russian).

ЭКОНОМИКА

Индекс УДК 336.146

Код ГРНТИ 06.73.15

DOI: 10.22204/2587-8956-2022-110-03-38-45

**В.И. ПАВЛОВ,
Х.К. ЗОИДОВ***

Инновационная парадигма бюджетно-налоговой системы

В статье рассматривается механизм формирования доходов консолидированного бюджета Российской Федерации, включающий в свой состав федеральный бюджет РФ и консолидированный бюджет субъектов Федерации, а также государственных внебюджетных фондов (медицинского и социального страхования, Пенсионный фонд РФ). В отличие от действующей налоговой системы фискального типа Инновационная парадигма бюджетно-налоговой системы формирует необходимый объём доходов за счёт общественно необходимой прибавочной стоимости, используя для этого минимум исходной информации, находящейся в юрисдикции Российской Федерации и хозяйствующих субъектов.

Ключевые слова: доходы, бюджет, консолидированный, федеральный, субъекты федерации, инновационная парадигма, общественно необходимая прибавочная стоимость

Принципиальное отличие используемой Инновационной парадигмы бюджетно-налоговой системы от действующей в настоящее время бюджетно-налоговой системы, заимствованной на Западе фискальной налоговой

и таможенной систем (кроме НДС), состоит в её простоте, прозрачности и стабильности. А доходы консолидированного бюджета Российской Федерации и государственных внебюджетных фондов (социального и медицинского страхова-

* **Павлов Вячеслав Иванович** — доктор экономических наук, главный научный сотрудник Лаборатории промышленной политики и экономической безопасности Института проблем рынка РАН, руководитель проекта «Стратегия экономической безопасности в контексте обеспечения национальной безопасности» (20-10-00585).

E-mail: pavlovvi@bk.ru

Зоидов Хуршеджон Кобилджонович — младший научный сотрудник Лаборатории компьютерного моделирования социально-экономических процессов Центрального экономико-математического института РАН, исполнитель того же проекта.

E-mail: mirkhourshed@mail.ru

ния) формируются не за счёт множества налогов, страховых взносов, акцизов, таможенных пошлин и других многочисленных платежей от хозяйствующих субъектов, а за счёт общественно необходимой прибавочной стоимости (экономической ренты), автоматически распределяемой между всеми бюджетными уровнями, а также за счёт накоплений на основной капитал (квазиенты), тоже автоматически распределяемой между хозяйствующими субъектами, финансирования фундаментальной и прикладной науки, а также Пенсионного фонда РФ. Это обеспечивает благоприятные условия хозяйствующим субъектам для бизнеса путём минимизации налогового администрирования.

НДФЛ остаётся, но с прогрессивной ставкой, модель которой автоматически сокращает ставку для бедных и повышает для богатых слоёв населения.

Формирование доходов бюджета бюджетной системы страны (федеральный бюджет РФ, консолидированный бюджет субъектов РФ, а также государственных внебюджетных фондов) в условиях беспрецедентных антироссийских санкции США, их союзников и сателлитов становится всё труднее из-за нарушения логистических и транспортных цепочек, а также усложнения прогнозирования основных макроэкономических показателей, используемых при разработке проекта федерального бюджета РФ на очередной трёхлетний период.

Действительно, в настоящее время разработка проекта федерального бюджета РФ, например на 2021 г. и на плановый период 2022 и 2023 гг. или на 2022 г. и на плановый период 2023 и 2024 гг., базируется на прогнозируемых Минэкономразвития России 15 макроэкономических показателях, таких например, как цены на нефть Urals, цены на газ среднеконтрактные, ВВП, прибыль прибыльных организаций, инфляция и других, приведённых в табл. 1 и 2.

Из данных, приведённых в табл. 1, следует, что практически по всем показателям (пожалуй, кроме инфляции) отсутствует стабильное повышение или снижение со-

ответствующих значений, хотя и по инфляции, как подтвердил 2021 г., не только Банку России, но и Минфину свойственно занижать её фактическое значение.

Данные, приведённые в табл. 2, подтверждают отмеченное ранее мнение о нестабильности прогнозируемых значений соответствующих показателей.

Несовершенство прогнозирования макроэкономических показателей, естественно, отражается на определении размера доходов федерального бюджета.

Действительно, анализ основных характеристик федерального бюджета на 2021 г. и на плановый период 2022 и 2023 гг. подтверждает тот факт, что доходам федерального бюджета свойственны те же изменения, что и основным макроэкономическим показателям российской экономики.

Так, согласно отчёту за 2019 г., размер доходов составил 20 188,8 млрд руб., а на 2020 г., согласно закону № 380-ФЗ, был утверждён в размере 20 593,6 млрд руб., в то время как по оценке он был равен 17 852,4 млрд руб.

Правда, было дано уточнение, что эта сумма не учитывает поправки 2019 г., которые были использованы на финансирование мероприятий, связанных с профилактикой, лечением и устранением последствий COVID-19.

Но даже на 2021 г. вместо 21 892,3 млрд руб., утверждённых законом № 380-ФЗ при разработке предыдущей трёхлетки, был предусмотрен доход в 18 765,1 млрд руб. [2]. Аналогичное несоответствие характерно и для нынешнего года [1].

Особенно наглядно несоответствие размеров доходов федерального бюджета видно при сопоставлении разработок двух трёхлеток, например на 2021–2023 гг. и 2022–2024 гг., в которых размеры доходов на 2022 и 2023 гг., утверждённых федеральным законом № 385-ФЗ, в трёхлетие 2022–2024 гг. будут отличаться на 21,2%, а в 2023 г. – на 14,7%.

При такой точности прогнозирования доходов вряд ли стоит разрабатывать проект федерального бюджета на три года,

Таблица 1

Основные макроэкономические показатели на 2021 г. и на плановый период 2022–2023 гг.,
положенные в основу формирования федерального бюджета¹

Наименование	2019 год (отчёт)		2020 год (оценка*)		2021 год			2022 год			2023 год	
	2	3	4	5	Закон № 380-ФЗ	Законо- проект	Δ к закону, %	Закон № 380-ФЗ	Законо- проект	Δ к закону, %	Законо- проект	Δ к законопроекту на 2022 год, %
1	2	3	4	5	6=5/4*100	7	8	9=8/7*100	10	11=10/8*100		
Цены на нефть Urals, долл./барр.	63,8	41,8	56,0	45,3	80,9	55,0	46,6	84,7	47,5	101,9		
Цены на газ (среднеконтрактные включая страны СНГ), долл./тыс. куб. м	189,4	129,1	186,0	156,3	84,0	180,5	159,8	88,5	160,6	100,5		
ВВП, млрд руб.	110046	106974	120687	115533	95,7	128850	124223	96,4	132822	106,9		
Рост ВВП, %	1,3	-3,9	3,1	3,3	106,5	3,2	3,4	106,3	3,0	88,2		
Инвестиции, млрд руб.	19319	19144	23794	20895	87,8	26410	23048	87,3	25350	110,0		
Объём импорта (по кругу товаров, учитываемых ФТС России), млрд долл.	244,3	225,7	274,1	239,8	87,5	292,9	256,5	87,6	273,2	106,5		
Объём экспорта (по кругу товаров, учитываемых ФТС России), млрд долл.	424,4	324,7	442,1	358,4	81,1	459,4	385,9	84,0	407,4	105,6		
Прибыль прибыльных организаций, млрд руб.	28031	25698	29794	28178	94,6	31705	30462	96,1	32646	107,2		
Инфляция (ИПЦ), % к декабрю пред. года	3,0	3,8	4,0	3,7	92,5	4,0	4,0	100,0	4,0	100,0		
Курс доллара, руб. за долл.	64,7	71,2	66,1	72,4	109,5	66,5	73,1	109,9	73,8	101,0		
Фонд заработной платы, млрд руб.	25209	26055	27791	27890	100,4	29743	29815	100,2	31904	107,0		
Объём экспорта нефти, млн тонн	269,2	225,0	270,2	231,0	85,5	266,2	256,6	96,4	266,2	103,7		
Объём экспорта природного газа, млрд куб. м	220,6	184,5	237,0	220,2	92,9	235,4	238,4	101,3	240,5	100,9		
Объём экспорта нефтепродуктов, млн тонн	142,9	143,0	153,0	141,0	92,2	153,0	140,5	91,8	140,0	99,6		
Объём добычи нефти, млн тонн	560,8	507,4	564,0	517,8	91,8	562,0	552,4	98,3	560,0	101,4		
Объём добычи газа, млрд куб. м	738,4	690,8	763,6	728,4	95,4	777,6	770,1	99,0	795,6	103,3		

* На основании прогноза социально-экономического развития Российской Федерации на 1 сентября 2020 г.

¹ Пояснительная записка к проекту федерального закона «О федеральном бюджете Российской Федерации на 2021 год и на плановый период 2022–2023 годов». Минфин России, 2020.

Таблица 2

Основные макроэкономические показатели на 2022 г. и на плановый период 2023–2024 гг., положенные в основу формирования федерального бюджета¹

Наименование	2020 год (отчёт)	2021 год (оценка*)	2022 год		2023 год			2024 год		
			Закон № 385-ФЗ	Законо- проект	Δ к закону, %	Закон № 385-ФЗ	Законо- проект	Δ к закону, %	Законо- проект	Δ к законопроекту на 2023 год, %
1	2	3	4	5	6=5/4*100	7	8	9=8/7*100	10	11=10/8*100
Цены на нефть Urals, долл./барр.	41,4	66,0	46,6	62,2	133,5	47,5	58,4	122,9	55,7	95,4
Цены на газ (среднеконтрактные, включая страны СНГ), долл./тыс. куб. м	126,8	208,3	159,8	208,4	130,4	160,6	192,3	119,7	180,6	93,9
ВВП, млрд руб.	106967	124438	124223	133328,	107,3	132822	141881	106,8	151513	106,8
Рост ВВП, %	-3,0	4,2	3,4	3,0	88,2	3,0	3,0	100,0	3,0	100,0
Инвестиции, млрд руб.	20118	22159	23048	24407	105,9	25350	26909	106,1	29667	110,2
Объём импорта (по кругу товаров, учитываемых ФТС России), млрд долл.	231,6	280,3	256,5	290,9	113,4	273,2	303,0	110,9	314,9	103,9
Объём экспорта (по кругу товаров, учитываемых ФТС России), млрд долл.	337,1	459,8	385,9	491,4	127,3	407,4	496,9	122,0	505,2	101,7
Прибыль прибыльных организаций, млрд руб.	28194	32097	30462	33758	110,8	32646	35834	109,8	38752	108,1
Инфляция (ИПЦ), % к декабрю пред. года	4,9	5,8	4,0	4,0	100,0	4,0	4,0	100,0	4,0	100,0
Курс доллара, руб. за долл.	71,9	73,6	73,11	72,1	98,6	73,8	72,7	98,5	73,6	101,2
Фонд заработной платы, млрд руб.	26693	29581	29815	31699	106,3	31904	33905	106,3	36235	106,9
Объём экспорта нефти, млн тонн	239,2	230,8	256,6	273,8	106,7	266,2	275,2	103,4	269,0	97,7
Объём экспорта природного газа, млрд куб. м.	202,5	232,6	238,4	230,5	96,7	240,5	237,5	98,8	238,5	100,4
Объём экспорта нефтепродуктов, млн тонн	141,8	149,5	140,5	152,7	108,7	140,0	152,6	109,0	146,5	96,0
Объём добычи нефти, млн тонн	513,1	516,8	552,4	559,9	101,4	560,0	562,8	100,5	557,6	99,1
Объём добычи газа, млрд куб. м	694,5	758,8	770,1	748,9	97,2	795,6	773,0	97,2	799,6	103,4

¹ Пояснительная записка к проекту федерального закона «О федеральном бюджете Российской Федерации на 2022 год и на плановый период 2023–2024 годов». Минфин России, 2021.

а тем более на долгосрочный период, например до 2036 г.

Отмеченные выше отклонения в доходах федерального бюджета, естественно, отразились и на его расходах, но в меньших размерах, порядка 6–8%.

Указанные выше изменения в расходах федерального бюджета (всего) не могли не сказаться на финансировании государственных проектов.

Хорошо, если фактический объём финансирования будет больше, чем было предусмотрено ранее в разработках предыдущей трёхлетки. А если наоборот?

В качестве примера можно привести данные о финансировании Государственной программы «Развитие авиационной промышленности», на которую согласно федеральному закону № 385-ФЗ в 2022 г. предусматривалось 76 443,5 млн руб., а в законопроект на 2022 г. было заложено всего 42 272,5 млн руб.

Аналогичная ситуация сохраняется и на 2023 г. Финансирование Государственной программы «Развитие судостроения и освоения шельфовых месторождений» в нынешнем году сокращается на 20,2%, а в 2023 г. – на 31,4%.

Увеличение расходов федерального бюджета в 2022 и 2023 гг. по сравнению с расходами в те же годы, предусмотренными в предыдущей трёхлетке, дали возможность повысить расходы федерального бюджета в проекте на 2022 г. и на плановый период 2023 и 2024 гг.: в нынешнем году – на 8,3%, а в 2023 г. – на 6,6% [2].

Анализ результатов разработки Минфином России федерального бюджета на 2022 г. и на плановый период 2023 и 2024 гг. оставляет нерешённым вопрос, почему в нынешнем году «фонд заработной платы» значительно меньше «оплаты труда наёмных работников» 2017 и 2018 гг., а объём ВВП 2022 г. больше объёма ВВП 2018 г. в 1,3 раза.

Подтверждением этого могут служить данные, приведённые в табл. 3.

Естественно, эти значительные объёмы доходов, занятых в экономике, Мин-

фин России должен учитывать при разработке проекта федерального бюджета на трёхлетний период, что, конечно, повлияет на рост ВВП.

Трудно объяснить причину снижения доли оплаты труда в ВВП, хотя Минэкономразвития в прогнозе социально-экономического развития России на 2021 г. и на плановый период 2022 и 2023 гг. предусмотрело долю оплаты труда в нынешнем году в размере 47,5%.

Экспериментальные расчёты макробюджетных параметров на основе применения Инновационной парадигмы бюджетно-налоговой системы подтвердили возможность прогнозирования доходов всех уровней управления, государственных внебюджетных фондов и ВВП с использованием для этого минимального числа исходных данных, находящихся в юрисдикции России и хозяйствующих субъектов. Для этих расчётов применяются модели, опубликованные нами ранее в нескольких статьях [4–7].

Преимущества новой Инновационной парадигмы бюджетно-налоговой системы по сравнению с ныне действующей парадигмой заключаются в том, что:

- во-первых, используется минимальное количество исходной информации, находящейся в юрисдикции России и хозяйствующих субъектов российской экономики;
- во-вторых, отсутствует необходимость ежегодной донастройки, осложняющей бизнесу хозяйственную деятельность;
- в-третьих, обеспечивается возможность полной цифровизации бюджетного проектирования;
- в-четвёртых, может успешно использоваться в Союзном государстве (Россия и Белоруссия).

В качестве исходной информации для проведения экспериментальных расчётов принят фонд заработной платы в 2022 г. в размере 31 699 млрд руб., а используется для расчётов размер ВВП нынешнего года как «минимально необходимый», равный 133 328 млрд руб. (без

Таблица 3

Важнейшие макробюджетные параметры

Наименование показателей	2017 год	2018 год	2022 год	2023 год	2024 год
ВВП, млрд руб.	92 101	10 3876	133 328	141 188,1	151 513
Фонд оплаты труда, млрд руб. или оплата труда наёмных работников, млрд руб.	43 884*)	48 244*)	31 699	33 905	36 235
Доля фонда оплаты труда или оплата труда наёмных работников, %	47,6	46,4	37,7	24,0	23,9

*) Включая смешанные доходы, не наблюдаемые прямыми статистическими методами: 2017 г. — 11 923 млрд руб., в 2018 — 13 063 млрд руб.

учёта прибыли прибыльных организаций).

Проведённые экспериментальные расчёты подтверждают преимущество Инновационной парадигмы бюджетно-налоговой системы по сравнению с ныне действующей парадигмой бюджетно-налоговой системы фискального типа, так как:

- при том же фонде заработной платы, равном 31 699 млрд руб., доходы федерального бюджета РФ в нынешнем году могли бы составить 31 580 млрд руб.;
- на финансирование фундаментальной, академической, отраслевой и прикладной науки было бы предусмотрено финансирование в размере 9501 млрд руб. (7% ВВП);
- денежные средства Пенсионного фонда РФ составили бы 17 645 млрд руб. (13,1% ВВП), что свидетельствует о необходимости замены источника его формирования, так как известно, что по мере повышения производительности труда сокращается доля живого труда, а доля прошлого труда повышается.

Такие денежные средства Пенсионного фонда РФ позволили бы проиндексировать пенсии не только неработающим, но и работающим пенсионерам, причём по ставке, превышающей официально объявленную, так как общеизвестно, что для низкоопла-

чиваемых слоёв населения инфляция, как правило, в два и более раз превышает официально объявленную.

Консолидированный бюджет РФ достиг бы 58 451 млрд руб., а его доходы за 5 лет увеличились бы на 18 799 млрд рублей, в том числе федерального бюджета РФ — на 11 529 млрд руб.¹

Если же учесть в составе ВВП нынешнего года прибыль прибыльных организаций в объёме 33 758 млрд руб., что соответствует теории новой парадигмы, то «минимально необходимый» ВВП 2022 г. будет равен 99 570 млрд руб., а доходы федерального бюджета РФ — 25 306 млрд руб., что практически совпадает с доходами федерального бюджета РФ Минфина России, равным 25 021,9 млрд руб. Это подтверждает работоспособность нового инструмента бюджетного проектирования, которым одновременно можно будет определять доходы консолидированного бюджета субъектов РФ и государственных внебюджетных фондов.

Проведение специальной военной операции по защите ДНР и ЛНР, демилитаризации и денационализации Украины, а также противодействие антироссийским санкциям США, их союзников и сателлитов требуют дополнительных материальных затрат.

¹ Пояснительная записка к проекту федерального закона «О федеральном бюджете Российской Федерации на 2017 год и на плановый период 2018—2019 годов». Минфин России, 2016.

Согласно проектировкам Минфина России, стоимость первоочередных мер из Стратегии противодействия антироссийским санкциям составляет 5 трлн руб. [7], не считая «потерянных» золотовалютных резервов (в рублёвом исчислении) порядка 18 трлн руб.

Приведённые выше данные о потенциале доходов консолидированного бюджета РФ при использовании моделей Инновационной парадигмы бюджетно-налоговой системы могли бы обеспечить те «потерянные» 18 трлн руб. золотовалютных резервов.

Ещё одно преимущество Инновационной парадигмы бюджетно-налоговой системы перед ныне действующей заключается в том, что одновременно формируются доходы всех бюджетных уровней — от федерального до муниципального, не дожидаясь трансфертов и субсидий из федерального бюджета РФ, обеспечивая при этом бюджетоформирующий суверенитет. При этом регистрация предприятий должна осуществляться по месту нахождения производственных мощностей, чтобы не создавалось впечатление, что Москва и Санкт-Петербург являются основными добытчиками нефти и газа. А возможно-

сти цифровизации будут способствовать организации более чёткого и достоверного учёта формирования доходов всех бюджетных уровней и государственных внебюджетных фондов.

Для успешного противостояния беспрецедентным антироссийским санкциям и скорейшего завершения специальной военной операции необходимы значительные объёмы финансовых ресурсов в условиях сокращения мирохозяйственных связей, нарушения логистических и транспортных цепочек.

Это может объяснить только Инновационная парадигма бюджетно-налоговой системы, для реализации которой нужен всего один федеральный закон об установлении величины коэффициентов регулирования ренты. Сегодня же для функционирования действующей бюджетно-налоговой системы разрабатываются и вносятся новые изменения во многие сотни законов и подзаконных актов, лишаящих хозяйствующие субъекты возможности нормально работать.

Инновационная парадигма бюджетно-налоговой системы не имеет аналогов в мире, она способна обеспечить устойчивое развитие экономики России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Валовый внутренний продукт по источникам доходов // Россия в цифрах. 2019. Краткий статистический сборник. М.: Росстат, 2019.
2. Павлов В.И., Зоидов Х.К. Формирование федерального бюджета и консолидированного бюджета субъектов и государственных внебюджетных фондов в условиях тотального отсутствия мирохозяйственных связей // Региональные проблемы преобразования экономики. 2022. № 7 (141). С. 85–94.
3. Павлов В.И., Зоидов Х.К. Инновационной парадигме бюджетно-налоговой системы по сравнению с действующей налоговой системой не требуется ежегодная «донастройка» // Там же. 2021. № 12 (134). С. 191–196.
4. Павлов В.И., Зоидов Х.К. Первоочередные и социально-значимые шаги, повышающие платёжеспособный спрос и устойчивость развития российской экономики // Там же. 2021. № 10 (132). С. 7–12.
5. Павлов В.И., Зоидов Х.К. Инновационная парадигма налоговой системы как стандарт цифровизации бюджетного проектирования // Там же. 2021. № 11 (133). С. 132–141.
6. Павлов В.И. Российская бесступенчатая модель НДС как инструмент финансово-бюджетной системы, автоматически сокращающий ставку для бедных и повышающий для богатых слоёв населения // Управление риском. 2018. № 2.
7. Версия в цифрах // Версия. № 24, 27.06-03.07.2022. С. 5.

An Innovative Paradigm of the Budget and Tax System

Vyacheslav Ivanovich Pavlov – Doctor of Economic Sciences, Chief Researcher of the Laboratory of Industrial Policy and Economic Security, Market Economy Institute of the Russian Academy of Sciences, Head of the project “Economic security strategy in the context of national security” (20-10-00585).

E-mail: pavlovvi@bk.ru

Khurshedjon Kobildjonovich Zoidov – Junior Researcher of the Laboratory of Computer Modeling of Socio-Economic Processes, Central Economic and Mathematical Institute, the Russian Academy of Sciences, Co-Researcher of the same project.

E-mail: mirkhrshed@mail.ru

The paper explores the mechanism of revenue generation in the consolidated budget of the Russian Federation, which includes the federal budget of the Russian Federation and the consolidated budget of its constituent entities, as well as state extra-budgetary funds (medical and social insurance, Pension Fund of the Russian Federation). In contrast to the current fiscal tax system, the innovative paradigm of the budget and tax system generates necessary revenue using the socially necessary surplus value, minimum of initial information in the jurisdiction of the Russian Federation and its entities.

Keywords: revenues, budget, consolidated, federal, subjects of the federation, innovation paradigm, socially necessary surplus value

REFERENCES

1. Valovyi vnutrennii produkt po istochnikam dokhodov // Rossiya v tsifrah. 2019. Kratkii statisticheskii sbornik. M.: Rosstat, 2019 (in Russian).
2. Pavlov V.I., Zoidov Kh.K. Formirovanie federal'nogo byudzheta i konsolidirovannogo byudzheta sub"ektov i gosudarstvennykh vnebyudzhetykh fondov v usloviyakh total'nogo otsutstviya mirokhozyaistvennykh svyazei // Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki. 2022. № 7 (141). S. 85–94 (in Russian).
3. Pavlov V.I., Zoidov Kh.K. Innovatsionnoi paradigme byudzhetho-nalogovoi sistemy po sravneniyu s deistvuyushchei nalogovoi sistemoi ne trebuetsya ezhegodnaya «donastroika» // Tam zhe. 2021. № 12 (134). S. 191–196 (in Russian).
4. Pavlov V.I., Zoidov Kh.K. Pervoocherednye i sotsial'no-znachimye shagi, povyshayushchie platyozhesposobnyi spros i ustoychivost' razvitiya rossiiskoi ekonomiki // Tam zhe. 2021. № 10 (132). S. 7–12 (in Russian).
5. Pavlov V.I., Zoidov Kh.K. Innovatsionnaya paradigma nalogovoi sistemy kak standart tsifrovizatsii byudzhethnogo proektirovaniya // Tam zhe. 2021. № 11 (133). S. 132–141 (in Russian).
6. Pavlov V.I. Rossiiskaya besstupenchataya model' NDFL kak instrument finansovo-byudzhethnoi sistemy, avtomaticheskii sokrashchayushchii stavku dlya bednykh i povyshayushchii dlya bogatykh sloyov naseleniya // Upravlenie riskom. 2018. № 2 (in Russian).
7. Versiya v tsifrah // Versiya. № 24, 27.06.-03.07.2022. S. 5 (in Russian).

Д.Л. КУРБАНГАЛИЕВА*

Влияние цифровой репутации на капитализацию организации: от теории к практике (на примере автомобильной промышленности)

В результате исследования по проекту предложена концепция комплексной оценки репутационного фактора развития организации, где наряду с традиционным многоуровневым подходом к оценке факторов (репутация макроуровня, отрасли и микроуровня) дополнительно учтены внешние параметры активности организации в сети Интернет – цифровой репутации. Это позволило сформировать новые важные оценочные критерии: репутация контента, репутация сайта организации, репутация организации на информационно-поисковых платформах, репутации организации на платформах социальной сети. Исследование даёт количественное представление о том, что присутствие, упоминаемость, проявляющие общественный интерес, эмоции и – как следствие – репутацию организации, можно отслеживать на информационных ресурсах. Предпринята попытка количественно оценить влияние компонентов цифровой репутации на рыночную капитализацию организации.

Ключевые слова: репутация, интернет, рыночная капитализация, платформа, информационные ресурсы, информационно-коммуникационные технологий, сервисы в Интернете, контент

В условиях цифровизации, характеризующейся многократным доступом к информации, скоростью обмена и возможностью их анализа для принятия решений, особую значимость как драйвер экономического развития приобретают нематериальные ресурсы организации, которые крайне сложно поддаются количественной оценке. Среди них бренд, имидж и репутация. Действительно, ускоренное развитие инфор-

мационных технологий и последовавшая вслед за ней широкомасштабная экспансия организаций на электронные рынки с новой силой развернули научное поле исследования вопросов влияния нематериальных факторов на деятельность хозяйствующих субъектов.

Наиболее убедительным подтверждением данного феномена является то, что компании, построенные на репутации и других нематериальных ресурсах, зани-

* **Курбангалиева Динара Ленаровна** — аспирант кафедры «Общего менеджмента» Института управления, экономики и финансов Казанского (Приволжского) федерального университета, исполнитель проекта «Управление капитализацией компании в эпоху цифровизации при помощи экономико-математических алгоритмов продвижения репутационных метрик организации на электронных платформах и агрегаторах» (20-310-90042).

E-mail: dhasanova@list.ru

мают в настоящее время лидирующие позиции по уровню рыночной капитализации.

Сама по себе задача моделирования поведения рыночной капитализации не представляется тривиальной. Например, рыночная капитализация компании Тесла превышает соответствующий показатель организации Тойота в три раза¹, хотя продажи автомобилей компании Тесла составляли 654 тыс. штук, а компании Тойота — более 6 млн². Разница между продажами примерно в 9,7 раз в пользу последнего производителя³. Данный факт подтверждает тезис, что даже на таком консервативном рынке, к которому можно отнести производство автомобилей, появляются организации, которые привлекают внимание участников рынка своими действиями в сферах, не связанных с непосредственным производством автомобилей. Например, компания Тесла.

Косвенно наличие таких аномалий на рынках подтверждает выдвинутую в проекте гипотезу о существенном влиянии нематериальных факторов на рыночную капитализацию. Тем не менее попробуем усилить доказательную базу путём эконометрического исследования с помощью регрессионного анализа. Несмотря на определённые ограничения при сборе и оценке данных, будем использовать этот метод как часть доказательной базы для продвижения положения о статистически значимом влиянии действий по продвижению репутации организации в сети Интернет на изменение её рыночной капитализации.

Интернет является катализатором изменений, которые охватили многие сектора экономики, поскольку обеспечивает доступ, воспроизведение и распространение информации с предельными издержками, близкими к нулю [17]. Как отметили исследователи МГУ им. М.В. Ломоносова, сеть Интернет и взаимодействие потребителей

внутри общего информационного пространства предоставляют большое количество данных о потреблении информации и реакции на неё [15]. Действительно, всё больше пользователей стремятся завести идентификаторы или аккаунты в сети Интернет, что создаёт беспрецедентные по уникальности возможности для отслеживания описанных тенденций и сравнения их с экономическими показателями посредством анализа цифровых следов. Появление и рост популярности компаний с платформенной бизнес-моделью естественным образом только увеличили возможности для исследований.

Однако существенным недостатком трудов по оценке репутации в информационном пространстве является то, что исследователи пытаются использовать качественные методы исследования с соответствующими содержательными и инструментальными ограничениями. Хотя подобный подход и формирует общее представление о взаимосвязи между репутацией и результатами её деятельности, он, во-первых, оценивает репутацию наравне с такими близкими по смыслу категориями, как «бренд» и «имидж»; во-вторых, он сконцентрирован на субъективной оценке пусть даже авторитетных экспертов. В результате работы над проектом была предпринята попытка сфокусироваться на разработке новых действенных количественных подходов к оценке влияния репутации организации через сеть Интернет.

Степень изученности вопроса и методы

В многочисленных публикациях, посвящённых исследованию термина «репутация организации», как отечественных, так и зарубежных исследователей встречаются различные, порой диаметрально противоположные подходы к его трактовке. Это

¹ Электронный ресурс — Сбор данных об объёмах рыночной капитализации и иные финансовые данные публичных организаций. <https://finance.yahoo.com/> (дата обращения: 14.01.2022 г.).

² По состоянию на конец третьего квартала 2021 г.

³ Электронный ресурс — Сбор данных об объёмах продаж. <https://auto.vercity.ru/statistics/sales/> (дата обращения: 14.01.2022 г.).

обусловлено тем, что репутация представляет собой категорию, которая используется в различных сферах деятельности: маркетинге, бухгалтерском учёте, социологии. При этом каждая дисциплина акцентирует внимание на ключевых аспектах этого феномена и тем самым вносит определённые содержательные элементы: имидж, бренд и репутация – в маркетинге, гудвилл или деловая репутация – в бухгалтерском учёте, престиж – в социологии. Таким образом, анализ более 30 существующих на сегодняшний день в научной литературе дефиниций «репутация организации» приводит к выводу, что необходима систематизация данных элементов. Зарубежные исследователи связывают разработку концепции термина «репутация» с развитием маркетинга как дисциплины с 1950-х гг., а именно Д. Аакер [1], Д. Огилви [5], Г. Даулинг [2] и другие. Отечественные учёные В.Н. Домнин [3], О.А. Третьяк [11], С.А. Старов [10] рассматривают репутацию как часть нематериальных активов.

В основе изучения взаимосвязи между репутацией и эффективностью деятельности организации лежат исследования Ч. Фомбруна и К.В. Реел [14], Д.Л. Дипхауса [13] и других авторов. Отметим российских исследователей, внёсших значительный вклад в развитие теории репутации организации, в том числе в фарватере развития информационно-

коммуникационных технологий: М.Р. Сафиуллин [9], Л.А. Ельшин [8], И.И. Решетникова [6], Ю.С. Колесникова [4], А.С. Груничев [7].

Обзор различных подходов к определению термина «репутация» в предыдущих исследованиях [16] позволил, несмотря на определённую содержательную близость, разграничить термины «гудвилл», «деловая репутация», «бренд» и «имидж» с понятием «репутация» и выделить отличительные характеристики репутации. Это особый, не отражаемый на балансе организации, измеримый нематериальный ресурс, формируемый во внешней среде, оказывающий значимое влияние на капитализацию и ключевые показатели деятельности организации в условиях цифровизации. Как отмечают авторы, область растущего интереса к исследованию репутации – это новые коммуникационные технологии, особенно сеть Интернет и его роль во взаимодействиях между производителями, покупателями и другими внешними агентами [19]. Действительно, сеть Интернет представляет собой уникальное по заданным в ней условиям и возможностям цифровое пространство, позволяющее исследовать новые явления и тенденции, которые не были актуализированы или доступны эмпирическому изучению в иной среде деятельности и взаимодействия. Ис-

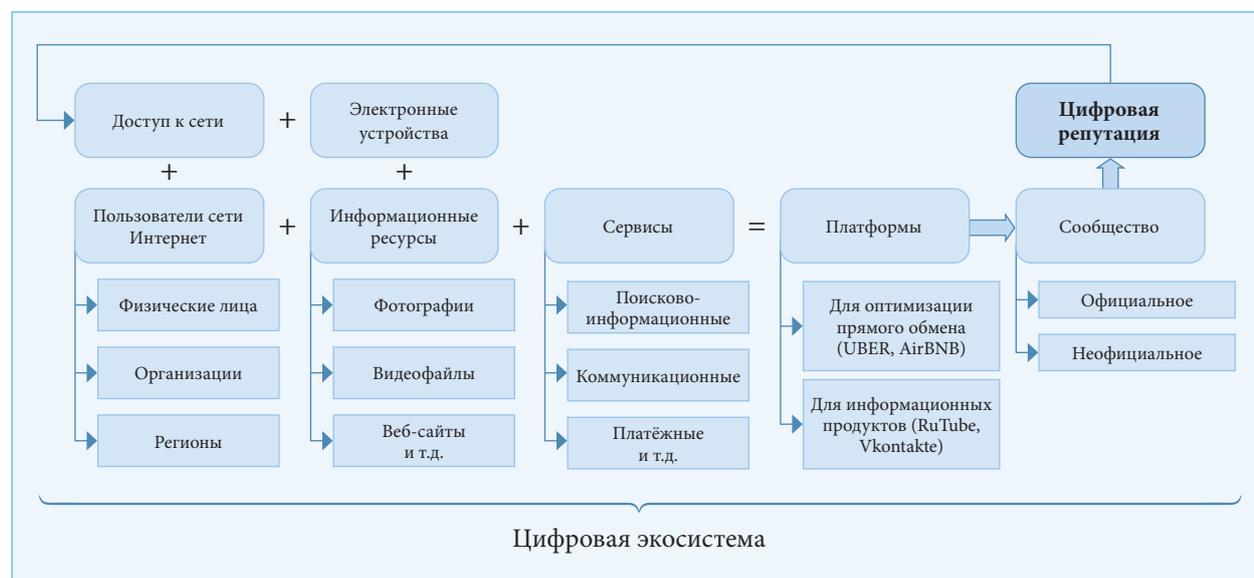

Рис. 1. Архитектура цифровой экосистемы (предложено автором)

ходя из вышесказанного, в исследовании систематизированы основополагающие понятия, возникшие в научном исследовательском поле в ответ на развитие технологий и переход деятельности организации в цифровое пространство, а именно: информационные ресурсы в сети Интернет, сервисы в сети, платформа, сообщество, репутация в сети Интернет («цифровая репутация») и цифровая экосистема (рис. 1).

На основе уточнённого понятия «репутация» и расширенного понимания цифровой экосистемы (рис. 1) предложена концепция комплексной оценки репутации организации, где наряду с традиционным многоуровневым подходом к оценке факторов (репутация макроуровня, отрасли и микроуровне) дополнительно учтены внешние параметры активности организации в сети Интернет – цифровой репутации (формула 1):

$$\begin{aligned} \text{Репутация организации} = & \\ f(\text{Репутация макроуровня}; & \\ \text{Репутация отрасли}; & \\ \text{Репутации микроуровня}; & \\ \text{Репутация информационного ресурса}; & \\ \text{Цифровая репутация}) & \end{aligned}$$

Формула 1

Полагаем, что согласно предложенной формуле 1 компоненты цифровой репутации компании в разрезе информационных ресурсов возможно классифицировать следующим образом:

- ◆ контент;
- ◆ технические факторы, с помощью которых возможна оценка репутации сайта организации;
- ◆ факторы ранжирования на информационно-поисковых платформах, с помощью которых возможна оценка репутации сайта организации на платформе, предоставляющей информационно-поисковый сервис;
- ◆ факторы оценки репутации на платформе социальной сети, с помощью которых возможна оценка репутации компании на платформах для коммуникаций и обмена информационными продуктами.

Для каждого из компонентов оценки цифровой репутации организации, в свою очередь, были выявлены составляющие их факторы, которые в агрегированном виде представлены в методике оценки цифровой репутации организации на рис. 2.

Факторы, выделенные в методике оценки цифровой репутации (см. рис. 2), тесно взаимосвязаны между собой, создавая синергетический эффект. Отметим, что нами проанализированы исследования по оценке взаимосвязи цифровой репутации и волатильности рыночной капитализации и в качестве недостатка выделена обобщённость полученных выводов, поскольку выбраны разные отрасли. В данном проекте предложено решение данной задачи: апробация реализована на примере автомобильной промышленности.

Результаты

Для того чтобы апробировать методику оценки цифровой репутации (см. рис. 2), выделены следующие информационные ресурсы и соответствующие метрики:

- ◆ репутация официального сайта организации;
- ◆ репутация организации на информационно-поисковой платформе;
- ◆ репутация организации на платформе социальной сети.

В ходе эмпирического исследования был зафиксирован ряд ограничений вследствие недоступности мониторинга данных об экосистеме организаций всей автомобильной промышленности на информационных ресурсах. В отборе участвовали только организации с действующими официальными сайтами, которые не меняли адресное имя. Аккаунты на платформе социальной сети были идентифицированы при помощи перехода на них с официального сайта организации. Если на сайте организации отсутствовала ссылка на аккаунт платформы социальных сетей, то считали, что организация не имеет официального сообщества. В этом исследовании мы сконцентрировали внимание на международных сайтах

организации. Данные изучены по состоянию на 30.09.2021 г.

На первом этапе проанализированы технические факторы репутации, которые оценивали, исходя из следующих показателей:

- ♦ доступ к домену;
- ♦ время с момента начала загрузки до момента отображения какой-либо части содержимого страницы или «первой отрисовки контента» (First Contentful Paint (FCP))¹;
- ♦ время загрузки самого большого видимого элемента (Largest Contentful Paint (LCP))²;
- ♦ визуальная стабильность – насколько устойчив макет страниц (Cumulative Layout Shift (CLS))³;
- ♦ время ожидания до первого взаимодействия с контентом (First Input Delay (FID))⁴.

В итоге три сайта организации показали ошибки при запросе связи с доменным именем – Форд, Донгфенг, ВАIC. Результаты анализа взаимодействия в процессе загрузки сайта страницы и пользователя сети Интернет, заложенные в основе технических факторов, свидетельствуют о том, что сайты организаций Ниссан, Тойота, Порше, Лючид, Фискер, Джeneral Моторс и Рено являются наиболее быстрыми по скорости и ответу на запрос при загрузке страницы, что привлекает посетителей и улучшает оценку их репутации. Наиболее отрицательные технические факторы у сайтов организаций восточно-азиатских стран, возможно, это связано с особенностями качества и доступа к Интернету в указанном регионе.

Далее мы проанализировали факторы ранжирования на информационно-поисковой платформе: домены-доноры, обратные ссылки, авторитет сайта, органический трафик, дифференцировав их по уровню репутации: лидеры, умеренные, замыкающие (табл.).

Лидером по показателю «домены-доноры» являются сайты организаций Тесла, Форд, Тойота, Киа и Феррари. Замыкают организации китайских концернов, среди которых есть и сайт бренда Астон Мартин. Предполагаем, что данный факт связан с фиксацией нашего внимания на публичных организациях на американском рынке. Также проанализировано количество обратных ссылок: в первую пятёрку с наибольшим числом обратных ссылок вошли сайты организаций КИА, Форд, Тесла, Тойота и Ниссан, что выглядит вполне логичным, учитывая высокий фактор репутации по показателю «домены-доноры».

Интересно наблюдение (см. табл.), что среди лидеров по обратным ссылкам есть сайт организации Астон Мартин, который был замыкающим по количеству доменов-доноров, что свидетельствует о большом количестве ссылок с одних и тех же доменов на сайт организации. Данный факт можно отнести к неблагоприятным в части влияния на репутацию организации – сайту организации необходимо расширить экосистему и разнообразить сообщества.

Следующим репутационным фактором для анализа является показатель «авторитет домена». Среди автомобильных сайтов наиболее высоким рейтингом обладают сайты организаций Тесла, Форд, Джeneral Моторс, КИА, Тойота и Хонда. Замыкающими также являются сайты китайских автопроизводителей и сайт организации Астон Мартин.

Представляется любопытным оценить объём органического трафика, который приходит на сайт организации. Каждая организация стремится повысить число переходов на свой сайт, так как данный показатель естественный и организация получает его бесплатно. Как и по предыдущим компонентам цифровой репутации, лидерами по данному показателю являются Тесла, Киа, Тойота, Форд и Хундай.

¹ Электронный ресурс — Инструмент теста страницы. <https://web.dev/fcp/> (дата обращения: 15.01.2022).

² Электронный ресурс — Инструмент теста страницы. <https://web.dev/lcp/> (дата обращения: 15.01.2022).

³ Электронный ресурс — Инструмент теста страницы. <https://web.dev/cls/> (дата обращения: 15.01.2022).

⁴ Электронный ресурс — Инструмент теста страницы. <https://web.dev/fid/> (дата обращения: 15.01.2022).

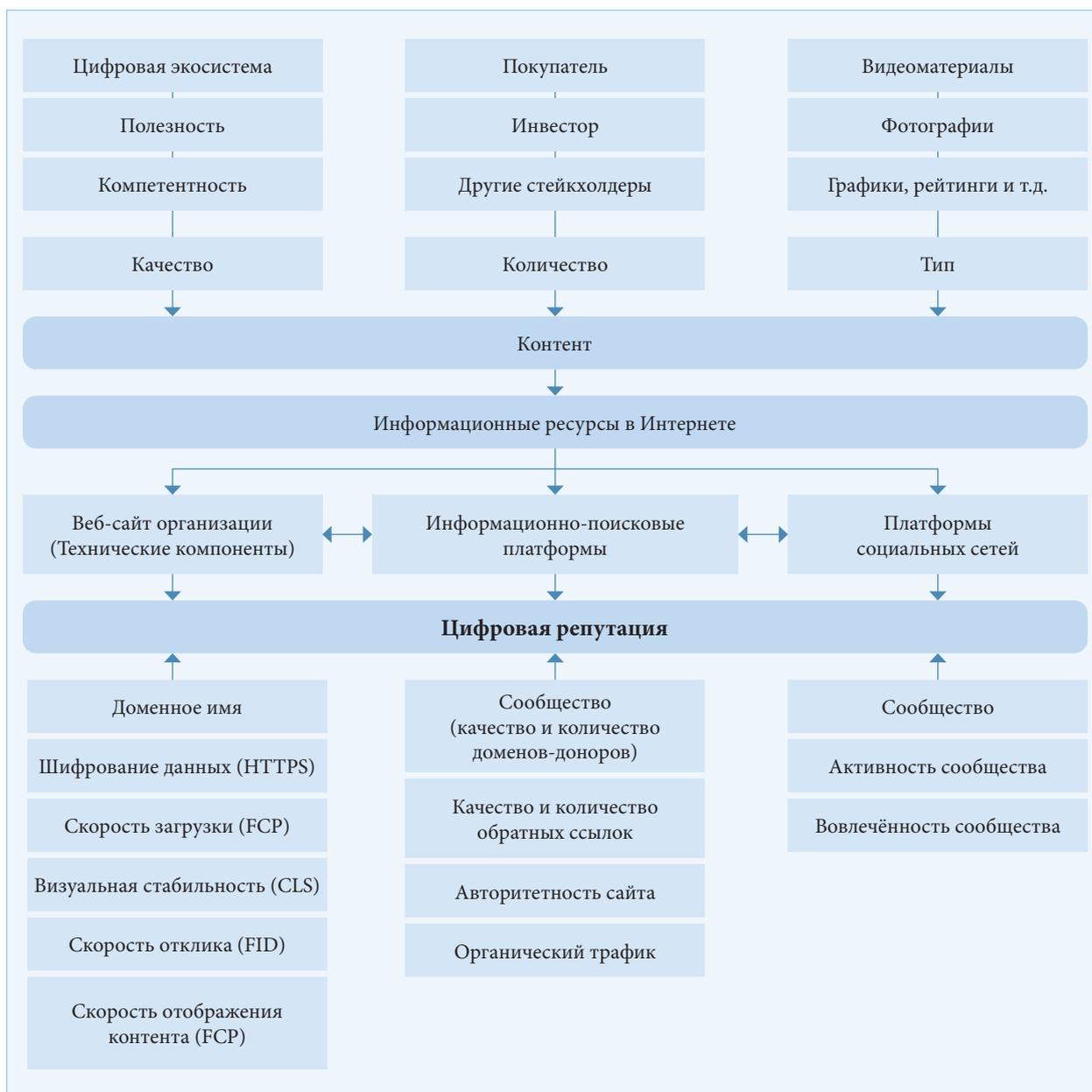

Рис. 2. Методика оценки цифровой репутации организации (предложена автором)

С использованием методики оценки цифровой репутации организации (см. рис. 2) и базы информации о количественных показателях цифровой репутации организаций автомобильной промышленности (см. табл.) предложен метод сравнительной оценки компонентов цифровой репутации и показателя рыночной деятельности с конкурентами. Его особенность заключается в возможности сопоставить одновременно как показатели деятельности организации, так и репутационную составляющую. В предлагаемом методе сравнительного

анализа размер круга соответствует относительному размеру рыночной капитализации среди конкурентов, ось абсцисс показывает авторитет сайта, а ось ординат — число доменов-доноров (рис. 3).

Обсуждение

Согласно ресурсно-ориентированному подходу, каждая организация обладает уникальным набором ресурсов, который определяет, почему одни организации добиваются успеха, а другие — нет [20]. Уникальный набор ресурсов формируется из ма-

Таблица

Исследование сайтов организаций автомобильной промышленности по компонентам «Репутация на информационно-поисковой платформе» (составлено автором)

Организация	Домены-доноры	Организация	Обратные ссылки	Организация	Рейтинг сайта	Организация	Орг. трафик	Организация	Стоимость трафика
Лидеры по репутации									
Tesla Inc	90 671	Kia Corp	18 148 447	Tesla Inc	89	Tesla Inc	17 948 156	Toyota Motor Corp	26 794 311
Ford Motor	61 127	Ford Motor	6 406 840	Ford Motor	88	Kia Corp	10 663 875	Ford Motor	21 074 066
Toyota Motor Corp	44 770	Tesla Inc	5 532 471	General Motors Co	86	Toyota	10 066 100	Ferrari NV	21 074 066
Kia Corp	33 462	Toyota	4 747 495	Kia Corp	85	Ford	10 037 014	Tesla Inc	13 972 159
Ferrari NV	28 864	Nissan	2 356 605	Toyota	85	Hyundai	3 339 216	Kia Corp	10 066 106
Mazda	11 121	BMW	575 346	Mazda	77	Lucid	676 594	General Motors	566 002
Tata Motors	7007	Daimler	476 459	Mitsubishi	75	Mitsubishi	538 211	NIO Inc	506 810
Mitsubishi	6964	Mazda	418 576	Tata Motors	75	Daimler	496 855	Daimler AG	334 794
Nikola Corp	5320	Mitsubishi	333 997	BYD Co Ltd	75	General Motors	479 000	Nikola Corp	229 216
NIO Inc	5248	Tata Motors	178 833	Geely Automobile	75	Nikola	177 624	Tata Motors Ltd	89 674
Aston Martin	773	Aston Martin	1 603 250	Honda	85	Aston Martin	9461		
Brilliance China Automotive	674	Dongfeng Motor	4427	Dongfeng Motor	50	Isuzu	7530	XPeng Inc	689
Li Auto Inc	512	BAIC	3991	Aston Martin	46	BAIC	5327	Dongfeng Ltd	505
Dongfeng Motor	296	Brilliance China	3088	Guangzhou Automobile	45	Dongfeng Motor	4275	BAIC Motor Corp Ltd	278
BAIC Motor	184	Li Auto Inc	1565	Porsche Automobil	45	Brilliance China Automotive	598	Brilliance China Automotive	172
Geely	13	Geely	19	BAIC Motor	38	Geely	0	Geely	0
Замыкающие по уровню репутации									

териальных и нематериальных ресурсов организации. Материальные ресурсы, например человеческие ресурсы, здания, сооружения, безусловно, являются ключевыми факторами в деятельности фирмы, но они должны быть дополнены нематериальными ресурсами, чтобы сделать фирму конкурентоспособной. Как отмечают исследователи, нематериальные ресурсы организации развиваются посредством социально сложных процессов, что затрудняет их воспроизводство конкурентами [12]. С точки зрения теории сигналов, существует информация, которая недоступна для широкого круга стейкхолдеров, вследствие чего возникает информационная асимметрия. Она может быть снижена путём поиска и обработки различной информации о контрагенте. Эти действия выполняются путём интерпретации наблюдаемых характеристик. Как отмечают исследователи, неполная информация является препятствием, которое мешает стейкхолдерам, не склонным к риску, взаимодействовать с новой и неизвестной компанией [18]. Исходя из вышесказанного, в данной статье выдвинуто предположение, что репутация способствует передаче достоверной информации и ненаблюдаемых характеристик организации. При этом когда стейкхолдеры сталкиваются с сигналами из различных источников, они чаще действуют на основе сигналов большего масштаба (например, размера сообщества), в то время как влияние других сигналов ослабевает [21].

Основываясь на вышесказанном и на результатах нашего исследования, можем действительно подтвердить, что масштаб сигналов цифровой репутации организации Tesla по ряду критериев превосходит по качеству и количеству своих конкурентов в отрасли, что находит отражение в стоимости рыночной капитализации организации (см. рис. 3). Мы также пришли к выводу, что рыночная капитализация ор-

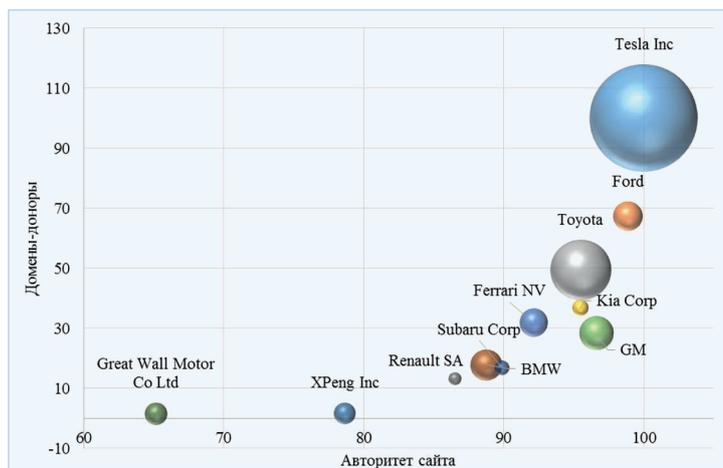

Рис. 3. Метод сравнительной оценки компонентов цифровой репутации на примере организаций автомобильной промышленности по компонентам цифровой репутации «домены-доноры», «авторитет сайта» и «рыночная капитализация» (по состоянию на III квартал 2021 г.)

ганизации автомобильной отрасли находится в тесной взаимосвязи с компонентами репутации на информационно-поисковой платформе (экономико-статистический анализ показал, что корреляция между рыночной капитализацией, доменами-донорами и органическим трафиком составляет 0,78 и 0,77 соответственно).

Технические факторы не показали значимой взаимосвязи с рыночной капитализацией в отрасли, однако это может быть связано с прямым отсутствием влияния на показатель деятельности. Возможно, нужны другого рода исследования для того, чтобы проанализировать, каким образом предложенные технические факторы связаны с рыночной капитализацией.

Взаимосвязь рыночной капитализации организации автомобильной отрасли с компонентами их репутации на платформе социальной сети существует только с фактором, определяющим размер сообщества (0,92). Предполагаем, что активность и вовлечённость влияют в большей степени на маркетинговые факторы продвижения бренда в Интернете. Если исходить из теории, что бренд оказывает влияние на репутацию, то можно предположить, что в долгосрочной перспективе репутация на платформе социальных сетей оказывает влия-

ние на репутацию организации как офф-, так и онлайн. Более того, изучение данного вида взаимосвязи может стать основой новых научных исследований, требующих иных подходов и методов оценки.

Согласно результатам количественной оценки влияния факторов репутации в Интернете, отметим, что наиболее продуктивным с точки зрения вклада в увеличение рыночной капитализации организации автомобильной промышленности оказался показатель «домены-доноры». Увеличение данного фактора на \$1 в среднем увеличивает рыночную капитализацию организации в отрасли на \$5,34, что характеризует репутацию на информационно-поисковой платформе. А показатели «Органический трафик» и «Сообщество на платформе социальной сети» практически не оказывают влияние: их рост на \$1 в среднем увеличивает рыночную капитализацию всего на \$0,03 и \$0,06.

Заключение

Итак, на основании апробации количественной оценки цифровой репутации и её влияния на капитализацию организации (на примере автомобильной промышленности) мы пришли к следующим выводам:

- ♦ оценка репутации в сети Интернет может быть произведена количественно на основе цифровых следов пользователей сети, которые отражены в размере сообществ, доменах-донорах, активности, обратных ссылках, трафике и т.д.;
- ♦ выявлено совпадение по лидерам и замыкающим среди организаций, что свидетельствует о равномерном развитии сообществ и их взаимном влиянии друг на друга;
- ♦ если сравнить лидеров репутации в Интернете и лидеров по объёму рыночной капитализации в отрасли (Тесла — \$773 929,02 млн, Тойота — \$247 428 млн, Фольксваген — \$156 004,56 млн, Даймлер — \$97 261,67 млн), то можно заметить, что эти организации также дублируются. Предполагаем, что таким образом может быть подтверждена наша гипотеза о влиянии репутации в Интернете на рыночные показатели деятельности организации;
- ♦ количественная оценка позволяет выделить компонент «домены-доноры» как наиболее существенно оказывающий влияние на увеличение рыночной капитализации организации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аакер Д. Создание сильных брендов. М.: Издат. дом Гребенникова, 2003.
2. Даулинг Г. Репутация фирмы. Создание, управление и оценка эффективности // М.: Консалтинговая группа «Имидж-Контакт»: ИНФРА-М, 2003.
3. Домнин В.Н. Семантический код бренда // Бренд-менеджмент. 2006. № 4 (29). С. 246–255.
4. Колесникова Ю.С. Влияние нематериальной собственности на развитие региональных социально-экономических систем: Дисс... докт. экон. наук, Казань, 2019.
5. Огилви Д. Огилви о рекламе. М.: Эксмо, 2003.
6. Решетникова И.И. Репутационный капитал как фактор обеспечения конкурентоспособности российского бизнеса: теория, методология исследования, проблемы формирования и управления в условиях глобализации рынков: Дисс... докт. экон. наук. Волгоград, 2011.
7. Сафиуллин М.Р., Груничев А.С., Ельшин Л.А., Курбангалиева Д.Л. Факторный анализ влияния репутационного капитала на экономическую динамику региона // Экономика, предпринимательство и право. 2020. Т. 10. № 7. С. 1989–2004. DOI: 10.18334/errp.10.7.110654.
8. Сафиуллин М.Р., Ельшин Л.А., Абдукаева А.А., Савеличев М.В. Инструменты и методы исследования развития цифровой экономики: подходы, методы, практические результаты // Казань: ИП Кузнецов Н.В., 2019.
9. Сафиуллин М.Р., Сафиуллин Л.Н., Абдрахманова Д.Р. Репутация, качество менеджмента и инвестиционная привлекательность. Казань: ИП Кузнецов Н.В., 2020.

10. Старов С.А. Управление брендами: Учебник. СПб.: Высшая школа менеджмента, 2008.
11. Третьяк О.А. Бренд-капитал: содержание, денежная оценка и управление // Бренд-менеджмент. 2001. № 2. С. 2–11.
12. Barney J. Firm resources and sustained competitive advantage // Journal of Management. 1991. № 17 (1). Pp. 99–120.
13. Deephouse D.L. Media reputation as a strategic resource: An integration of mass communication and resource – theories // Journal of Management. 2000. № 26. Pp. 1091–1112.
14. Fombrun C.J., Riel C. Van The reputational landscape // Corporate Reputation Review. 1997. № 1 (1 and 2). Pp. 5–13.
15. Stavniychuk A., Dzagoeva V., Loginova V., Rastyapina M. Study of the dependence of the company's share price on its popularity on the Internet. Lomonosov Moscow State University. Retrieved from <https://www.iqbuzz.pro/mgu-p1.ph> – 2021.
16. Kurbangalievа D.L. Evolution of Concepts Related to the Term «Brand Reputation» and Their Relationship // Propositos y Representaciones. 2019. Iss. 9.
17. McAfee A., Brynjolfsson E. Machine. Platform. Crowd. Mann, Ivanov, Ferber. 2019. P. 560.
18. Nayyar P.R. Information asymmetries: A source of competitive advantage for diversified service firms // Strategic Management Journal. 1990. № 11 (7). Pp. 513–519.
19. Park N., Lee K.M. Effects of online news forum on corporate reputation // Public Relations Review. 2007. № 33 (3). Pp. 346–348.
20. Peteraf M.A. The cornerstones of competitive advantage: A resource-based view // Strategic Management Journal. 1993. № 14 (3). Pp. 179–191.
21. Wang Q., Cui X., Huang L., Dai Y. Seller reputation or product presentation? An empirical investigation from cue utilization perspective // International Journal of Information Management. 2016. № 36 (3). Pp. 271–283.

The Impact of Digital Reputation on Corporate Capitalization: From Theory to Practice (On the Example of the Automotive Industry)

Dinara Lenarovna Kurbangalievа – Postgraduate Student of the Department of General Management of the Institute of Management, Economics and Finance of Kazan (Volga Region) Federal University, Researcher of the project “Management of company capitalization in the digital age using economic and mathematical algorithms for the promotion of business reputation metrics on electronic platforms and aggregators” (20-310-90042).
E-mail: dhasanova@list.ru

The project research helped the researcher to propose a method of comprehensive assessment of business reputation that, along with the traditional multi-level approach to assessing factors (reputation at the macro level, industry and micro levels), taking into account external parameters of the organization's online activity as digital reputation, made it possible to identify new important evaluation criteria: content reputation, corporate website reputation, the reputation of a business on information searching platforms; reputation in social media. The research provides quantitative data that the presence, mentioning, public interest and emotions, and, as a result, the corporate reputation, can be tracked on information resources. The researcher made an effort to quantify the impact of the online reputation components on the market capitalization of a business.

Keywords: reputation, Internet, market capitalization, platform, information resources, information and communication technologies, Internet services, content

REFERENCES

1. Aaker D. Sozdanie sil'nykh brendov. M.: Izdat. dom Grebennikova, 2003 (in Russian).
2. Dauling G. Reputatsiya firmy. Sozdanie, upravlenie i otsenka effektivnosti // M.: Konsaltingovaya gruppa «Imidzh-Kontakt»: INFRA–M, 2003 (in Russian).
3. Domnin V.N. Semanticheskii kod brenda // Brend-menedzhment. 2006. № 4 (29). S. 246–255 (in Russian).
4. Kolesnikova Yu.S. Vliyanie nematerial'noi sobstvennosti na razvitie regional'nykh sotsial'no-ekonomicheskikh sistem: Diss... dokt. ekon. nauk, Kazan', 2019 (in Russian).
5. Ogilvi D. Ogilvi o reklame. M.: Eksmo, 2003 (in Russian).
6. Reshetnikova I.I. Reputatsionnyi kapital kak faktor obespecheniya konkurentosposobnosti rossiiskogo biznesa: teoriya, metodologiya issledovaniya, problemy formirovaniya i upravleniya v usloviyakh globalizatsii rynkov: Diss... dokt. ekon. nauk. Volgograd, 2011 (in Russian).
7. Safiullin M.R., Grunichev A.S., El'shin L.A., Kurbangalieva D.L. Faktornyi analiz vliyaniya reputatsionnogo kapitala na ekonomicheskuyu dinamiku regiona // Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo. 2020. T. 10. № 7. S. 1989–2004. DOI: 10.18334/epp.10.7.110654. (in Russian).
8. Safiullin M.R., El'shin L.A., Abdukaeva A.A., Savelichev M.V. Instrumenty i metody issledovaniya razvitiya tsifrovoi ekonomiki: podkhody, metody, prakticheskie rezul'taty // Kazan': IP Kuznetsov N.V., 2019 (in Russian).
9. Safiullin M.R., Safiullin L.N., Abdrakhmanova D.R. Reputatsiya, kachestvo menedzhmenta i investitsionnaya privlekatel'nost'. Kazan': IP Kuznetsov N.V., 2020 (in Russian).
10. Starov S.A. Upravlenie brendami: Uchebnik. SPb.: Vysshaya shkola menedzhmenta, 2008 (in Russian).
11. Tretyak O.A. Brend-kapital: sodержanie, denezhnaya otsenka i upravlenie // Brend-menedzhment. 2001. № 2. S. 2–11 (in Russian).
12. Barney J. Firm resources and sustained competitive advantage // Journal of Management. 1991. № 17 (1). Pp. 99–120 (in Russian).
13. Deephouse D.L. Media reputation as a strategic resource: An integration of mass communication and resource – theories // Journal of Management. 2000. № 26. Pp. 1091–1112.
14. Fombrun C.J., Riel C. Van The reputational landscape // Corporate Reputation Review. 1997. № 1 (1 and 2). Pp. 5–13.
15. Stavniychuk A., Dzagoeva V., Loginova V., Rastyapina M. Study of the dependence of the company's share price on its popularity on the Internet. Lomonosov Moscow State University. Retrieved from <https://www.iqbuzz.pro/mgu-p1.ph> – 2021.
16. Kurbangalieva D.L. Evolution of Concepts Related to the Term «Brand Reputation» and Their Relationship // Propositos y Representaciones. 2019. Iss. 9.
17. McAfee A., Brynjolfsson E. Machine. Platform. Crowd. Mann, Ivanov, Ferber. 2019. P. 560.
18. Nayyar P.R. Information asymmetries: A source of competitive advantage for diversified service firms // Strategic Management Journal. 1990. № 11 (7). Pp. 513–519.
19. Park N., Lee K.M. Effects of online news forum on corporate reputation // Public Relations Review. 2007. № 33 (3). Pp. 346–348.
20. Peteraf M.A. The cornerstones of competitive advantage: A resource-based view // Strategic Management Journal. 1993. № 14 (3). Pp. 179–191.
21. Wang Q., Cui X., Huang L., Dai Y. Seller reputation or product presentation? An empirical investigation from cue utilization perspective // International Journal of Information Management. 2016. № 36 (3). Pp. 271–283.

ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ. ПРАВОВЕДЕНИЕ

Индекс УДК 16

Код ГРНТИ 02.31.31

DOI: 10.22204/2587-8956-2022-110-03-57-65

В.А. БАЖАНОВ*

Как возможен синтез натурализма и социоцентризма?

В статье представляются некоторые результаты выполнения проекта, в котором анализировались перспективы синтеза натурализма и социоцентризма в области когнитивных исследований. Показывается, что этот синтез может осуществляться в контексте идеи биокультурного со-конструктивизма, которая предполагает использование холистического подхода к рассмотрению системы «мозг—социум—культура». Обосновывается, что сквозь призму этой идеи могут изучаться процессы, связанные с функционированием нейронных механизмов, которые связаны с нейродетерминацией культуры и аккультурацией мозга. Обращается внимание на роль этих механизмов для функционала, выраженного в пластичности мозга, и на наличие пределов деантропологизации знания.

Ключевые слова: когнитивные исследования, кантианская программа исследования мозга, биокультурный со-конструктивизм, числовое познание, ген-культурные взаимодействия, эпигенетика

Развитие когнитивных исследований, и прежде всего социальной и культурной нейронауки, поставило проблему синтеза парадигм натурализма и социоцентризма, которые активно применяются в изучении целостной системы «мозг—культура—социум». Ранее эти парадигмы считались несо-

вместимыми, но открытие феноменов нейродетерминации культуры и аккультурации мозга, переплетения естественных и социальных траекторий развития человека, особенностей ген-культурного взаимодействия придают этой проблеме особую актуальность. Причём с точки зрения эпистемологии и философии

* **Бажанов Валентин Александрович** — заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, заведующий кафедрой философии Ульяновского государственного университета, руководитель проекта «Проблема синтеза натурализма и социоцентризма в когнитивных исследованиях: истоки и значение для эпистемологии и философии науки» (19-011-00007а).
E-mail: vbazhanov@yandex.ru

Рис. 1. Трансдисциплинарный характер когнитивных исследований

науки в разработке данной проблемы делаются лишь первые шаги.

Каковы механизмы *нейродетерминации культуры и аккультурации мозга*, как эти механизмы, а также ген-культурные взаимодействия влияют на когнитивные способности человека? В какой мере они определяют границы *деантропологизации* знания? Как *пластичность мозга* связана с его когнитивным потенциалом? Почему в современной нейронауке принято говорить о реализации *кантианской программы исследования мозга*? Как эта программа может быть проинтерпретирована под углом зрения синтеза натурализма и социоцентризма? На эти ключевые вопросы с позиций идеи *биокультурного со-конструктивизма* можно предложить определённые подходы и ответы, которые могут в каком-то смысле быть полезными в широком диапазоне инновационных решений — от разработки систем искусственного интеллекта, моделей нейронных сетей и нейрокомпьютинга до методов реабилитации в случае некоторых психосоматических расстройств.

Ранее я уже посвятил комплексу близких по своему смыслу вопросов и проб-

лем книгу [1]. Последующие исследования явились органичным продолжением анализа, который был представлен в этой книге. Они суммированы в новой книге [2], которая уже в печати.

Когнитивные исследования в контексте социальной и культурной нейронауки

Когнитивные исследования имеют выраженный междисциплинарный (и даже трансдисциплинарный) характер (рис. 1) В той области когнитивных исследований, которые инспирируются прогрессом социальной и культурной нейронауки, активно задействуется не только парадигма натурализма, но и нетрадиционная для нейронауки парадигма социоцентризма, которая обнаруживает новые, ранее не замечаемые измерения.

Фактически речь идёт здесь не просто о *дилемме натурализма и антинатурализма* [3, 4], а о необходимости своеобразного синтеза натурализма и социоцентризма (социологизма), об осознании того факта, что особенности когнитивного потенциала человека не могут быть поняты под углом зрения последовательного, «жёсткого» *логоцентризма* классической эпистемологии.

Здесь важны учёт контекста и глубокий анализ взаимодействия, взаимопереплетения естественной (природной) и социокультурной траекторий развития и функционирования, а также деятельностной природы познающего субъекта. Это как раз те факторы, которые связаны с онтогенетическими истоками познавательной активности субъекта, реализуемой в ситуациях конкретного социума и культуры, оказывающих обратное влияние на характер этой активности и позволяющих говорить о целостности системы «мозг—культура—социум». Эта система пронизана сетями обратных связей, элементы которой активно взаимодействуют и корректируют функ-

ционал других элементов. Фактически можно утверждать, что имеют место двойная «натурализация» и социально-культурная детерминация архитектоники и функций мозга – включая и процесс онтогенеза, и процесс филогенеза. Генетические и биологические, негенетические и небιологические – культурные и социальные – факторы участвуют в формировании мозга на протяжении всего жизненного пути личности. Таким образом, в определённом смысле мозг оказывается «продуктом» личностной истории индивидуума, поскольку на нём, как показывают достижения современной эпигенетики, «следы» жизни человека отпечатываются едва ли не с пренатального периода, причём эти «следы» способны транслироваться в последующие поколения, т.е. иметь *трансгенерационный* статус [5].

Комплекс современных когнитивных исследований затрагивает широкий круг научных дисциплин – от антропологии и проблематики создания искусственного интеллекта до эпистемологии и языкознания (рис. 2). Эпистемология и философия науки здесь занимают весьма важное место, поскольку они нацелены не только на формирование максимально полной для данной стадии развития науки картины познания, но и на поиск границ объективно-истинного знания и пределы его деантропологизации. Без осознания этих факторов вряд ли можно рассчитывать на эффективное продвижение в направлении разработки искусственного интеллекта высокого уровня. Осмысление познавательного потенциала парадигм натурализма и социоцентризма, надёжности и недостатков их методологического и методического инструментария при анализе характера взаимодействия в системе «мозг–культура–социум», а также возможности их синтеза может представлять важную задачу для философской рефлексии

Рис. 2. Когнитивный потенциал нейронауки

и в определённых случаях иметь значительную прикладную ценность для выбора наиболее перспективных направлений в области когнитивных исследований.

Если иметь в виду пространство философских и историко-научных штудий, то поиски ответов на поставленные выше вопросы оказались способны трансформировать ряд устоявшихся представлений в области эпистемологии и философии точных наук, расширив понимание меры их «неточности» (непрецизионности). Более конкретно это коснулось следующих положений:

1. В *эпистемологии* может быть более рельефно представлена картина ограниченности когнитивной *универсальности* субъекта познания, которое подразумевается (традиционным) трансцендентализмом; достигнуто признание совместимости кантианской программы исследований в нейронауке с основными положениями и натурализма, и социоцентризма; придан больший удельный вес *деятельностным* компонентам познавательных процедур; нарисована более чёткая картина соотношения аб-

солютного и релятивного, априорного и апостериорного в познании, обоснован статус антипсихологизма как антинатурализма.

2. В философии науки вскрыты тонкие механизмы репрезентации и детерминации социокультурными процессами нейробиологических особенностей субъекта познания и обратно; осознаны пределы сочетания возможностей аналитических и холистических методов исследования; значение ген-культурных взаимодействий; понимание статуса априорных оснований математического творчества с позиций феномена субитации и особенностей формирования понятия о «числовом ряде» и его геометрической репрезентации; основания идеи субъективной и объективной математики; роль *эпигенетических* процессов в формировании психофизиологических особенностей личности и трансгенерационном их наследовании, а также широких пределов пластичности нейроструктур.
3. В области истории науки важно знать истоки, последовательность появления краеугольных идей как натурализма, так и социоцентризма, а также их взаимодействия в истории когнитивных исследований; сложности осмысления закономерностей этого процесса с позиций интернализма (преимущественно в случае натурализма) и экстернализма (преимущественно в случае социоцентризма).

Грани натурализма

В философской среде довольно распространено убеждение в том, что натурализм и кантианство с его идеей трансцендентального субъекта, априоризмом и антипсихологизмом принципиально несовместимы [6]. Здесь кантовские идеи трансцендентализма и априоризма трактуются как своего рода сверхъестественные теоретические сущности, которые никоим образом не отвечают ни духу, ни букве натурализма. Несмотря на то, что в со-

временных когнитивных исследованиях, включая нейронауку, отсутствует единство в понимании натурализма, инвариантом для всех его трактовок фактически является убеждение, что природа – самодостаточная для изучения сущность, она изучается естественными науками, а получаемые результаты в принципе могут быть проверены эмпирически.

Развитие когнитивных исследований и прежде всего социальной и культурной нейронауки подводят к такой интерпретации идей Канта, когда он с его трансцендентализмом и априоризмом с современной, презентистской по своему характеру точки зрения, становится мыслителем, вполне отвечающим лейтмотиву натурализма. С отдельными элементами кантовского учения в контексте кантианской исследовательской программы в нейронауке стали связывать те или иные совершенно конкретные операции и функции мозга.

Более того, в контексте натурализма в науку было введено понятие «кантовского» мозга. Идеи Канта также используются в подходе к анализу мозга с точки зрения энактивизма и феноменологии, составляя предмет *нейрофеноменологии* [7], в которой акцент делается также на трансцендентальном субъекте и признаётся априорный характер детерминации форм и качество опыта. Априоризм в духе Канта в случае аутопоэтической системы выступает в качестве приобретённого в жизненном цикле опыта, на основе которого живые системы вовлечены в процесс самоорганизации.

Под углом зрения современных когнитивных исследований вполне допустим синтез натурализма и социоцентризма на основании признания имманентной целостности системы «мозг–культура–социум», где каждый компонент детерминирует состояние других компонентов. Такого рода ракурс анализа позволяет получить более отчётливую и широкополосную картину, чем та, которая может быть получена при помощи как на-

турализма, так и социоцентризма. Синтез натурализма и социоцентризма обеспечивается идеей биокультурного со-конструктивизма, которая является основанием методологии, сочетающей элементы и натурализма, и социоцентризма — если вне рамок данной методологии они определяли фрагментарные картины реальности независимо друг от друга. Данная методология обеспечивает анализ взаимодействия и динамики всех ключевых составляющих системы «мозг—социум—культура». В оптике этой методологии, например, можно представить числовое познание как социокультурный процесс в своих основаниях имеющий онтогенетическое происхождение.

Пристальное внимание к феномену числового познания (и числу как элементу этого познания) в аспекте его социального и психологического измерений приковано примерно с начала 1990-х гг. Именно тогда разворачивается процесс в буквальном смысле переоткрытия, казалось бы, давно известного и досконально изученного феномена числа и разнообразных процедур оперирования числовой информацией под углом зрения функционирования тех или иных структур мозга. С этого момента число начинает трактоваться в качестве ключевого элемента, гарантирующего культурам, опирающимся в своём развитии на дигитальные категории, неоспоримое практическое преимущество перед «нечисловыми» культурами, т.е. культурами, которые находятся (или находились) на стадиях развития, когда они фактически ещё не сформировали категориальный ряд понятий, относящихся к числительным.

Натуралистические интерпретации числа как выражения количества элементов некоторого множества предметов начинают существенно расширяться за счёт соображений, относящихся к *социокультурному* измерению генезиса и функционированию числовых систем.

Некоторые, казалось бы, привычные, давно и глубоко усвоенные, интуитивно

прозрачные представления из области математики на самом деле являются продуктом человеческой культуры, важный элемент которой и составляет математика. Ныне общепринят образ натурального ряда чисел как изображения посредством геометрической линии, простирающейся от минус до плюс бесконечности. Это наглядное изображение множества натуральных чисел в виде линии — достижение только XVII столетия [8]. Именно с этого времени числовая прямая постепенно становится общезначимым элементом культуры, который даёт простой и интуитивно очевидный образ множества натуральных чисел. Основным источником этого образа — уже начальное математическое образование.

Грани социоцентризма

Парадигма социоцентризма в контексте когнитивных исследований развита и осмыслена в значительно меньшей степени, чем парадигма натурализма. Обычно она касается соотношения человека и общества, а когда используется термин «социологизм», то связывается с Э. Дюркгеймом, провозгласившим принцип анализа социального посредством социального и тем самым обозначившим контуры своего рода последовательного холистического подхода в социологии либо в случае понятия социоцентризма с историей философии (имея в виду статус этого понятия в работах, например, Н.А. Бердяева и А.А. Богданова). В настоящем исследовании имелся в виду смысл, отличный от вложенного в это понятие Э. Дюркгеймом, или тот, который обычно соотносится с позицией жёсткого социального детерминизма, а именно прямое влияние социума и культуры на архитектуру мозга, его активность, онтогенетические и в конечном счёте когнитивные особенности, которые сводят метафору «социальный мозг» до «рабочего» понятия современной нейронауки, сопрягающегося в данном случае с таким подходом, как *знактивизм* [9] (рис. 3)

Рис. 3. Социоцентризм

В физике твёрдого тела известен принцип Кюри, который гласит, что некоторый кристалл при внешнем воздействии изменяет свою симметрию таким образом, что сохраняет лишь элементы симметрии, общие с элементами симметрии внешнего воздействия. С точки зрения представлений о причинности это означает, что симметрия причины воспроизводится в симметрии следствия. Центральное содержание принципа Кюри предполагает воспроизведение особенностей более общей и целостной системы в особенностях и частях менее общей, трансляцию свойств первой системы в части второй системы, их воспроизводство в виде функционала на её уровне. Иными словами, с этим принципом связана *детерминация* одной системой характера активности схожего функционала другой системы.

Если обратиться к природе социоцентризма, то имеются аргументы в пользу возможности распространения *mutatis mutandis* этого физического по своему происхождению принципа на социальные науки. Эвристический потенциал этого принципа в социальных науках состоит, прежде всего, в устранении дихотомии «социального и биологического»,

в демонстрации существенного влияния социального на биологическое. Особенно убедительно в пользу такого решения свидетельствует становление и развитие эпигенетики в постгеномную эру. Роль симметрии здесь играют параметры, характерные для социальной реальности (культуры). Под углом зрения принципа Кюри картина становления личности, нарисованная в духе редукционизма, который характерен для эпохи господства представлений о геноме, сменяется картиной, тяготеющей уже к жанру холизма, когда мозг, личность, культура и социум представляются как единое целое, пронизанное множеством детерминирующих все эти элементы связей. Благодаря им развивающийся мозг претерпевает процесс аккультурации и преобразования в социальный мозг в контексте его культурной детерминации. Такого рода методологическая установка оказывается важной для осмысления социокультурных феноменов с позиций постгеномной эры.

Социально-культурная революция в нейронауке разворачивается в контексте перехода от геномной к постгеномной эре в биологических исследованиях. Наступление этой эры знаменует собой осознание глубокой связи биологического и соци-

ального. Если ранее в биологии во многом игнорировались социальные факторы, имеющие отношение к биологической жизни (за исключением, пожалуй, лишь «геноцентризма», свойственного социобиологии), а в социологии господствовала своего рода биологофобия, то сейчас положение существенно иное: идея активного ген-культурного взаимодействия из статуса экзотической превратилась едва ли не в традиционную, а в социальных науках интенсивно развиваются исследования в русле нейросоциологии.

Социальные науки и эпигенетика

Для постгеномной эры характерна интенсификация исследований по эпигенетике, в фокусе которой находятся отклики генома на сигналы социальной среды. Ген оказывается значимым как носитель информации не сам по себе, а, так сказать, в «контексте». Этим контекстом выступают социум и культура, которые оказывают непосредственное влияние на активность тех или иных генов, когда какие-то гены в силу

воздействия среды могут быть «заморожены», а какие-то, напротив, будут проявлять повышенную активность. Феномен прямого наследования (от родителей к детям) дополняется феноменом трансгенерационного наследования (от прародителей к внукам и даже правнукам). Это как бы «параллельная» система наследования, благодаря которой организм способен более быстро и гибко реагировать на воздействия со стороны окружающей среды [10].

С биологической точки зрения речь идёт о механизме метилирования или ацетилирования ДНК. С точки зрения формирования мозга здесь допустимо говорить об нейроэпигенетике.

Эпигенетика обнажила факт прямой связи между материнским уходом и последующим психическим развитием и полноценностью организма, причём физическая близость матери (или заменяющей её личности) к ребёнку в первые месяцы жизни оказывается даже важнее, чем качественное кормление ребёнка. Именно здесь происходит начальная социализация будущей личности (рис. 4).

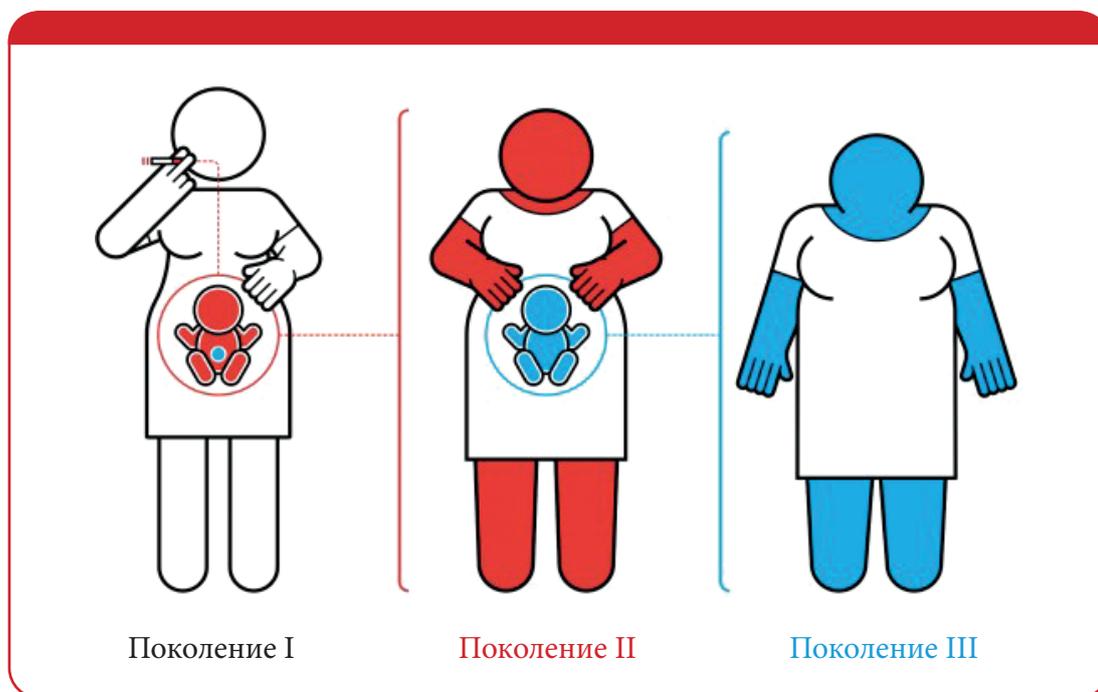

Рис. 4. Курение во время беременности вызывает эпигенетические изменения сразу в трёх поколениях: у самой женщины, у её ещё не родившейся дочери и в репродуктивных клетках её дочери

В раннем младенческом возрасте действие принципа Кюри наиболее выражено: человеческий мозг усваивает ключевые установки, принятые в обществе, подготавливаются основы для его полноценной аккумуляции, и тем самым младенец обретает потенциал, который открывает ему дорогу в это общество и позволяет становиться всё более подобным взрослым членам, поскольку его мозг втягивается в процесс приобретения качеств социального [11], культурного [12], политического [13]. С точки зрения философской оптики здесь речь идёт об интеграции элементов натурализма и социоцентризма.

Заключение

Таким образом, концепция биокультурного со-конструктивизма, настаивающая на холистическом подходе к системе «мозг—социум—культура», позволяет анализировать процессы, связанные с функционированием нейронных механизмов, детерминированных культурными реалиями и социальным контекстом, и тем самым выступать основанием синтеза натурализма и социоцентризма в контексте когнитивных исследований, подчёркивая фундаментальные особенности пластичности мозга и иницируя мысль о существовании пределов деантропологизации знания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бажанов В.А. Мозг—культура—социум. Кантианская программа в когнитивных исследованиях. М.: Канон+, 2019.
2. Бажанов В.А. Культурный мозг—нейронаука—математика. Прислушиваясь к И. Канту. Калининград; М.; СПб.: Петроглиф — Центр гуманитарных инициатив, 2022.
3. Olkowski D. Naturalism and antinaturalism in the sociology of science // The Blackwell Companion to Naturalism / Ed. K.J. Clark. West Sussex, UK: Wiley-Blackwell, Wiley, 2016. Pp. 124–135.
4. Sturm T. Philosophical naturalism and bounded rationality // Routledge Handbook on Bounded Rationality / Ed. R. Viale. L.; N.Y.: Routledge, 2021. Pp. 73–89.
5. Jablonka E. The evolutionary implications of epigenetic inheritance // Interface Focus. 2017. Vol. 7. Article 20160135. DOI: 10.1098/rsfs.2016.0135.
6. Рокмор Т. Натурализм как антикантианство // Эпистемология и философия науки. 2009. Т. XXII. № 4. С. 14–29.
7. Gallagher S. Neurophenomenology // The Oxford Companion to Consciousness. / Eds. T. Bayne, A. Cleeremans, P. Wilken. Oxford: Oxford University press, 2009. Pp. 470–472.
8. Núñez R.E. No innate number line in the human brain // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2011. Vol. 42. № 4. Pp. 651–668.
9. Hutto D.D., Myin E. Evolving enactivism: Basic minds meet content. Cambridge (MA): MIT press, 2017.
10. Ashe A., Colot V., Oldroyd B.P. How does epigenetics influence the course of evolution? // Philosophical Transactions. B. 2021. Vol. 376. Article 20200111. DOI: 10.1098/rstb.2020.0111.
11. Decety J. The social brain: A developmental perspective. Cambridge (MA): MIT press, 2020.
12. Shihui H. The sociocultural brain. Oxford: Oxford University press, 2017.
13. Zmigrod L., Tsakiris M. Computational and neurocognitive approaches to the political brain: key insights and future avenues for political neuroscience // Philosophical Transactions. B. 2021. Vol. 376. Article 20200130. DOI: 10.1098/rstb.2020.0130.

How is the Synthesis of Naturalism and Sociocentrism Possible?

Valentin Aleksandrovich Bazhanov – Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Philosophical Science, Head of the Department of Philosophy, Ulyanovsk State University, Head of the project “The synthesis of naturalism and sociocentrism in cognitive studies: origins and value for the epistemology and philosophy of science” (19-011-00007a).

E-mail: vbazhanov@yandex.ru

The paper presents some results of the project that analyzed the prospects for a synthesis of naturalism and sociocentrism in cognitive studies. It is shown that this synthesis can take place within the context of the biocultural co-constructivism idea, which implies a holistic approach to the study of the system “brain–society–culture”. It is proved, that through the lens of this idea we can study the processes associated with the functioning of neural mechanisms, which are connected with the neurodetermination of culture and brain acculturation. The project draws attention to the role of these mechanisms for the functions expressed in brain plasticity and the existence of knowledge deanthropologization limits.

Keywords: cognitive research, Kantian brain research program, biocultural co-constructivism, numerical cognition, epigenetics, gene-culture interactions

REFERENCES

1. Bazhanov V.A. *Mozg–kul'tura–sotsium. Kantianskaya programma v kognitivnykh issledovaniyakh*. M.: Kanon+, 2019 (in Russian).
2. Bazhanov V.A. *Kul'turnyi mozg–neironauka–matematika. Prislushivayas' k I. Kantu*. Kaliningrad; M.; SPb.: Petroglif – Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2022 (in Russian).
3. Olkowski D. Naturalism and antinaturalism in the sociology of science // *The Blackwell Companion to Naturalism* / Ed. K.J. Clark. West Sussex, UK: Wiley-Blackwell, Wiley, 2016. Pp. 124–135.
4. Sturm T. Philosophical naturalism and bounded rationality // *Routledge Handbook on Bounded Rationality* / Ed. R. Viale. L.; N.Y.: Routledge, 2021. Pp. 73–89.
5. Jablonka E. The evolutionary implications of epigenetic inheritance // *Interface Focus*. 2017. Vol. 7. Article 20160135. DOI: 10.1098/rsfs.2016.0135.
6. Rokmor T. Naturalizm kak antikantianstvo // *Epistemologiya i filosofiya nauki*. 2009. T. XXII. № 4. S. 14–29 (in Russian).
7. Gallagher S. Neurophenomenology // *The Oxford Companion to Consciousness*. / Eds. T. Bayne, A. Cleeremans, P. Wilken. Oxford: Oxford University press, 2009. Pp. 470–472.
8. Núñez R.E. No innate number line in the human brain // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2011. Vol. 42. № 4. Pp. 651–668.
9. Hutto D.D., Myin E. *Evolving enactivism: Basic minds meet content*. Cambridge (MA): MIT press, 2017.
10. Ashe A., Colot V., Oldroyd B.P. How does epigenetics influence the course of evolution? // *Philosophical Transactions. B*. 2021. Vol. 376. Article 20200111. DOI: 10.1098/rstb.2020.0111.
11. Decety J. *The social brain: A developmental perspective*. Cambridge (MA): MIT press, 2020.
12. Shihui H. *The sociocultural brain*. Oxford: Oxford University press, 2017.
13. Zmigrod L., Tsakiris M. Computational and neurocognitive approaches to the political brain: key insights and future avenues for political neuroscience // *Philosophical Transactions. B*. 2021. Vol. 376. Article 20200130. DOI: 10.1098/rstb.2020.0130.

Л.В. ШИПОВАЛОВА*

Историческая эпистемология: проблемы и перспективы

В статье рассматривается историческая эпистемология как актуальное направление философской рефлексии исторических оснований научного познания. Делается акцент на идентичности исторической эпистемологии в ряду иных исторических и философских исследований науки. Рассматриваются проблемы онтологического поворота в исторической эпистемологии, проблема рефлексивности и проблема релятивизма. Утверждается, что историческая эпистемология, совершая онтологический поворот, предлагает оригинальный способ разрешения проблемы релятивизма, возникающей в контексте исторического подхода к научным основаниям. Историческая эпистемология рассматривается в статье не только как предмет философии, но и как особая стратегия исследования науки, обладающая собственными методами. Раскрываются возможности и перспективы применения этой стратегии, в частности связанные с конструктивной междисциплинарностью.

Ключевые слова: историческая эпистемология, онтология, история и философия науки, научное знание, релятивизм, рефлексивность, междисциплинарность

Историческая эпистемология — философское рассмотрение исторической укоренённости научного знания — сравнительно молодое направление исследований. Оно разделяет своё имя с исторической эпистемологией как рефлексией историками оснований своей дисциплины, и это разделение не случайно. Точкой пересечения проектов, объединённых общим именем, служит история науки как историческая дисциплина, имеющая своим предметом научные

практики и представления. Не в последнюю очередь благодаря своей новизне историческая эпистемология вызывает исследовательский интерес: мотивирует включаться в работу, применять уже сформированные установки, обсуждать возникающие проблемы. Именно этот интерес двигал участниками проекта «Историческая эпистемология: теоретические основания и исследовательские перспективы», некоторые результаты которого будут представлены в данной статье.

* **Шиповалова Лада Владимировна** — доктор философских наук, заведующая кафедрой философии науки и техники Санкт-Петербургского государственного университета, руководитель проекта «Историческая эпистемология: теоретические основания и исследовательские перспективы» (18-011-00281).
E-mail: ladaship@gmail.com

Идентификация исторической эпистемологии

В первую очередь перед нами стоял вопрос об идентификации исторической эпистемологии в ряду других философских и исторических исследований науки, а также в контексте тенденций современной философии в целом. Несмотря на то, что проект современной исторической эпистемологии реализуется по преимуществу учёными — историками науки, важно, что он избегает натурализации исследования познания и скорее наследует критикуемую позитивизмом метафизическую традицию философствования о науке.

Рассматривая идентичность исторической эпистемологии как исследовательской тенденции, мы обращались к её современной версии (работы Л. Дастон, П. Галисона, Я Хакинга, Х.И. Райнбергера, Ю. Ренна и др.), выявляя её специфику в ряду иных — французской исторической эпистемологии, отечественной истории науки, а также марксистской и постпозитивистской традиции¹. Эта специфика, на наш взгляд, состоит во-первых, в принципиальной предметно-методологической неустойчивости, не являющейся в данном случае признаком незрелости дисциплины, а выражающей её отказ от универсализма классической науки. Во-вторых, как предмет, так и исследовательские стратегии исторической эпистемологии характеризуются эмпирическим режимом производства знания, объективированного не как гомогенный порядок представления, а как динамическое множество гетерогенных практик. Такой акцент на эмпиризме не отменяет внимания исторической эпистемологии к априорным структурам познания, которые становятся принципиально историчными и рассматриваются в своём генезисе. В-третьих, историческая эпистемология проблематизирует нормативные спецификации научного знания, что задаёт начало эмпирического исторического исследования. В-четвёртых, характер обмена между философией и ис-

следующими знание эмпирическими дисциплинами оказывается принципиально не иерархическим. Более того, научное знание исследуется в его взаимосвязи с иными видами познавательных практик, т.е. сфера эпистемологии расширяется до тематики знания вообще [4, 5, с. 21–30].

Дисциплинарную идентификацию предметного поля исторической эпистемологии, традиционно включающего три основных направления — исследование научных объектов, базовых концептов и макроистории развития науки, следует дополнить микроисторией науки, реализуемой, в частности, в отечественных исследованиях, а также в истории стилей научного мышления. В целом историческая эпистемология обнаруживается как междисциплинарный проект, позволяя рассматривать события и явления из сферы истории и методологии науки в широком общекультурном контексте, выявлять общие установки, свойственные западноевропейскому мышлению в его различных практиках.

Идентичность современной исторической эпистемологии определяется не в последнюю очередь в контексте актуальных философских тенденций. В случае исследований науки к ним относятся ситуации постмодерна и постколониализма, предполагающие критику универсализма доминирующего научного нарратива (теории, подхода) и внимание к «мнению меньшинства», практический поворот и «кризис репрезентаций», акцентирующие внимание на науке как взаимодействию с реальностью, а не только как представлению, а также поворот к материальному, помещающий в фокус активность объектов, к какой научной дисциплине они бы ни относились. Эти тенденции могут быть соотнесены, хотя и не отождествлены с тем, что в отечественной эпистемологической традиции называется неклассической научной рациональностью (М.К. Мамардашвили).

Следует особо остановиться на онтологическом или на так называемом антико-

¹ О содержании проектов исторической эпистемологии в целом см.: [1–3].

перниканском повороте и его значении для современной исторической эпистемологии [6, 7]. Онтологический поворот предполагает смещение внимания от того, что и как познаётся, к тому, что существует, и, соответственно, освобождение сущего от однозначной «сцепки» со способом его данности познающему. Какой смысл онтологический поворот имеет для исторической эпистемологии? Возможность и даже необходимость такого изменения взгляда возникает с актуализацией внимания в XX в. к эпистемическим разрывам, выявляющим несовместимые друг с другом способы описания и объяснения предметной реальности науки. Именно такие разрывы и соответствующее эпистемическое многообразие представлений, актуальное для историко-научного исследования, становятся предметом заботы исторической эпистемологии. Существенной при этом оказывается возникающая проблема реализма. Если определённость того, что существует, нельзя отделить от способа данности или от представления этого существующего в той или иной науке, то что можно сказать и можно ли вообще говорить о существовании вещей, когда речь идёт о событии смены парадигм или многообразии научных представлений, с которыми наука начинает иметь дело с конца XIX в., с событий кризисов европейских наук? Эта проблема разрыва между системами знаний обращает внимание исторической эпистемологии на историческую онтологию, имеющую дело с онтологическими референтами эпистемических разрывов. Именно внимание к разрывам в развитии науки, стремление их описать и концептуализировать отличает современную историческую эпистемологию от традиции историзации науки в постпозитивизме, где «структура научных революций» определялась в качестве «недоступной» для эпистемологической экспликации.

Таким образом, историческая эпистемология представляет собой оригинальную версию защиты реализма и преодоления релятивизма в исследованиях науки. Ко-

нечно, ответ на вопрос, как реализуется это описание или объяснение научных предметов, оказывающихся «между» различными научными представлениями, различается в каждом конкретном исследовании. Можно обозначить две общие стратегии, не претендуя на полный охват реализуемых в исторической эпистемологии возможностей: замену, во-первых, инвариантности в описании объекта на признание его гибридного характера, в котором соединяются различные черты, и, во-вторых, универсализма подхода на признание значения «пролиферации» теоретических представлений, моделей предмета, а также средств эмпирической работы с ним. Нельзя сказать, что все версии современной исторической эпистемологии разделяют указанные тенденции, однако они значимы, коль скоро посредством совершения онтологического поворота историческое исследование науки избегает опасностей релятивизма, возникающих при принятии всерьёз историзации познания.

Третий существенный аспект идентификации современной исторической эпистемологии обращает к её истокам и соответственно к формированию исторической эпистемологии как отдельной дисциплины во французской академии первой половины XX в. В фокусе исследования в нашем проекте находились не только знаковые для французской исторической эпистемологии авторы (Л. Брюнsvик, Э. Мейерсон, Г. Башляр, Ж. Кангилем), но также фигуры второго порядка, способствовавшие закреплению традиции исторической эпистемологии и ранее не оказывающиеся предметом отдельного исследования в отечественной традиции. В этом контексте важным было обращение к развитию концепции исторического априори [8], а также к проекту научной философии, сформулированному А. Рейем и сформировавшему платформу для развития французской версии исторической эпистемологии, которая становится преемницей классической философии науки [9]. Обращение к историко-научным исследованиям во Франции происходило в контек-

сте общего институционального кризиса теоретической философии. При этом история науки отвечала позитивной ориентации на научные основания исследования знания, а также критическому отношению к универсализму оснований, свойственному естествознанию. Введение историчности в качестве основания научности, подчёркивание нелинейного и неформального характера развития научного познания во французской исторической эпистемологии предвосхищает «исторический поворот» во второй половине XX в. в философии науки, связанный с именами К. Поппера, Т. Куна и др. Таким образом историческая эпистемология в своём французском истоке оказывается элементом «нормального» развития философии науки, в то время как программа логического эмпиризма и формального исследования познания, исключая внимание к его исторической обусловленности, предстаёт исторической аномалией [9]. В этом контексте маргинализация исторической эпистемологии в современной традиции оказывается неоправданным сохранением ограниченных образцов эпистемологических штудий.

Проблематизация исторической эпистемологии

Ответ на вопрос «чем является современная историческая эпистемология» оказался для нас основанием выявления как специфики конкретного исторического исследования науки, так и связей между ним и иными философскими концепциями современности. Такой вопрос, будучи поставлен в контексте именно философского исследования, обращает нас к проблематизации исторической эпистемологии, к тому, почему о ней стоит думать, к значению этих размышлений не только для исследований научного знания.

В контексте задачи проблематизации следует остановиться на двух темах, не являющихся собственностью исторической эпистемологии, однако образцово раскрывающих как её поле, так и её границы. Первая связана с необходимостью реф-

лексивности для современных исследований науки. Претензия к исторической эпистемологии в том, что она не способна реализовать это требование, звучащая со стороны исследователей в области STS (Science and Technology Studies) [10], спровоцировала наше внимание к этому вопросу и позволила обнаружить, что именно благодаря рефлексивности историческая эпистемология обосновывает собственную трансформацию в проект исторической онтологии [7]. Более того, предписание необходимости быть рефлексивным заставляет присмотреться к разнообразию видов рефлексии – например, к различию мета-рефлексивности и инфрарефлексивности (Б. Латур), а также опредмечивающей и сопровождающей рефлексии (Г.Г. Гадамер). Первый элемент в этих парах характеризует практики, имеющие границы своего применения. Второй – раскрывает опыт, способный лежать в основании междисциплинарных взаимодействий, благодаря которому историческая эпистемология преодолевает крайности дескриптивизма и нормативизма в исследованиях науки, а также решает проблему органичного соединения исторической (научной) и эпистемологической (философской) работы. Трансцендентальным основанием опыта рефлексивности, раскрывающегося посредством понятий «инфрарефлексивность» и «сопровождающаяся рефлексия», оказывается способность воображения, истолкованная на основании идей «Критики способности суждения» И. Канта. Она представляет собой значимый элемент познавательной деятельности, играющий ключевую роль не только для взаимного перевода языков научной и художественной репрезентации, но и для реализации программы самой исторической эпистемологии, поскольку создаёт такие условия взаимодействия истории и философии науки, где первая освобождается от нормативного диктата второй, однако при этом работает над формированием смысла философских концептов, а не занимается исключительно описанием [11].

Одна из ключевых для исторической эпистемологии рефлексивных проблем заключается в необходимом прояснении того, каким образом различные научные функции (наблюдение, эксперимент, построение теорий и объяснительных моделей) подвергаются историзации и превращаются в объекты исторического исследования. В нашем проекте ответ на этот вопрос был сформулирован на основании анализа становления научного наблюдения в качестве объекта исторической эпистемологии. В исследовательской работе исторического эпистемолога множатся конкретные события наблюдения ставятся в соответствие абстрактной эпистемической категории, но при их описании эксплицируются исследовательские траектории, неизвестные официальной историографии науки и стандартным версиям философии науки. Например, пишется история наблюдения за объектами, располагающимися за пределами возможного визуального поля человеческого восприятия; предметом оказывается история машин наблюдения, заменяющих собой человеческого субъекта, или история репрезентаций, замещающих эмпирические объекты поля видимости (карты, замещающие территории) и становящихся новыми пространствами наблюдения [12].

Обращаясь к теме рефлексивности, можно заметить, что проблемы, обсуждаемые в качестве предмета исторической эпистемологии, могут быть истолкованы и как контекст её собственной актуализации. Именно этот контекстуальный или рефлексивный разворот оказывается, на наш взгляд, принципиальным для данного направления. Он обнаруживается и при рассмотрении второй темы и проблемы релятивизма как возможной опасности работы исторической эпистемологии. Опасность релятивизма может быть снята как онтологическим поворотом исторической эпистемологии, так и демонстрацией того, что историческое исследование науки не только и не столько выявляет разрывы в познавательных практиках, сколько устанавли-

вает связи между ними. В частности, речь идёт о ставшем уже классическим для исторической эпистемологии установлении связей между различными научными ценностями и видами такого ключевого для науки критерия, как объективность [13], а также об описанных нами связях между рациональными и иррациональными элементами научной деятельности [14], между социальными и эпистемологическими контекстами становления и легитимации научного знания [15], между различными, сменяющими друг друга в исторической перспективе научными представлениями [16]. В последнем случае историческая эпистемология соединяется с иными современными исследованиями науки, проблематизирующими радикальность демаркации между научным и не научным знанием, обосновывающими и демонстрирующими возможность переходов и пересечений между различными стилями мышления, опытами исследования, социальными практиками. Такая возможность переступания границ была для нас одним из условий работы над применением установок исторической эпистемологии, успешность которого, по мнению Г.Г. Гадамера, свидетельствует о завершённости теоретического знания.

Применение исторической эпистемологии

Традиционный подход современной исторической эпистемологии, предполагающий обращение к историческим истокам современных эпистемологических проблем в качестве способа их разрешения, был применён к такому базовому эпистемическому концепту, как истина. В контексте современных дискуссий об исторических основаниях корреспондентской теории была раскрыта общность мировоззренческого контекста, позволяющего соотнести теорию истины Фомы Аквинского не только и не столько с античными идеями Аристотеля, сколько с идеями средневекового мыслителя Исаака бен Соломона Исраэли [17]. Актуализируя значимость традиции, мы провели дополнительную проблематизацию таких ключевых

для эпистемологии понятий, как «история», «истина» и «репрезентация» на примере дискуссий вокруг одного из самых успешных телевизионных проектов XXI в. «Игра престолов». Особое внимание было уделено «перцептивной ткани» аудиовизуальной формы, позволяющей ей весьма полноценно замещать, а не просто представлять действительность для реципиента. В случае «Игры престолов» это, в частности, выразилось в случившемся неуместном «споре об историзме», в котором профессиональные историки доказывали «ошибочность» представлений сериала о Средневековье и защищали собственную территорию от странного «интервента», «натиск» которого был сформирован проблемой наблюдателя, приписывающего несуществующую историческую претензию сериалу, в сочетании с наличием множества культурных маркеров реального Средневековья в образах вымышленного сериального мира [18].

Концепт «стиль (научного) мышления», значимый в поле исторический эпистемологии, был представлен нами в своём эвристическом потенциале в двух аспектах. Во-первых, исторические различия в понятиях «числа» и «цифры» были проинтерпретированы как отражения принципиально различных стилей мышления двух эпох (античности и современности), а также различных метафизических позиций, эти стили определяющих, — представления о воплощённом в числе и соразмерном ему космическом мироустройстве, а также представления о всесторонне измеренном и выраженном в цифровых характеристиках мире современности [19]. Во-вторых, было показано, как историко-эпистемологический взгляд на феномен «болезни» в контексте различных стилей мышления позволяет трансформировать натуралистическое отношение к болезни как к естественному виду, сталкивающееся, в частности, с проблемами определения её каузальных механизмов, и понять её как феномен, обладающий онтологическим, эпистемологическим и ценностным измерением. В этом контексте историческая

эпистемология, подчёркивающая внимание к лечебной практике как основанию теории, открывает новые перспективы для медицинского знания относительно концепций болезни, здоровья и лечения [20].

Принцип междисциплинарности в исторической эпистемологии был представлен через два интерпретативных эксперимента. В первом случае идея, высказанная историком науки Л. Дагстон, согласно которой в XVII–XVIII вв. научное наблюдение стало предметом теоретического осмысления, а его широкое распространение привело к появлению того, что может быть охарактеризовано как «империя наблюдения», была соотнесена с двумя художественными изображениями: «Послы» Ганса Гольбейна Младшего и фронтиспис книги Карла Линнея *Hortus Cliffortianus*, выполненный Яном Ванделааром. Изображения были рассмотрены как образцовые представления империи наблюдения, воплощавшейся и легитимирующей себя не только в научных дискурсах, но и в художественных репрезентациях. При этом визуальные репрезентации вплетаются в эпистемические и социально-политические смысловые контексты, а эти контексты в свою очередь воплощаются в визуальных репрезентациях [21]. Во втором случае был осуществлён синтез философской реконструкции отдельных положений концепции П. Слотердайка о своего рода картографическом диспозитиве и современных исследований по истории картографии. Одно из главных положений Слотердайка заключается в том, что карта, репрезентируя пространственную сложность, не менее сложна, оказываясь гибридом интеллигибельного и эмпирического, воображаемого и реального, научного и политического. Высказывания Слотердайка о картах и глобусах как мощнейших средствах эпистемологической визуализации, а также политико-экономического контроля и упорядочивания пространства получили эмпирическое подкрепление со стороны исследований по истории картографии [22].

Последним, однако значительным, приложением может служить демонстрация

возможного влияния исторической эпистемологии посредством историзации науки на образовательные стратегии, способствующего не только приобретению актуального знания, но и формированию критического мышления в процессе образования в высшей школе. При этом антикваристская и презентистская стратегии исторических исследований, раскрываемых отечественной эпистемологией и историей науки [23], оказываются дополняющими

друг друга в конкретном случае изучения и преподавания научных законов [24].

Таким образом, историческая эпистемология, оказываясь объектом философской рефлексии и философским критическим жестом, демонстрирует возможный и актуальный путь современности, включающий как сохранение внимания к традиционным темам науки в её истории, так и истолкование их в контексте настоятельных вопросов сегодняшнего дня.

ЛИТЕРАТУРА

1. Feest U. and Sturm T. What (Good) is Historical Epistemology? Editors' Introduction // Erkenntnis. 2011. Vol. 75. № 3. Pp. 285–302.
2. Касавин И.Т. Знание и реальность в исторической эпистемологии // Эпистемология и философия науки. 2020. Т. 57. № 2. С. 6–20.
3. Шиповалова Л.В. Современная историческая эпистемология. Аналитический обзор направления исследований // Цифровой учёный: лаборатория философа. 2018. Т. 1. № 4. С. 153–167.
4. Гавриленко С.М. Историческая эпистемология: зона неопределённости и пространство теоретического воображения // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 52. № 2. С. 20–28.
5. Историческая эпистемология: проблемы и перспективы / Науч. ред. и сост. Л.В. Шиповаловой. М.: Русское общество истории и философии науки, 2020.
6. Столярова О.Е. Подразумевает ли историческая эпистемология историческую онтологию? // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2018. Т. 34. Вып. 3. С. 369–380.
7. Столярова О.Е. «Коперниканская революция» Канта как объект философской ретроспекции // Эпистемология и философия науки. 2019. Т. 56. № 4. С. 219–236.
8. Соколова Т.Д. Историческое a priori Элен Метцжер: история науки и прогресс // Философия науки и семантика / Науч. ред. и сост. Р.Э. Бараш, Е.В. Вострикова, П.С. Куслий. М.: Русское общество истории и философии науки, 2020. С. 81–87.
9. Соколова Т.Д. Историческая эпистемология во Франции: к истории формирования дисциплины // Эпистемология и философия науки. 2019. Т. 56. № 1. С. 150–168.
10. Kusch M. Reflexivity, Relativism, Microhistory: Three Desiderata for Historical Epistemologies // Erkenntnis. 2011. Vol. 75 (3). Pp. 483–489.
11. Shaposhnikova Y.V., Sipovalova L.V. Imagination in action. The case of Historical Epistemology // Epistemology and Philosophy of Science. 2019. Vol. 56. № 4. Pp. 62–67.
12. Гавриленко С.М. Как пишется история научного наблюдения // Логос. 2020. Т. 30. № 3. С. 120–134.
13. Daston L., Galison P. Objectivity. New York: Zone Books, 2010.
14. Шапошникова Ю.В. Потенциал иррационального в культуре: от алхимии к науке Нового времени // Studia Culturae. 2019. Вып. 4 (42). С. 38–49.
15. Вархотов Т.А. В поисках эпистемологии согласия: к 35-летию «Левиафана и воздушного насоса» // Логос. Т. 30. № 3. С. 178–201.
16. Shaposhnikova Y.V., Sipovalova L.V. The Demarcation Problem in the History of Science, Or What Historical Epistemology Has to Say about Cultural Identification // Epistemology and Philosophy of Science. 2018. Vol. 55. № 1. Pp. 52–66.

17. Shaposhnikova Y.V. Isaac ben Solomon Israeli and his role in the formation of the correspondence theory of truth // *Judaica Petropolitana*. 2017. № 8. Pp. 207–215.
18. Вархотов Т.А. «Игра престолов»: анатомия и судьба идеального телесериала // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2019. Т. 22. № 4. С. 60–91.
19. Шапошникова Ю.В. Число в античности, цифра в современности // *Философская аналитика цифровой эпохи: Сборник научных статей* / Отв. ред. Л.В. Шиповалова, С.И. Дудник. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2020. С. 72–84.
20. Столярова О.Е. Историческая эпистемология и медицина: Что они могут дать друг другу? // *The Digital Scholar: лаборатория философа*. 2020. Т. 3. № 3. С. 83–100.
21. Гавриленко С.М. Ганс Гольбейн Младший, Ян Ванделаар и империя наблюдения // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2018. Т. 18. № 24. С. 84–102.
22. Гавриленко С.М. Картографический диспозитив (несколько замечаний о «глобусах» Питера Слотердайка) // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2020. Т. 2. № 24. С. 131–150.
23. Кузнецова Н.И. Презентизм и антикваризм – две картины прошлого // *Arbor Mundi*. 2009. Вып. 15. С. 164–196.
24. Шиповалова Л.В. Размышления о преподавании и изучении научных законов // *Высшее образование в России*. 2019. Т. 28. № 11. С. 86–97.

Historical Epistemology: Problems and Prospects

Lada Vladimirovna Shipovalova – Doctor of Philosophical Sciences, Head of the Department of Philosophy of Science and Technology, St. Petersburg State University, Head of the project “Historical epistemology: theoretical foundations and research prospects” (18-011-00281).
E-mail: ladaship@gmail.com

The paper considers historical epistemology as a relevant direction of philosophical reflection on the historical foundations of scientific cognition. The researcher emphasizes the identity of historical epistemology in a number of other historical and philosophical studies of science, explores the matters of ontological turn in historical epistemology, reflexivity and relativism. The paper demonstrates that historical epistemology, making an ontological turn, offers an original way to solve the problem of relativism regarding science, which arises in the context of a historical approach to scientific foundations. The research considers the historical epistemology not only as a subject of philosophical research, but also as a special strategy for the study of science, which has its own methods. The possibilities and prospects of this strategy use, in particular, related to the constructive interdisciplinarity are also in the focus of this research.

Keywords: historical epistemology, ontology, history and philosophy of science, scientific knowledge, relativism, reflectivity, interdisciplinarily

REFERENCES

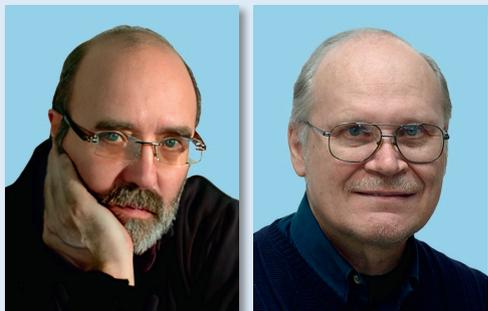
1. Feest U. and Sturm T. What (Good) is Historical Epistemology? Editors' Introduction // *Erkenntnis*. 2011. Vol. 75. № 3. Pp. 285–302.
2. Kasavin I.T. Znanie i real'nost' v istoricheskoi epistemologii // *Epistemologiya i filosofiya nauki*. 2020. Т. 57. № 2. S. 6–20 (in Russian).

3. Shipovalova L.V. Sovremennaya istoricheskaya epistemologiya. Analiticheskii obzor napravleniya issledovaniy // Tsifrovoy uchyonyi: laboratoriya filosa. 2018. T. 1. № 4. S. 153–167 (in Russian).
4. Gavrilenko S.M. Istoricheskaya epistemologiya: zona neopredelyonnosti i prostranstvo teoreticheskogo voobrazheniya // Epistemologiya i filosofiya nauki. 2017. T. 52. № 2. S. 20–28 (in Russian).
5. Istoricheskaya epistemologiya: problemy i perspektivy / Nauch. red. i sost. L.V. Shipovalovoi. M.: Russkoe obshchestvo istorii i filosofii nauki, 2020 (in Russian).
6. Stolyarova O.E. Podrazumevaet li istoricheskaya epistemologiya istoricheskuyu ontologiyu? // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya. 2018. T. 34. Vyp. 3. S. 369–380 (in Russian).
7. Stolyarova O.E. «Kopernikanskaya revolyutsiya» Kanta kak ob"ekt filosofskoi retrospektii // Epistemologiya i filosofiya nauki. 2019. T. 56. № 4. S. 219–236 (in Russian).
8. Sokolova T.D. Istoricheskoe a priori Elen Mettszher: istoriya nauki i progress // Filosofiya nauki i semantika / Nauch. red. i sost. R.E. Barash, E.V. Vostrikova, P.S. Kuslii. M.: Russkoe obshchestvo istorii i filosofii nauki, 2020. S. 81–87 (in Russian).
9. Sokolova T.D. Istoricheskaya epistemologiya vo Frantsii: k istorii formirovaniya distsipliny // Epistemologiya i filosofiya nauki. 2019. T. 56. № 1. S. 150–168 (in Russian).
10. Kusch M. Reflexivity, Relativism, Microhistory: Three Desiderata for Historical Epistemologies // Erkenntnis. 2011. Vol. 75 (3). Pp. 483–489.
11. Shaposhnikova Y.V., Shipovalova L.V. Imagination in action. The case of Historical Epistemology // Epistemology and Philosophy of Science. 2019. Vol. 56. № 4. Pp. 62–67.
12. Gavrilenko S.M. Kak pishetsya istoriya nauchnogo nablyudeniya // Logos. 2020. T. 30. № 3. S. 120–134 (in Russian).
13. Daston L., Galison P. Objectivity. New York: Zone Books, 2010.
14. Shaposhnikova Yu.V. Potentsial irratsional'nogo v kul'ture: ot alkhimii k nauke Novogo vremeni // Studia Culturae. 2019. Vyp. 4 (42). S. 38–49 (in Russian).
15. Varkhotov T.A. V poiskakh epistemologii soglasiya: k 35-letiyu «Leviafana i vozdušnogo nasosa» // Logos. T. 30. № 3. S. 178–201 (in Russian).
16. Shaposhnikova Y.V., Shipovalova L.V. The Demarcation Problem in the History of Science, Or What Historical Epistemology Has to Say about Cultural Identification // Epistemology and Philosophy of Science. 2018. Vol. 55. № 1. Pp. 52–66.
17. Shaposhnikova Y.V. Isaac ben Solomon Israeli and his role in the formation of the correspondence theory of truth // Judaica Petropolitana. 2017. № 8. Pp. 207–215.
18. Varkhotov T.A. «Igra prestolov»: anatomiya i sud'ba ideal'nogo teleseriala // ПРАΞΗΜΑ. Problemy vizual'noi semiotiki. 2019. T. 22. № 4. S. 60–91 (in Russian).
19. Shaposhnikova Yu.V. Chislo v antichnosti, tsifra v sovremennosti // Filosofskaya analitika tsifrovoy epokhi: Sbornik nauchnykh statei / Otv. red. L.V. Shipovalova, S.I. Dudnik. SPb.: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2020. S. 72–84 (in Russian).
20. Stolyarova O.E. Istoricheskaya epistemologiya i meditsina: Chto oni mogut dat' drug drugu? // The Digital Scholar: laboratoriya filosa. 2020. T. 3. № 3. S. 83–100 (in Russian).
21. Gavrilenko S.M. Gans Gol'bein Mladshii, Yan Vandelaar i imperiya nablyudeniya // ПРАΞΗΜΑ. Problemy vizual'noi semiotiki. 2018. T. 18. № 24. S. 84–102 (in Russian).
22. Gavrilenko S.M. Kartograficheskiy dispozitiv (neskol'ko zamechaniy o «globusakh» Pitera Sloterdajka) // ПРАΞΗΜΑ. Problemy vizual'noi semiotiki. 2020. T. 2. № 24. S. 131–150 (in Russian).
23. Kuznetsova N.I. Prezentizm i antikvarizm – dve kartiny proshlogo // Arbor Mundi. 2009. Vyp. 15. S. 164–196 (in Russian).
24. Shipovalova L.V. Razmyshleniya o prepodavanii i izuchenii nauchnykh zakonov // Vyshee obrazovanie v Rossii. 2019. T. 28. № 11. S. 86–97 (in Russian).

Индекс УДК 902

Код ГРНТИ 03.23.55

DOI: 10.22204/2587-8956-2022-110-03-75-86

**С.А. КРАСИЛЬНИКОВ,
Е.Г. ВОДИЧЕВ***

Три волны научной мобилизации на Востоке России (1930-е – начало 1950-х годов)

Исследовался феномен формирования и последующей трансформации социального института науки и корпоративной общности научной интеллигенции в региональной проекции применительно к восточным регионам России в сталинскую эпоху. Важнейшим принципом проведённого исследования выступала адаптация к целям историко-научного анализа базового понятия социальной мобилизации. Этот концепт включает такие системообразующие элементы, как доктринальные императивы, государственные приоритеты, кампанейский характер, централизованный и административно-распределительный механизмы ресурсного обеспечения научных исследований, контроль над научными коллективами и группами учёных, комбинирующий методы поощрения и предпочтений с технологиями обязательств и принуждения в отношении научных кадров.

Установлено, что сталинская эпоха характеризовалась двумя разнонаправленными тенденциями, повлиявшими на трансформацию отечественного социального института науки. Первая из них отражала возможности саморазвития науки как системы знаний. Вторая выступала как производная от потребностей и приоритетов институтов власти при решении задачи научно-технического обеспечения стратегически значимых проектов. В 1930-е гг. сформировался и был закреплён механизм согласования внутри-научных и государственных интересов и потребностей, основу которого составляло встраивание и освоение мобилизационных практик в научную деятельность (формирование и закрепление иерархизации, директивности, норм и практик конфликтной консолидации, механизмов мотивации научного труда и др.).

Ключевые слова: социальный институт науки, научная интеллигенция, феномен мобилизации, восточные регионы России, сталинская эпоха, внутринаучная корпоративная адаптация

* **Красильников Сергей Александрович** — доктор исторических наук, профессор Новосибирского государственного университета, ведущий научный сотрудник Института истории СО РАН, руководитель проекта «Наука и учёные в восточных регионах России в мобилизационной парадигме (1930-е – начало 1950-х гг.)» (18-011-00170а).

E-mail: krass49@gmail.com

Водичев Евгений Григорьевич — доктор исторических наук, профессор Новосибирского государственного технического университета, Национального исследовательского Томского государственного университета, исполнитель того же проекта.

E-mail: vodichev@mail.ru

Динамика научного освоения восточных регионов

Формирование и развитие научного (научно-образовательно-технического) потенциала страны в советскую эпоху применительно к восточным регионам России связывались с геополитическими целями и потребностями укрепления технико-экономической и оборонной самостоятельности и независимости государства. Очевидно наличие трёх волн форсированного курса на ускоренное развитие производительных сил азиатской части России, связанных с наращиванием индустриально-транспортного потенциала и требовавших научного подкрепления (формирование в годы первых пятилеток второй Урало-Кузбасской промышленной базы, укрепление последней в условиях Великой Отечественной войны и последующее развитие экономического потенциала восточных регионов страны в послевоенные десятилетия для обеспечения геостратегических интересов).

В какой мере и какими путями достигалось научное обеспечение отмеченных государственных приоритетов, соответствовало ли оно своему предназначению, учитывались ли интересы и ценности самих учёных, участвовавших в реализации программ развития Сибири в сталинское время? Для этого потребуется краткая ретроспекция с отражением некоторых базовых характеристик динамики научного потенциала данного макрорегиона на входе в сталинскую эпоху и на выходе из неё.

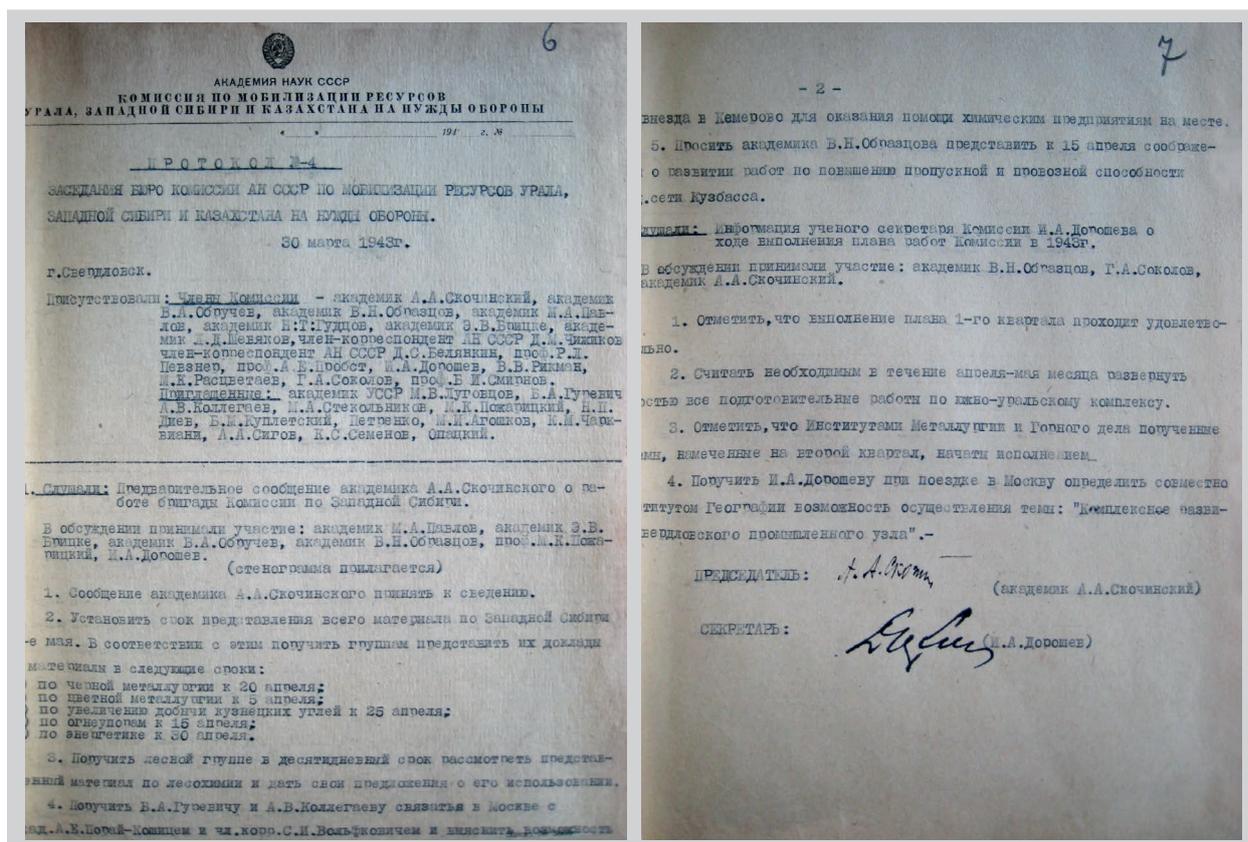
Локализованный в восточных регионах научный потенциал, представленный в конце 1920-х гг. преимущественно его образовательным сегментом (квалифицированные кадры высшей школы насчитывали около 1 тыс. чел.), в последующее десятилетие институционально прирастал отраслевой составляющей (ведомственными НИУ). Академические учреждения Центра, хотя и получили едва заметные «точки роста» на Урале и Дальнем Востоке, тем не менее, активно участвовали

своей экспедиционной и экспертной деятельностью в сопровождении государственных программ развития регионов. В итоге в канун Великой Отечественной войны научный потенциал Зауралья имел сформированную для дальнейшего развития основу (в вузах и отраслевых НИУ научную деятельность осуществляли около 3 тыс. чел.) [1, с. 443] (ил. 1).

Война не только выступила мощным мобилизующим научный потенциал фактором, но и определила на несколько десятилетий вперёд пространственную конфигурацию науки в сторону её деконцентрации по аналогии с созданием дублирующих производств на востоке страны. Экстремальные условия военного времени выдвинули в разряд приоритетов координацию деятельности всех трёх секторов науки в решении проблем регионального развития. Академическая наука получила возможность закрепления здесь своих позиций, что выразилось в работе Комиссии АН СССР по мобилизации природных ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана на нужды обороны, а также в создании и развёртывании с конца 1943 – начала 1944 г. в Новосибирске Западно-Сибирского филиала Академии [1, с. 444] (ил. 2).

Особенно быстрорастущим субрегионом с точки зрения наращивания сети и кадров отраслевых НИУ и вузов стала Западная Сибирь, где за годы войны количество ведомственных учреждений всех типов возросло с 43 до 51, а вузов – с 26 до 31. Значительный приток эвакуированных в 1941–1942 гг. научных и учебных учреждений (с их последующей реэвакуацией в 1943–1944 гг.) повлиял на количественный и качественный состав учёных и преподавателей региона. Работа в Сибири значительной группы высококвалифицированных учёных существенно укрепила позиции и значимость дислоцированных здесь научно-образовательных и научно-технических учреждений в послевоенные годы [2, с. 53–56].

Послевоенное десятилетие не внесло принципиальных изменений в динамику

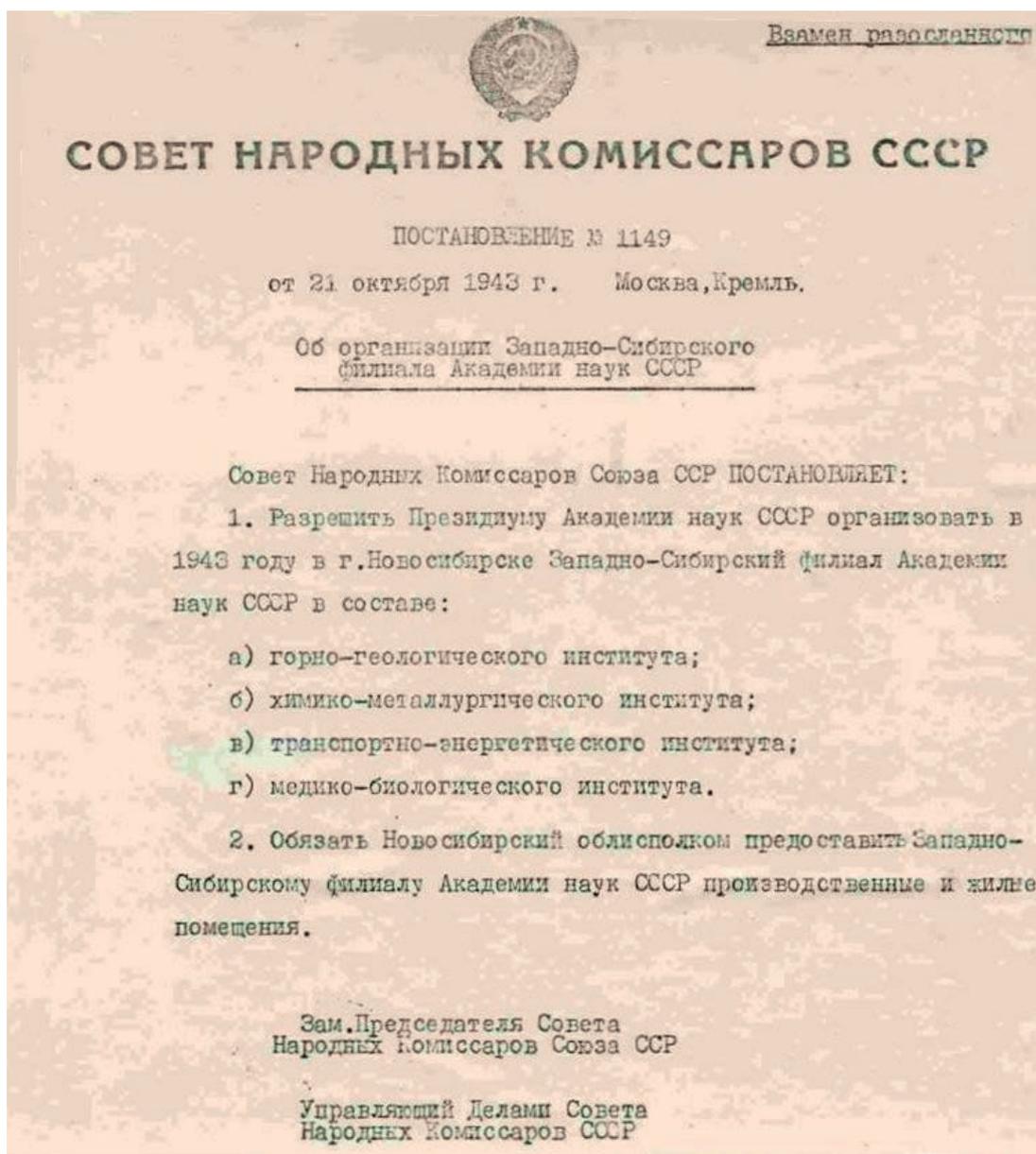
Ил. 1. Протокол заседания Комиссии по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана на нужды обороны. 30 марта 1943 г.
Источник: Архив РАН (АРАН). Ф. 666. Оп. 1. Д. 49. Л. 6-7

и конфигурацию регионального научного потенциала на востоке страны, однако всё более усиливался технологический разрыв между военизированными отраслями экономики (вторая линия советского оборонного комплекса) и её гражданскими секторами, которые оказались в различных условиях научно-технического сопровождения. К середине 1950-х гг. пропорции в размещении научного потенциала страны по-прежнему не коррелировали с территориальной структурой основных отраслей промышленности. Доля НИУ, расположенных в восточном макрорегионе, не превышала 12% от общероссийской сети. В Сибири трудились чуть более 9 тыс. научных и научно-педагогических работников, или около 5,5% кадрового потенциала отраслевого, вузовского и академического секторов науки РСФСР. Система научного обеспечения социально-экономического развития регионов но-

вого хозяйственного освоения оставалась недостаточно мощной и эффективной [1, с. 444] (ил. 3).

Теория и практика мобилизационных решений

Реализованный группой новосибирских историков проект предусматривал анализ процессов и событий в указанной предметной области в контексте воздействия на них мобилизационной политики и практики на основе парадигмы, активно развиваемой в последнее десятилетие отечественными социальными и гуманитарными дисциплинами. Исследование проблематики мобилизационной модели развития науки в 1930-е – начале 1950-х гг. осуществлялось участниками проекта в следующих направлениях, отражавших его цели и задачи: дальнейшее концептуальное осмысление феномена мобилизованности как неотъемлемого фактора большого со-

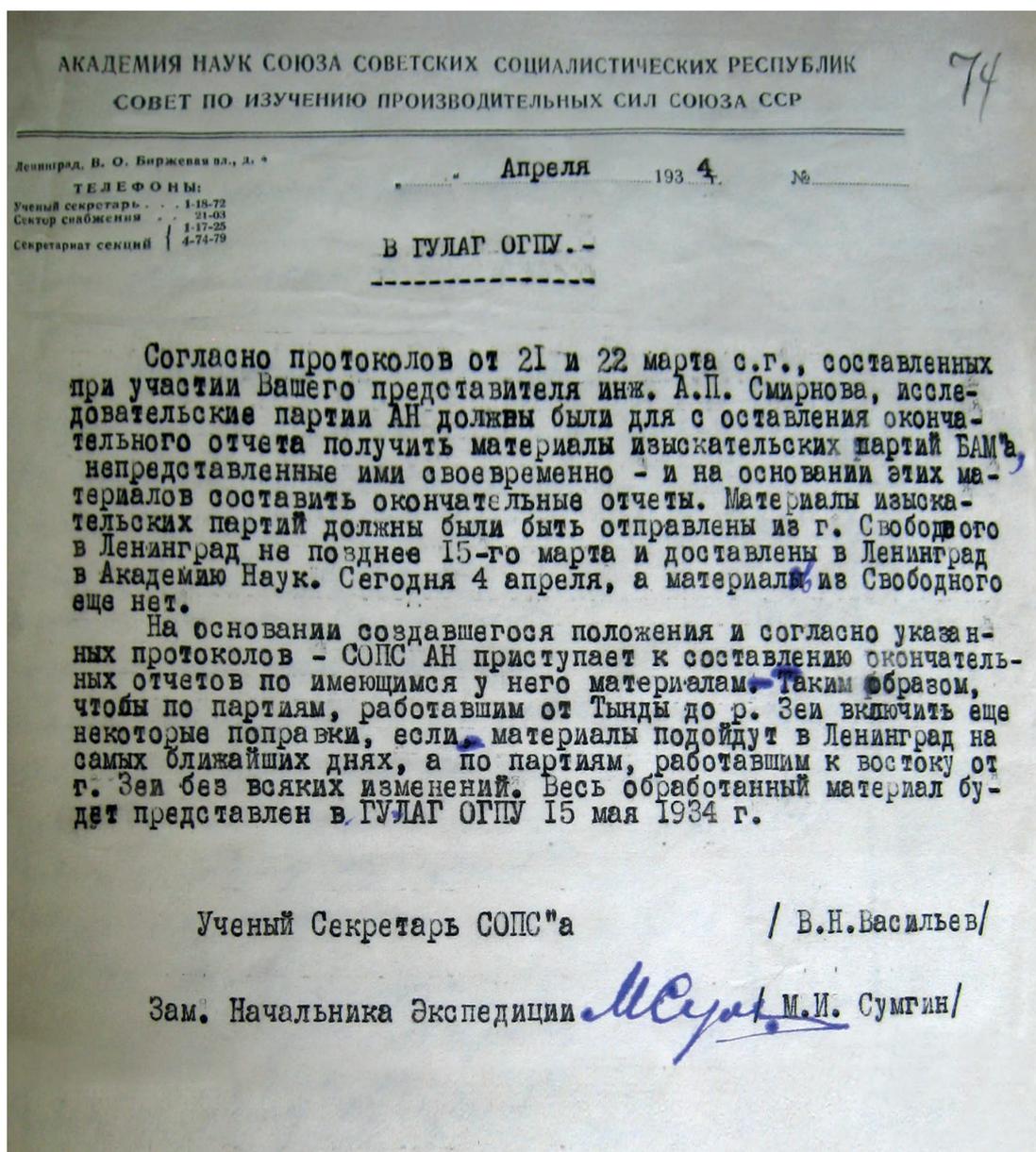

Ил. 2. Постановление СНК СССР от 21 октября 1943 г. об организации ЗСФ АН СССР.
Источник: Научный архив СО АН СССР (НАСО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 2. Л. 1а

циального действия, каким выступал «советский проект»; использование модели взаимодействий «центр–периферия» для социально-исторических исследований советской эпохи; анализ границ и возможностей взаимосвязей трёх базовых секторов науки (академический, отраслевой, вузовский) в решении задач как внутринаучного, так и государственного назначения; расширение документальной базы о характере и тенденциях государственного контроля и управления процессами в научно-технической и об-

разовательной сферах восточного макро-региона России.

Маркером мобилизации служит экстраординарность, или выход действия за границы нормального (нормативного) состояния, требующего как для субъектов, так и объектов мобилизационных процессов дополнительных усилий, ресурсов и напряжения. На теоретическом уровне мы рассматривали проблемы адаптации моделей социальной мобилизации, разработанные в социологии, к целям и задачам исторических исследований. Предложен подход,

Ил. 3. Письмо СОПСа АН СССР в ГУЛАГ о сроках представления результатов экспедиций трассы БАМ. 4 апреля 1934 г. Источник: АРАН. Ф. 268. Оп. 3. Д. 56. Л. 74

позволяющий считать социальную мобилизацию важнейшей характеристикой большевистского режима наряду с идеократией и охранительностью; намечен приоритетный круг вопросов для исследования структурно-функциональных и деятельностных аспектов мобилизационного феномена [3, с. 38–45]. Важнейшим принципом проведенного исследования выступала адаптация к целям историко-научного анализа базового понятия «социальная мобилизация», включающего такие системообразующие элементы, как доктринальные

императивы, государственные приоритеты, кампанейский характер, централизованный и административно-распределительный механизм ресурсного обеспечения научных исследований, разнообразный контроль над научными коллективами и группами учёных, комбинирующий методы поощрения и преференций с технологиями обязательности и принуждения в отношении научных кадров [4, с. 551].

Наука становится частью, элементом государственной системы, управляемым мобилизационным ресурсом, получая в об-

мен на это необходимые для своего развития средства. Адаптация к сталинской системе имела обратной стороной превращение научного сообщества в иерархическое корпоративное сословие с жёсткими механизмами внешнего и внутреннего контроля [5, с. 74–78].

Исследование состояния и развития двух структурных компонентов региональной системы научно-образовательного потенциала в послевоенные годы, которым, в отличие от академической науки, ранее не уделялось должного внимания в историографии – отраслевой науки и высшей школы – позволило представить дискуссионное видение истоков дихотомии институтов науки и высшего образования, сформировавшейся в советском обществе под влиянием мобилизационной парадигмы. Выявлены доктринальные факторы и особенности генезиса и эволюции институционализированной деятельности по производству, хранению и передаче научного знания, в результате которых роль учреждений высшей школы в советской системе научного производства оказалась сведённой к минимуму. В СССР это определило отход от классической университетской модели, в равной степени объединяющей функции генерации, трансляции и хранения научного знания. Основными причинами отклонений стал инструментальный и утилитарный подход к науке и высшему профессиональному образованию, технологизация, индоктринация и сегментация науки и образования, определившие ключевые «точки отсчёта» и границы научно-технической и научно-образовательной деятельности [6, с. 58–78].

На основе данного подхода проведено конкретно-историческое исследование места высшей школы как части научного потенциала восточных регионов во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. Анализ отраслевой и территориальной структуры вузов позволил установить рассогласование между потенциалом региональных вузов и приоритетами текущей и перспективной экономической

политики на востоке страны. Вопреки требованиям экономических и технологических императивов в рассматриваемый период высшая школа в восточных регионах развивалась по инерционному довоенному сценарию, базировавшемуся на мобилизационной парадигме. Это ставило под сомнение её возможности адекватно отвечать на вызовы времени как в аспекте научных исследований, так и в плане качества и масштабов подготовки кадров для перспективного развития экономики [7, с. 92–104] (ил. 4, 5).

В другом авторском исследовании характеризуется ситуация в «гражданском» сегменте отраслевой науки в восточных регионах в условиях сохранявшейся в послевоенные годы «мобилизационной» парадигмы развития. Анализ проведён на фоне экономических и технологических «вызовов» послевоенного времени и их отражения в советской научно-технической «протополитике». Особое внимание уделено характеристике сети научных учреждений в отраслевом и территориальном разрезе. Сделан вывод о принципиальном несоответствии потенциала «гражданской» отраслевой науки масштабу стоящих перед научно-техническим комплексом страны и региона задач [8, с. 139–147].

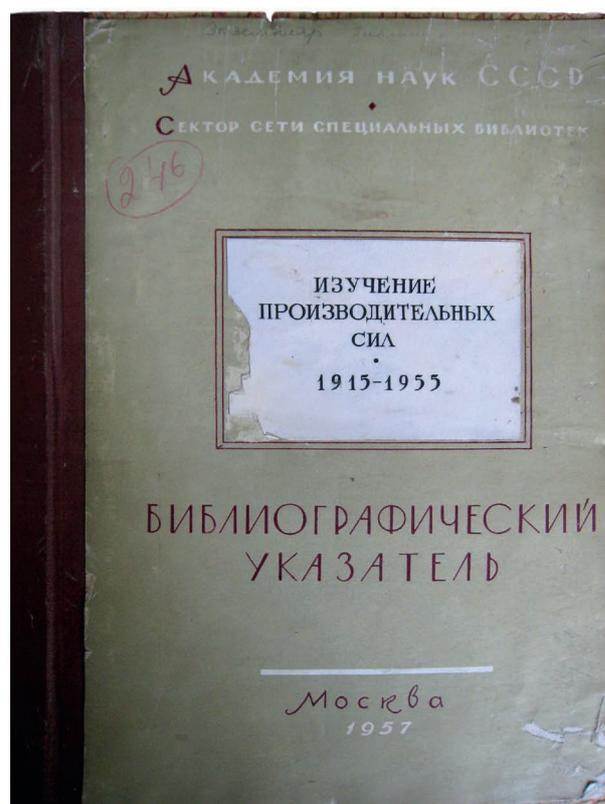
При определении форм и глубины воздействия мобилизационных технологий на структурно-функциональные характеристики социального института науки удалось выделить три плоскости советской науки с точки зрения центр-периферийных взаимодействий: 1) географическая плоскость (научные учреждения на территории страны с их отраслевой специализацией); 2) научная плоскость (профиль научных исследований), куда активно вмешивались идеология и политика; 3) глобальная научная плоскость (статус центров советской науки в мировой науке). Мобилизационные методы в преломлении к научной сфере (при принятии директивных решений использовались стандартные для других сфер управленческие технологии; при разра-

ботке «карты» советской науки доминировали узко-прагматические представления партийных лидеров; концентрация научного потенциала для выполнения приоритетных государственных программ) к началу 1950-х гг. обеспечили «очаговое», но не «фронтальное» развитие ряда отраслей советской науки в восточных территориях страны [9, с. 407–415].

Важным институциональным аспектом анализа центр-периферийного взаимодействия в проекте стало изучение созданного в 1930 г. в структуре Академии наук Совета по изучению производительных сил (СОПС). Опыт его деятельности рассмотрен как один из знаковых образцов модели адаптационного реагирования науки на государственные императивы. В соответствии с производственно-ориентированной политикой руководства страны СОПС выступал прямым мобилизационным инструментом научного сопровождения масштабных промышленных проектов освоения восточных регионов. В динамике его деятельности на востоке страны прослежены те же три мобилизационные волны: в первое десятилетие (1930–1940 гг.) число экспедиционных отрядов Академии, работавших в Сибири, составляло 22,5% от общего их числа в масштабах страны, в годы войны экспедиции практически полностью работали в тыловых районах, в 1947–1956 гг. доля восточных отрядов сохранилась на высоком уровне (55%) [10, с. 32–43].

Адаптационные и дезадаптационные механизмы

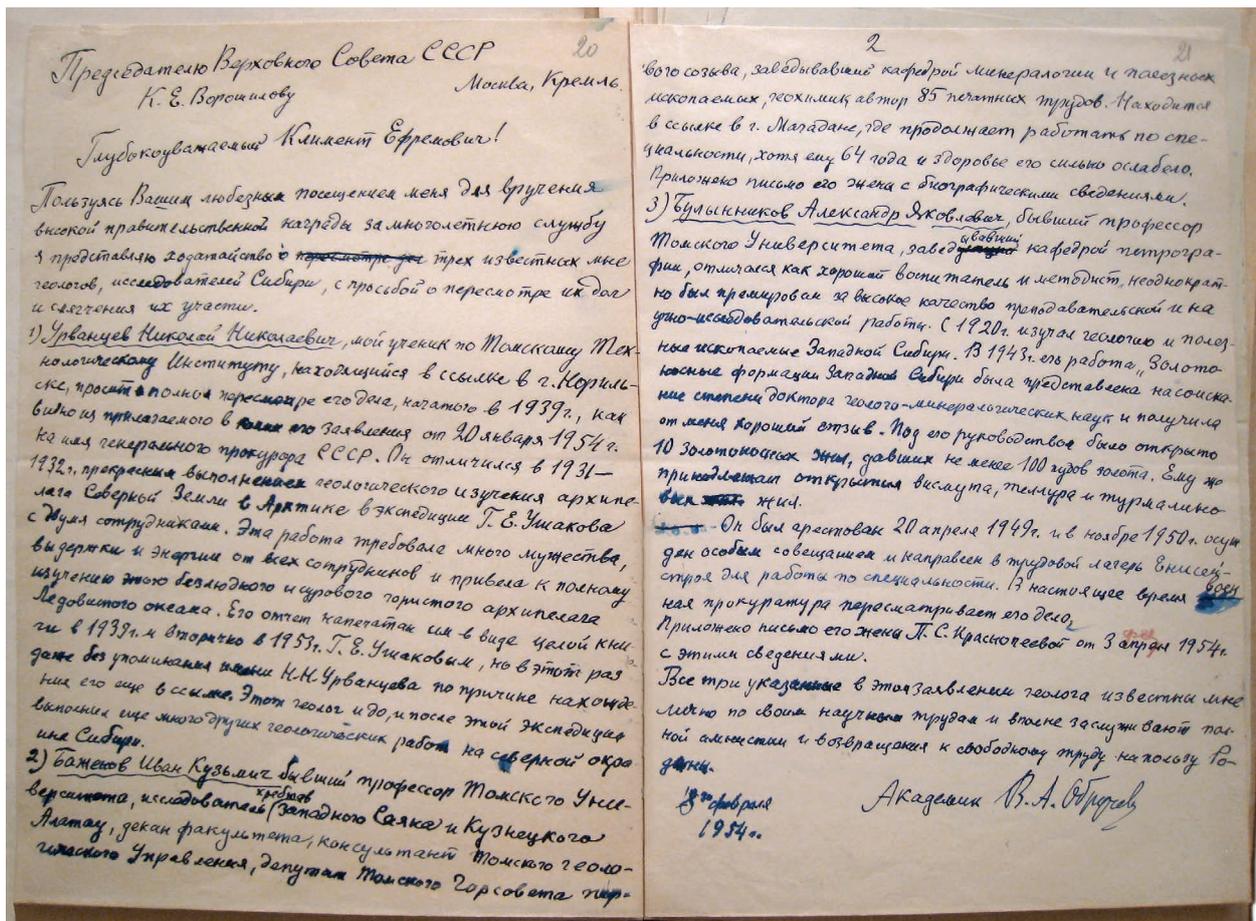
Другим приоритетным направлением в рамках проекта выступали исследования процессов внутринаучной адаптации к базовым директивно-мобилизационным механизмам сталинской эпохи. Помимо ординарной практики мотиваций научного труда (денежное и материальное вознаграждение) широко использовались приёмы поощрительности социальной активности (преференции, награды, карьерное продвижение в обмен за поддержку политики власти). В противовес этому развивались санк-

Ил. 4. Библиографический указатель публикаций о деятельности СОПС АН СССР в 1915–1955 гг. Титул. М., 1957

ционные механизмы дискриминационно-охранительного характера, действовавшие как персонально, так и применительно к отдельным целевым категориям научного общества, сформировавшие крайнюю, экстремальную форму принудительной реализации труда научно-технических кадров в виде так называемых шарашек.

Исследованы меры материально-бытового поощрения учёных, практиковавшиеся правительственной Комиссией содействия учёным (КСУ) при Совнаркомом СССР, созданной в 1931 г. для обслуживания научной элиты страны с целью проведения целенаправленной политики по ранжированию контингента учёных путём выделения категорий по признаку нужности для достижения задач, поставленных государством, с одной стороны, и степени идеологической приемлемости (лояльности социального поведения) — с другой. До 1937 г. она обслуживала от 1500 до 2000 чел. [11, с. 407–421].

Ил. 5. Ходатайство акад. В.А. Обручева К.Е. Ворошилову о пересмотре дел репрессированных геологов.
8 февраля 1954 г. Источник: АРАН. Ф. 642. Оп. 3. Д. 265. Л. 20–21

В зависимости от категории обслужи-
вания учёный получал больший или мень-
ший набор служебных и материально-
бытовых благ: продуктивное и товарное
обеспечение, предоставление жилища
и улучшение жилищных условий, меди-
цинское и санитарно-курортное обеспе-
чение, устройство корпоративного досуга,
получение иностранной научной литера-
туры, командировки по СССР и за грани-
цу, попадание в официальные пропаган-
дистские списки научных достижений.
Комиссия содействия учёным явилась эф-
фективным инструментом управления
советским научным сообществом со сто-
роны тоталитарного государства, решая
в 1930-е гг. задачу «покупки» лояльности
и преданного служения верхушки науч-
ной интеллигенции коммунистической
власти в обмен на льготы, привилегии
и преференции [12, с. 433–443].

В ходе реализации проекта изучена дру-
гая категория мер воздействия тоталитар-
ного государства на научную интеллиген-
цию — дискриминационные и репрессив-
ные меры. Применительно к кадровому
потенциалу учёных восточных регионов
рассмотрены технологии двух репрессив-
ных кампаний 1930-х гг. В первой из них
целевой группой для арестов и лишения
свободы выступали так называемые спецы-
вредители, обвинённые в 1933 г. по сфаль-
сифицированным основаниям в «контрре-
волюционной» деятельности в экономике
западносибирского региона [13, с. 143–149].

Другой целевой группой, практически
целиком уничтоженной в период «Большо-
го Террора», выступила когорта про-
фессиональных историков старшего поко-
ления, имевших за плечами опыт дорево-
люционной историографической школы,
активно работавших с 1920-х гг. в вузах

Ил. 6. Академики А.А. Скочинский, В.А. Обручев, Л.Д. Шевяков (слева направо). 1954 г.
Источник: АРАН. Ф. 1501. Оп. 2. Д. 154. Л. 1

и учреждениях Сибири и на Дальнем Востоке. Исследование, проведённое на основе архивно-следственных дел историков, позволило вывить типичные черты технологии фальсификации их «состава преступления» [14, с. 149–158].

Сталинская эпоха позволяет переосмыслить процессы преемственности и разрывов в ходе трансформации научного сообщества. Традиция преемственности нашла своё выражение в феномене защитной деятельности в форме индивидуального

и коллективного заступничества видных деятелей науки за репрессированных путём обращений в высшие органы. Одним из них был академик В.А. Обручев (ил. 6), ходатайствовавший о пересмотре дел томских геологов, арестованных по так называемому Красноярскому делу 1949 г. Переписка академика позволяет реконструировать важные стороны феномена заступничества (мотивация, аргументы, язык, успешность и др.) как проявления корпоративной научной солидарности [15, с. 27–34], (ил. 5).

Научная мобилизация как ресурс власти

Проведённый цикл исследований позволяет на новом концептуальном уровне оценить роль и значение мобилизационных факторов и технологий в научном обеспечении проектов освоения восточных районов России. Феномен мобилизованности в науке, рассматриваемый как сочетание и взаимодействие двух базовых оснований – вертикальной государственной мобилизации и внутринаучной, корпоративной адаптации к ним, сформировался в предвоенный период, был закреплён в военную эпоху и воспроизводился в послевоенное десятилетие. Внеаучные факторы безусловно доминировали над внутринаучными, поскольку последние институционально и корпоративно требовали постоянной адаптации к политическим, социально-

экономическим и культурным императивам и приоритетам власти в инструментальном применении научного потенциала. В то же время различные модели и варианты децентрации академического, отраслевого и вузовского секторов науки, предпринимавшиеся в сталинскую эпоху и проецированные на восточные регионы, оказывались удавшимися и результативными в ограниченном ряде случаев, связанных прежде всего с созданием ряда закрытых исследовательских центров в структуре ВПК. Устойчивость же всему научному потенциалу обеспечивала здесь вузовская система. Её сеть, кадровый компонент и разные виды ресурсов, вступая в различные комбинации со структурными элементами других секторов науки, в значительной мере являлись гарантами преемственности научного освоения востока страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Водичев Е.Г., Красильников С.А. Наука на востоке России // Историческая энциклопедия Сибири. Т. 2. Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2009. С. 441–449.
2. Осташко Т.Н. Наука и учёные Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск: Новосибирский гос. ун-т, 2002.
3. Красильников С.А. Раннесоветский опыт социальной мобилизации: история для теории // Уральский исторический вестник. 2018. № 4 (61). С. 38–45.
4. Красильников С.А. Наука и учёные в мобилизационной парадигме 1930-х гг. Социальная мобилизация в сталинском обществе (конец 1920-х – 1930-е гг.). М.: Политическая энциклопедия, 2018. С. 551–582.
5. Красильников С.А. Наука и учёные как мобилизационный ресурс сталинской системы. Исторические вызовы и экономическое развитие России. Екатеринбург: Альфа Принт, 2019. С. 74–78.
6. Водичев Е.Г. Наука и высшая школа: дихотомия мобилизационной парадигмы // Идеи и идеалы. 2019. Т. 11. № 3. Ч. 1. С. 58–78.
7. Водичев Е.Г. На периферии науки: вузы на востоке СССР в период «позднего сталинизма» // Исторический курьер. 2020. № 1 (9). С. 92–104. URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-1-08.pdf>.
8. Водичев Е.Г. В технологическом тупике: отраслевая наука на востоке СССР во второй половине 1940-х гг. // Вестник Томского гос. ун-та. 2018. № 436. С. 139–147.
9. Узбекова Ю.И. Советская наука и государство в 1930–50-х гг. в разрезе отношений «центра» и «периферии» // Аллея науки. 2018. Т. 5. № 10. С. 407–415. URL: https://alley-science.ru/sovremennaya_nauka_i_ee_razvitiye__10_26___2018.
10. Узбекова Ю.И. Совет по изучению производительных сил в системе «мобилизованной науки» (1930-е – начало 1950-х гг.) // Genesis: исторические исследования. 2019. № 12. С. 32–43. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=31660.

11. Посадсков А.Л. Комиссия содействия учёным при Совнаркомом СССР как инструмент управления советским научным сообществом в 1931–1937 годах // Научный диалог. 2019. № 9. С. 407–421.
12. Посадсков А.Л. Советская научная элита 1930-х годов под патронатом Комиссии содействия учёным при Совнаркомом СССР: быт, охрана здоровья, международные книжные связи (1934–1937) // Там же. № 11. С. 433–443.
13. Красильников С.А. Чекисты против научной интеллигенции (по материалам «дела о Западносибирском Белогвардейском заговоре» 1933 г.) // Архивная служба: путь длиною в век. Традиции сохранения документального исторического наследия. Новосибирск, 2018. С. 143–149.
14. Посадсков А.Л. «Большой террор» 1937–1938 гг. в судьбах сибирских историков. // Там же. С. 149–158.
15. Красильников С.А. Право на заступничество: из переписки В.А. Обручева об арестованных геологах Сибири (1949–1954) // Вестник Томского гос. ун-та. История. 2020. № 65. С. 27–34.

Three Waves of Scientific Mobilization in the East of Russia (1930s – Early 1950s)

Sergey Aleksandrovich Krasilnikov – Doctor of History, professor of the Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia), supervisor of the project “Science and Scientists in the Eastern Regions of Russia in the Mobilization Paradigm (1930s – early 1950s)” (№ 18-011-00170a).

E-mail: krass49@gmail.com

Evgeny Grigorievich Vodichev – Doctor of History, professor of the Novosibirsk State Technical University, National Research Tomsk State University (Novosibirsk, Tomsk Russia), researcher in mentioned project.

E-mail: vodichev@mail.ru

The research focuses on the phenomenon of formation and subsequent transformation of the social institution of science and the corporate unity of academia in the regional aspect in relation to the eastern regions of Russia during Stalin's era. The most important principle of the study was the adaptation to the goals of the historic and scientific analysis of the basic concept of social mobilization, which includes such backbone elements as doctrinal imperatives, state priorities, campaign nature, centralized and administrative-distributive mechanism of resource allocation for scientific research, control over scientific teams and groups of scholars that combined incentives and preferences with obligation and compulsion.

It has been established that Stalin's era featured two divergent trends that influenced the transformation of the domestic social institution of science: the first resulted in the possibilities of self-development of science as a system of knowledge, and the second acted as a derivative of priorities and needs of government institutions for the scientific and technical support of strategic projects. In the 1930s, a mechanism of coordination of intra-scientific and state interests and needs was formed and consolidated on the basis of embedding and development of mobilization practices in scientific activity (the formation and reinforcement of hierarchy, directivity, norms and practices of conflict consolidation, motivational mechanisms of academic work, etc.).

Keywords: social institution of science scientific intelligentsia phenomenon of mobilization in science eastern regions of Russia Stalin era intrascientific corporate adaptation

REFERENCES

1. Vodichev E.G., Krasil'nikov S.A. Nauka na vostoке Rossii // Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri. T. 2. Novosibirsk: Istoricheskoe nasledie Sibiri, 2009. S. 441–449 (in Russian).
2. Ostashko T.N. Nauka i uchyonye Sibiri v gody Velikoi Otechestvennoi voiny. Novosibirsk: Novosibirskii gos. un-t, 2002 (in Russian).
3. Krasil'nikov S.A. Rannesovetskii opyt sotsial'noi mobilizatsii: istoriya dlya teorii // Ural'skii istoricheskii vestnik. 2018. № 4 (61). S. 38–45 (in Russian).
4. Krasil'nikov S.A. Nauka i uchyonye v mobilizatsionnoi paradigme 1930-kh gg. Sotsial'naya mobilizatsiya v stalinskom obshchestve (konets 1920-kh – 1930-e gg.). M.: Politicheskaya entsiklopediya, 2018. S. 551–582 (in Russian).
5. Krasil'nikov S.A. Nauka i uchyonye kak mobilizatsionnyi resurs stalinskoй sistemy. Istoricheskie vyzovy i ekonomicheskoe razvitie Rossii. Ekaterinburg: Alfa Print, 2019. S. 74–78 (in Russian).
6. Vodichev E.G. Nauka i vysshaya shkola: dikhotomiya mobilizatsionnoi paradigmy // Idei i idealy. 2019. T. 11. № 3. Ch. 1. S. 58–78 (in Russian).
7. Vodichev E.G. Na periferii nauki: vuzy na vostoке SSSR v period «pozdnego stalinizma» // Istoricheskii kur'er. 2020. № 1 (9). S. 92–104. URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-1-08.pdf>. (in Russian).
8. Vodichev E.G. V tekhnologicheskome tupike: otraslevaya nauka na vostoке SSSR vo vtoroi polovine 1940-kh gg. // Vestnik Tomskogo gos. un-ta. 2018. № 436. S. 139–147 (in Russian).
9. Uzbekova Yu.I. Sovetskaya nauka i gosudarstvo v 1930–50-kh gg. v razreze otnoshenii «tsentra» i «periferii» // Alleya nauki. 2018. T. 5. № 10. S. 407–415. URL: https://alley-science.ru/sovremennaya_nauka_i_ee_razvitie__10_26__2018/. (in Russian).
10. Uzbekova Yu.I. Sovet po izucheniyu proizvoditel'nykh sil v sisteme «mobilizovannoi nauki» (1930-e – nachalo 1950-kh gg.) // Genesis: istoricheskie issledovaniya. 2019. № 12. S. 32–43. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=31660. (in Russian).
11. Posadskov A.L. Komissiya sodeistviya uchyonym pri Sovnarkome SSSR kak instrument upravleniya sovetskim nauchnym soobshchestvom v 1931–1937 godakh // Nauchnyi dialog. 2019. № 9. S. 407–421 (in Russian).
12. Posadskov A.L. Sovetskaya nauchnaya elita 1930-kh godov pod patronatom Komissii sodeistviya uchyonym pri Sovnarkome SSSR: byt, okhrana zdorov'ya, mezhdunarodnye knizhnye svyazi (1934–1937) // Tam zhe. № 11. S. 433–443 (in Russian).
13. Krasil'nikov S.A. Chekisty protiv nauchnoi intelligentsii (po materialam «dela o Zapadnosibirskom Belogvardeiskom zagovore 1933 g.>) // Arkhivnaya sluzhba: put' dlinoyu v vek. Traditsii sokhraneniya dokumental'nogo istoricheskogo naslediya. Novosibirsk, 2018. S. 143–149 (in Russian).
14. Posadskov A.L. «Bol'shoi terror» 1937–1938 gg. v sud'bakh sibirskikh istorikov. // Tam zhe. S. 149–158 (in Russian).
15. Krasil'nikov S.A. Pravo na zastupnichestvo: iz perepiski V.A. Obrucheva ob arestovannykh geologakh Sibiri (1949–1954) // Vestnik Tomskogo gos. un-ta. Istoriya. 2020. № 65. S. 27–34 (in Russian).

ФИЛОЛОГИЯ. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Индекс УДК 070:82:930.25
Код ГРНТИ 19.41; 17.09; 03.23
DOI: 10.22204/2587-8956-2022-110-03-87-103

Н.И. КРИЖАНОВСКИЙ*

Михаил Меньшиков и Яков Полонский: история взаимоотношений

В связи с пристальным вниманием многих исследователей к кризисному, переломному для русского общества времени конца XIX – начала XX в. на современном этапе развития гуманитарной науки возникла необходимость детального изучения биографии и осмысления творческого наследия выдающегося русского журналиста и критика М.О. Меньшикова (1850–1918). Автор статьи открывает неизвестную страницу жизни и творчества популярного публициста – взаимоотношения с Я.П. Полонским. На обширном материале статей и дневниковых записей Меньшикова, а также его переписки с Я.П. Полонским и произведений поэта концептуально обоснован тезис о том, что Полонский в 1891–1898 гг. способствовал постепенному «поправению» убеждений Меньшикова. Русский поэт своими письмами, замечаниями во время общения, реакцией на тексты публициста, советами влиял на его мировосприятие и духовное развитие, способствовал формированию консервативного идеала в его творчестве. Если в достаточно противоречивой статье «Две правды» (1893), написанной о поэме Полонского «Собаки», Меньшиков в большей степени отстаивал европейский либеральный идеал, то в некрологе поэту (1898) выступил как наследник консервативной русской традиции.

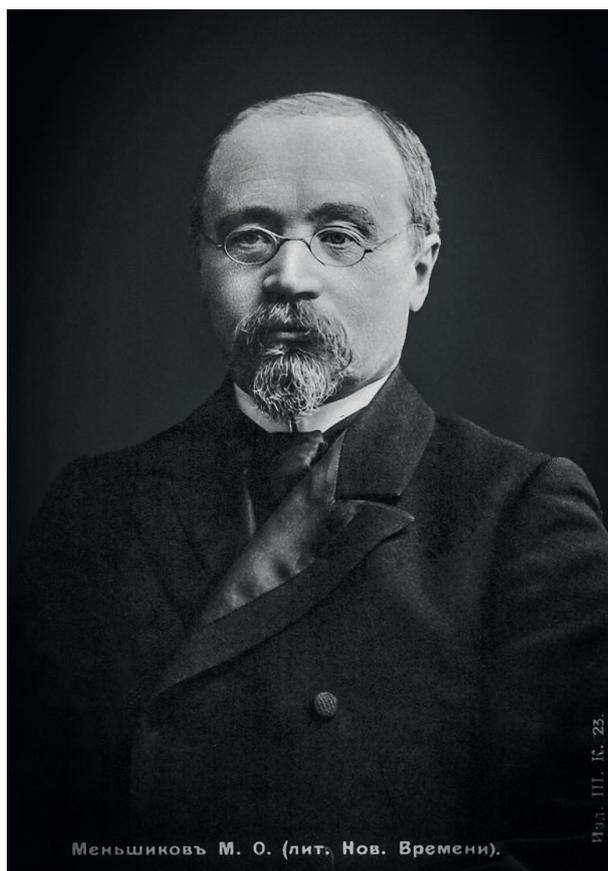
Ключевые слова: М.О. Меньшиков, Я.П. Полонский, публицистика, литература, журналист, поэт, взаимоотношения, консерватизм, либерализм

Начало общения поэта и публициста

Современные исследователи жизни и творчества Михаила Осиповича Меньшикова (ил. 1) уделили достаточно много внимания его взаимоотношениям

с известными русскими литераторами Л.Н. Толстым [1–4], А.П. Чеховым [3–6], Н.С. Лесковым [5, 6], М. Горьким [3–8]. Однако общение публициста с Яковом Петровичем Полонским (ил. 2), одним из последних поэтов русской классиче-

* **Крижановский Николай Игоревич** — кандидат филологических наук, доцент кафедры публицистики и журналистского мастерства Кубанского государственного университета, руководитель проекта «Летопись жизни и творчества М.О. Меньшикова» (20-012-00153).
E-mail: nicolaykri@mail.ru

Илл. 1. М.О. Меньшиков. Открытка
(около 1902–1904 гг.)

ской традиции, до сих пор оставалось вне их поля зрения, хотя сохранились и дневниковые записи с упоминанием автора поэмы «Собаки», и переписка с поэтом, и статьи, посвящённые его творчеству или содержавшие упоминания о нём. Не обращались к этому корпусу материалов и исследователи творческой биографии Я.П. Полонского [9–12].

Пожалуй, самое раннее и комплементарное упоминание о Я.П. Полонском в наследии М.О. Меньшикова можно найти среди его публикаций в газете «Неделя» в начале 1890-х гг. Так, в 47-м номере за 1891 г. в материале рубрики «Заметки» рассказывалось о юбилейном чтении лермонтовских стихотворений литераторами

Санкт-Петербурга. Среди многих чтецов был и пожилой, 74-летний Я.П. Полонский. Он декламировал стихи «Мне грустно, потому что я тебя люблю...» и «За всё, за всё тебя благодарю я...». О нём среди упомянутых выступавших было сказано особо: «Бурю восторга вызвало появление на сцене поэта-старца Я.П. Полонского, одного из тех светил, созвездие которых было благоприятно для русской литературы»¹.

В 1892 г. между Полонским и работавшим в «Неделе» Меньшиковым завязалась переписка. Несмотря на то, что послания М.О. Меньшикова не сохранились, общее содержание эпистолярного общения достаточно полно отобразилось в письмах Полонского публицисту. В датированном 25 ноября 1892 г. первом письме Полонский называл опубликованные в «Книжках «Недели»» статьи Меньшикова «умно-правдивыми и оригинальными». В том же письме он ответил согласием на приглашение принять участие в праздновании 25-летия «Недели» и творческой деятельности П.А. Гайдебурова при условии наличия денег и физических сил к 5 декабря 1892 г. Живо откликнулся поэт и на просьбу прислать фотографическую карточку (она нужна была для альбома портретов авторов «Недели», который собирались преподнести П.А. Гайдебурову), отметив, что уже хорошо узнал Меньшикова по его текстам².

27 ноября Меньшиков записал в дневнике, что Полонский оказал немалую честь своим письмом: «Вчера — письмо от Полонского, где называл меня глубокоуважаемым. Пишет “как знакомому, потому что Вы давно познакомили меня с Вашими умно-правдивыми статьями в “Книжках Недели”»³.

Вскоре, 3 декабря 1892 г., Полонский в письме сообщал, что Меньшиков в своих статьях смело высказал «то, чем обычно-

¹ М. Заметки // Неделя. 1891. № 47. Стб. 1516–1519. Стб. 1517.

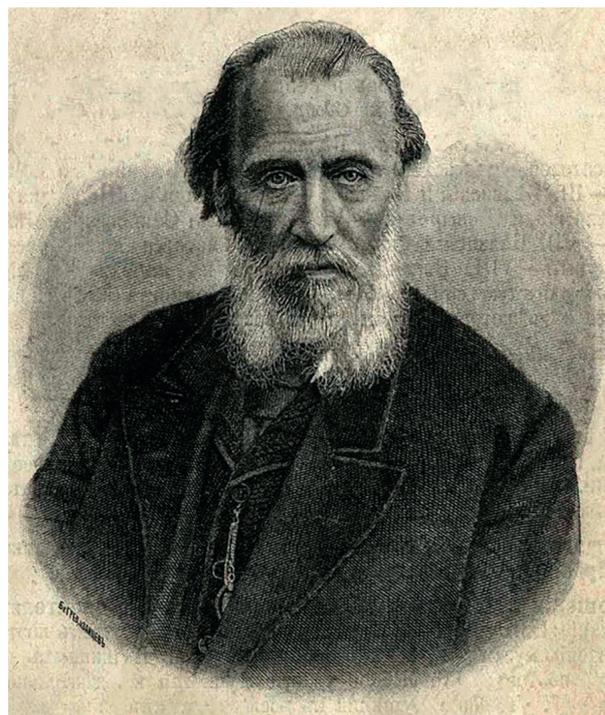
² Российский государственный архив литературы и искусства (далее — РГАЛИ). Ф. 2169. Оп. 1. Д. 8. Л. 1–1об.

³ ЦГА Москвы. Отдел хранения документов личных собраний Москвы (далее — ОХДЛСМ). Ф. 202. Оп. 1. Д. 26. Л. 154.

венно пренебрегают не только наши читатели, но и рецензенты и критики»: «Читают, — сказали Вы, — полубессознательно, не доводя до мозга самого важного, самого основного, над чем работают авторы»¹. Поэт пророчески комментировал это мнение публициста на примере своей только что дописанной поэмы: «Так отнесутся и к моей книге “Собаки”, которую я решаюсь послать Вам на Ваше благоусмотрение»².

Полонский, отвечая на высказывание Меньшикова о таланте, который, будучи продуктом культурных и исторических обстоятельств, должен «освободить себя от всяких стесняющих творчество условий», писал, что чем больше он в своей жизни следовал этому совету, «тем меньше имел шансов на печать своих произведений»: «Ни издатели, ни редакторы, ни рецензенты не любят ничего оригинального, так, мой рассказ в стихах “Анна Галдина”, вполне своеобразный как по форме, так и по содержанию, не захотела принять от меня ни одна редакция; а некто Поливанов назвал рассказ этот чуть не гениальным и присудил мне за него Пушкинскую премию, и Академия наук в своём заседании вполне единодушно согласилась с отчётом г. Поливанова»³.

Как маститому критику Полонский с сожалением говорил Меньшикову о способности критики «замолчать» то или иное произведение и просил при возможности прочесть недавно завершённое творение: «Поэма “Собаки” в редакциях имела ту же участь. Те же главы, которые случайно были напечатаны, наша критика замолчала. Вот что значит у нас освободить себя от всяких стесняющих творчество условий. Надеюсь, что когда-нибудь, если не теперь, Вы найдете досуг и ознакомитесь с моим, во всяком случае оригинальным, произведением “Собаки” (ил. 3).

Ил. 2. Я.П. Полонский. Гравюра из книги В.И. Покровского (1906 г.)

Конечно, я не жду от Вас никакой критической статьи, но если когда-нибудь мы с Вами встретимся, мне будет очень приятно выслушать Ваше мнение»⁴.

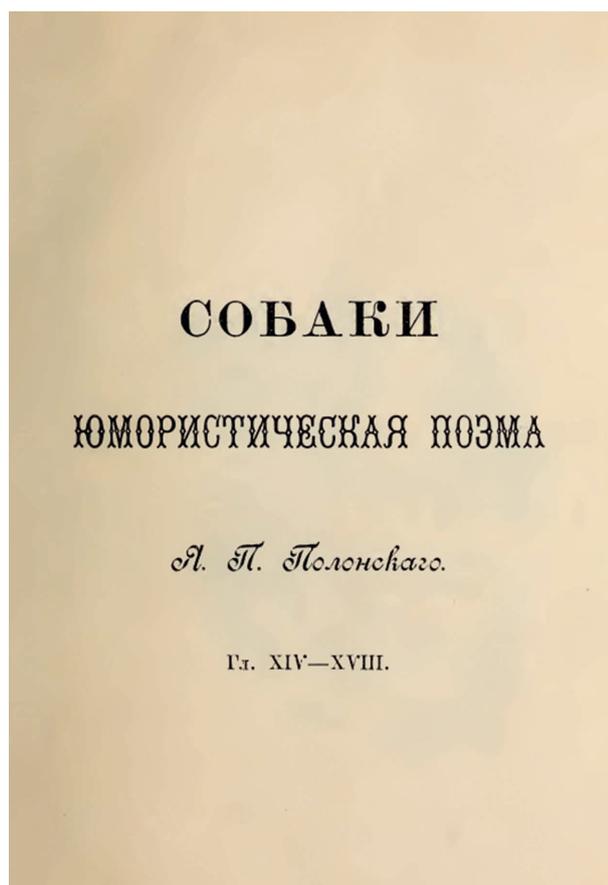
Очевидно, Я.П. Полонский, внимательно читавший статьи М.О. Меньшикова, видел в публицисте если не единомышленника, то человека достаточно трезвомыслящего, с которым можно поделиться глубоко личными переживаниями. Кроме того, нетрудно разглядеть в некоторых его письмах и стремление просветить критика, познакомив с идеологической и моральной атмосферой литературы 1840-х – 1860-х гг. Так, 9 декабря 1892 г. поэт назвал статью Меньшикова «Литература будущего» «оригинальной по мысли» и далее комментировал: «...если бы статейка Ваша появилась в те дни, когда господствовал Писарев и когда наши собаки считали его своим пророком, когда из тогдашних амок (так

¹ РГАЛИ. Ф. 2169. Оп. 1. Д. 8. Л. 2.

² Там же.

³ Там же. Л. 2об.–3.

⁴ Там же. Л. 3–3об.

Ил. 3. Первое издание завершающих глав поэмы Я.П. Полонского (1891 г.)

в поэме «Собаки» Полонский называл собачьих самок. — НК.) дочь коменданта Петропавловской крепости сказала мне: “У нас один поэт — Писарев — другого нет...”, — Боже мой, какой бы лай и вой, какое негодование, брань и крики посыпались бы на Вашу голову!...

Тогда не допускалось никакой свободы мысли — кроме революционной или нигилистической. Это было тяжело-мучительно, особенно для тех, которые по природе своей не могли быть ни нигилистами, ни анархистами... Но верите ли — и теперь тяжело... И знаете ли почему?.. Тяжело от всеобщего ко всему равнодушия — никому и дела

нет, что Вы пишете, что я пишу — как Вы думаете или как я думаю — всё равно...»¹.

Неполное понимание и нечаянные обиды

Откликом-размышлением публициста на присланную поэму стала статья «Две правды» (впервые опубликована в 1893 г. в № 4–5 «Книжек “Недели”»). Меньшиков, сначала обратившись к проблеме бытия писателей талантливых и графоманов, отмечал, что графоман «блаженен» и не страдает, опутывая мир паутиной своих текстов. Но чем выше у творца дар, «тем тяжелее крест», поскольку подлинный талант «присутствует как бы на страшном суде своей эпохи, перед ним вскрыты все её язвы и тайные грехи»². Однако развитие мысли о тяжести креста даровитых писателей приводит к некоторому парадоксу: мучаются те авторы, которые имеют веру, религию (Достоевский и Толстой), но не имевший веры Тургенев, как видится Меньшикову, «мучился, может быть, более Достоевского и Толстого»³.

Мысль о мучениях сменяется затем утверждением о захваченности писателей «скорбью своего времени», связанной с глубоким недовольством действительностью и отрицанием настоящего. Характер этого отрицания и становится основой для выделения в статье «двух правд», разбивающих общество на два отрицающих настоящее лагеря — консервативный и либеральный: консерватор, отрицая настоящее, «признает прошлое», а либерал, отрицая настоящее, «признаёт будущее»⁴. Консерватор — это «романтик, тоскующий по величавой старине», а либерал — «утопист, грезящий о Царстве Божьем»⁵.

Понимая всю шаткость умозрительной конструкции Меньшикова, отметим, что

¹ Так же. Л. 4–4об.

² Меньшиков М.О. Две правды // Меньшиков М.О. Великорусская идея / Сост., предисл., коммент. В.Б. Трофимовой / Отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2012. Т. II. С. 359.

³ Там же. С. 360.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 370.

в последнем определении, на наш взгляд, не хватает конкретно-исторического уточнения: для консерватора религиозный идеал, ценность традиций и родной земли незыблемы, для либерала же религиозная идея мало что значит, построение Царства Божьего необходимо совершить на земле, традиции же сковывают человека, а «земля обетованная» — это Европа.

Кроме этого, Меньшиков, развивая свою теорию консерватизма-либерализма, доходил до нелепости: утверждал, что все художники «в силу своего художественного темперамента» — консерваторы, а все философы «по природе» — новаторы и либералы¹: «Поэты вечно будут консерваторами — в лучшем смысле этого слова, как все мыслители — либералами в лучшем же смысле»².

Не будем останавливаться на мысли, опровержение которой, как нам представляется, не составит труда для любого думающего человека. Отметим только, что Меньшиков, схематизируя, даёт своё наполнение понятиям «консерватизм» и «либерализм», лишая их политической и культурно-философской составляющей. И с таким пониманием «двух правд» публицист приступил к анализу поэмы Полонского «Собаки».

Автор произведения, определяя его жанр, указал, что это юмористическая поэма, как бы сгладив сатирический элемент произведения. Этот «ход» писателя глубоко проанализировал русский учёный П.Е. Астафьев (ил. 4), отметивший, что есть два способа проявления сатиры: проникнуться «священной гражданской ненавистью» либо «сочувствием, всепонимающей и всепроникающей любовью, которая ценит доброе и скорбит над злым в своём предмете»³. Для Астафьева поэма — художественное проявление трез-

¹ Там же. С. 389.

² Там же. С. 393.

³ Астафьев П.Е. Предисловие к поэме Я.П. Полонского «Собаки» // Сборник Московской иллюстрированной газеты. М.: Типография П.Е. Астафьева, 1891. С. 3–22. С. 4.

⁴ Там же. С. 5.

⁵ Меньшиков М.О. Две правды... С. 361.

ПРЕДИСЛОВІЕ

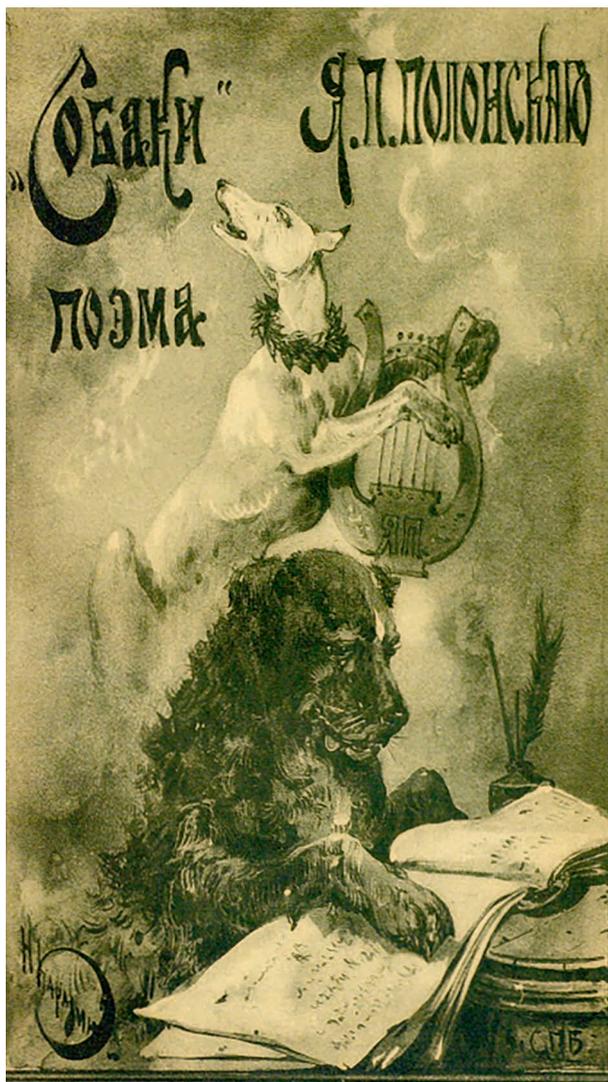
къ поэмѣ Я. П. Полонскаго «Собаки».

Первоклассныя произведенія первоклассныхъ писателей обыкновенно слишкомъ ясно и громко говорить сами за себя для того, чтобы нуждаться въ предисловіяхъ ихъ издателей. Гордясь тѣмъ, что мы имѣемъ возможность предложить нашимъ читателямъ несомнѣнно - первоклассное произведение несомнѣнно-же первокласснаго поэта нашего, Якова Петровича Полонскаго — продолженіе и окончаніе его поэмы „Собаки“ — мы нѣкоторыми особенными, исключительными условіями поставлены однако въ необходимость предпослать нѣсколько разъясненій тому *отрывку* крупнѣйшаго произведенія нашего маститаго поэта, который можемъ помѣстить на страницахъ настоящаго изданія. Разъясненія эти необходимы какъ въ виду того, что послѣдующія главы поэмы Я. П. Полонскаго составляютъ только *продолженіе* подвѣвшихся еще въ 1889 г. (въ сборникѣ, подъ заглавіемъ „Поэмы, повѣсти и стихотворенія Я. П. Полонскаго“, С. П. Б.) первыхъ тринадцати главъ ея, такъ и въ виду сложившихся въ нашемъ обществѣ, за послѣднее тридцатилѣ-

Ил. 4. Начальный лист предисловия П.Е. Астафьева к публикации завершающих глав поэмы «Собаки» Я.П. Полонского в Сборнике «Московской иллюстрированной газеты» (1891 г.)

вого национального критического мышления и серьёзное бичевание пороков русской жизни: «Это — настоящая сатира, а не условная карикатура Щедрина; это произведение уважающей себя литературы, а не ... “свистопляски” нашего недавнего прошлого»⁴.

Меньшиков считал, что фокус поэмы — это «сатира на идеалистов, сатира благодушная, благоухающая поэзией природы, но сатира решительная и местами даже злая»⁵. При этом мы понимаем, что под «идеалистами» в статье публициста подразуме-

Ил. 5. Титульный лист первого книжного издания поэмы «Собаки» Я.П. Полонского (1892 г.). Это издание поэт отправил М.О. Меньшикову

мевались либеральные и революционные силы, поскольку, как отмечал Меньшиков, ему после прочтения поэмы стало грустно оттого, что «писатель талантливый, ... родившийся в далекие крепостные времена, помнящий сороковые годы, выдавший воочию наплыв того горячего возвышенного настроения, которое сняло с народа цепи» из той эпохи «не вынес никакой надежды», «одно разочарование, одно отрицание»¹.

В приведённой цитате легко различимы близкие автору статьи штампы революционно-демократической и либеральной пропаганды: крепостные времена, ужасные сороковые годы, горячее и возвышенное настроение, народные цепи. По мысли Меньшикова, политическому движению середины XIX в., включавшему в себя и следование «духу свободы», и «самопомощь», и «женский вопрос», и «революционное брожение», и «зверчество» (слово, близкое по содержанию к либерально осмысленному понятию «человечество»), Полонский вынес «суровый приговор»²: «Нельзя быть зверем иль собакой, / Даже злым двуногим и назло породе / Видеть верх прогресса в зверческой свободе. / Нет, свобода наша пахнет своевольем, / Братство — лицемерьем, равенство — бездольем; / Всюду — или вздохи, или непотребство, / Самообожанье или раболепство»³ (ил. 5).

Действительно, произведение Полонского можно назвать антилиберальным и в образной форме осуждающим существовавший в 1840-е – 1860-е гг. общественный порыв к неправильно понятой гражданской свободе.

П.Е. Астафьев, размышляя о существе произведения, писал, что в основе поэмы лежит борьба двух идей — человечности и «зверчества»: «...безжалостно обнаруживая собачьи, скотские стороны нашего человеческого характера, она во имя их не только не отрицает, но тем выше возносит саму идею и факт “человечности” над идеею и фактом “зверчества”»⁴. С помощью такой сатиры (сильно отличавшейся и от революционного, и от декадентского подхода к изображению человека-зверя) современный Полонскому человек должен был увидеть «и то, что в нём есть “собачьего”, презренного и низкого, и то, что

¹ Там же.

² Там же. С. 364.

³ Полонский Я.П. Собаки. Юмористическая поэма. — СПб., 1892. — 176 с. — С. 161.

⁴ Астафьев П.Е. Предисловие к поэме... С. 5.

он может в себе уважать, любить и ценить, во что может и должен верить»¹.

Консерватор и мыслитель-традиционалист П.Е. Астафьев отметил также, что автор поднялся над личной приязнью к консервативному лагерю, поскольку в поэме есть сатира «не на одних утопистов (читай — либералов и революционеров. — Н.К.), но на всех, у кого только собачьи свойства преобладают и даже извращены примесью человеческих страстей и соображений. И пишущий поэт — собака, и придворный Валет, и патриот Вопило и даже подвальные “аристократы” — всем воздаётся поровну за их собачьи свойства»². Сюжет поэмы Полонского ведёт читателя к мысли, что только строгий порядок, исполнение долга и закон («Только сила власти — / Страх перед законом укрощают страсти / Зверские...»³) способны противостоять брожению умов. Поэтому, когда обитатели псарни вновь обретают возможность нормально охотиться, тогда заканчиваются и их вольномыслие, и их мечты о «зверчестве», и их либерализм.

М.О. Меньшиков в статье «Две правды» взялся защищать либеральные устремления представителей российского общества в 1840-е — 1860-е гг. После знакомства с поэмой он недоумевал: «Неужели, однако, эти “молодые годы русской интеллигенции”, этот гром освобождения и сбрасыванья цепей, это впервые восторжествовавшее и пронёсшееся по земле слово человеческого братства — неужели всё это настолько выдавалось вперёд другими, соседними времена-

ми своим “зверчеством”, что понадобилось подчеркнуть эту черту...»⁴. Период правления Николая I публицист по революционно-демократической традиции назвал «мрачным временем», «тяжёлой истомой, в которой коснели и общество, и народ»⁵.

В статье М.О. Меньшикова проявилось резкое смешение идеологических парадигм, характерное для публициста в этот период. Поэму «Собаки» он оценивал с позиций либерального и революционно-демократического движения. Однако здесь же встречаем совсем не либеральные, глубокие, порой меткие и оригинальные консервативные мысли: «ограины России «требуют обрусения и охраны»⁶, «разброд интеллигенции есть расстройство культуры»⁷, в современном обществе «глубоких исторических связей, преданий, опыта отношений нет, а без них нет и общества»⁸, «наплыв западной цивилизации в течение последних столетий не только не упрочил нашу культуру, но страшно её расстроил»⁹, «Европа уже завладела главной твердыней нашей национальности — мирозерцанием верхнего слоя, его образованием, идеалами»¹⁰, «наша интеллигенция психически уже не русская, почему она так плохо понимает народ и народ плохо понимает её»¹¹, «почти все наши великие и даже просто талантливые художники были консерваторами»¹², «Пушкин — живи он до наших дней — явился бы искренним противником либеральных движений как скрытых (сороковые года), так и открытых (шестидесятые)»¹³, декаденты

¹ Там же.

² Там же. С. 8.

³ Полонский Я.П. Собаки. С. 171.

⁴ Меньшиков М.О. Две правды... С. 366.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 378–379.

⁷ Там же. С. 379.

⁸ Там же. С. 381.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 384.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 385.

¹³ Там же. С. 387–388.

(Минский, Мережковский и др.) «ежеминутно перемножают вечность на бесконечность, громоздят религию на философию, производят страшные малопонятные слова и вообще сильно ломаются перед публикой», а их творения — это «набор слов, лишённый всякого подобия мысли»¹.

Особой подтемой статьи Меньшикова стало осмысление влияния рассудочности протестантизма на консерватизм европейской цивилизации: «Атеизм в религии (продукт крайней левой отрасли гегельянства), анархия в политике (продукт той же отрасли: Бакунин воспитался на Гегеле), материализм в науке, натурализм в искусстве — всё это великие отрицания немецкого духа, вытекшие из протестантизма»².

В финале статьи Меньшиков защищает либерализм как великое настроение в истории человечества³. Либерализм поставлен автором статьи «Две правды» в один ряд с таким великим европейским явлением, как Реформация или Возрождение⁴. Однако публицист не осознал вне- и даже антирелигиозных, антропоцентрически-эгоистических корней эпохи Возрождения, на что в 1896 г. указал его современник В.В. Розанов в статье «Декаденты»⁵, а позже, уже во второй половине XX в., Ю.И. Селезнёв в работе «Глазами народа»⁶. Меньшиков же, по-своему смешивая понятия, утверждал в статье «Две правды», что либерализм (и его синоним — гуманизм) в Европе имеет главный исток — христианскую религию и человеческую совесть, воплощённую в виде требования справедливого мироустройства и социального протеста: «Либерализм, как я его понимаю, есть стремящаяся воплотиться совесть. Рождённая вместе с че-

ловеком, вскормленная религией, совесть явилась в XV столетии силой, требующей себе права жизни. Совесть потребовала, чтобы “Слово плоть бысть” и явилось в мир как дело, как реальный факт. Человек увидел, что праведным перед Богом он может быть только среди праведного общества, что грех поддерживать то, что есть грех, и что несправедливые формы жизни, как бы они ни были милы сердцу и привычны, должны быть изменены»⁷.

Эти мысли в соединении с верой в страшную отсталость России по сравнению с Западными народами были в период написания статьи «Две правды» своего рода «символом веры» Меньшикова: «Русский человек — “недочеловек”, *tabula rasa*, сырой, недоконченный человек, в которого слишком мало вложено извне исторической обработки... русские массы не чувствовали над своими головами веяния ни эпохи Возрождения, ни Реформации, ни других течений — всё это для них как бы не бывшее. <...> в европейца очень много вложено всякого капитала, умственного и материального, тогда как в русского вложен грош. <...> Как огород французского крестьянина ценится в сто раз дороже русского и даёт в сто раз больше дохода, так и сам француз в среднем несравненно работоспособнее русского — по одной общей причине: француз и его почва — культурны, русский же со своей землицей ещё дики, несмотря на ровесничество с Западом»⁸.

В завершении рассуждения о «двух правдах» Меньшиков, упрекая Полонского в непонимании истинных начал либерализма, отмечал, что хотя «изысканная литература по своей природе консервативна», всё же ей пора обратиться «к выражению новой

¹ Там же. С. 395.

² Там же. С. 402–403.

³ Там же. С. 416.

⁴ Там же. С. 404–405.

⁵ Розанов В.В. Декаденты // Розанов В.В. Мысли о литературе. М.: Современник, 1989. С. 204–216. С. 212–214.

⁶ Селезнёв Ю.И. Глазами народа // Селезнёв Ю.И. Златая цепь. М.: Современник, 1985. С. 45–74. С. 52–55.

⁷ Меньшиков М.О. Две правды... С. 406–407.

⁸ Там же. С. 383.

культуры..., истинно народных и гуманных начал освободительных»¹. И всё это необходимо было для того, чтобы построить «новое, просторное и светлое здание для великого русского племени, вывести его из развалин в дом с «европейскими удобствами»...»². Думается, русофобское понимание необходимости построения для развалившейся России дома с «европейскими удобствами» здесь не нуждается в комментарии.

Выраженная в статье «Две правды» меньшиковская трактовка либерализма и консерватизма в соотнесении с деятельностью художников и философов вызвала вполне оправданное неприятие у Н.С. Лескова, не понимавшего, «как связать с консерватизмом художников такие явления, как “Хижина дяди Тома” или “Записки охотника”»³.

Я.П. Полонский, прочитав отклик критика на поэму «Собаки», сразу ответил письмом (ил. 6). И тон письма, и его содержание свидетельствовали о сдержанной, но негативной реакции поэта. После обращения «глубокоуважаемый Михаил Осипович» не было восклицательного знака, а публикация критика названа не «оригинальной статьёй», а «знаменательной статейкой...», не лишённой глубокого анализа»⁴ (ирония отправителя письма на поверхности). Полонский высоко оценил искренность автора рецензии. Но здесь же добавил, как бы поясняя, что нужно сделать, чтобы более верно постигнуть его итоговое произведение: «Вам ещё легче будет понять мои отношения к тому пробуждавшемуся (подчёркнуто Я.П. Полонским. — Н.К.) обществу, о котором Вы говорите, если прочтёте роман мой “Нечаянно”, изданный П.А. Гайдебуровым, и следующие». стихотворения: “Среди хаоса”, “Бранят”, “И в праздности

горе, и горе в труде!..”, “Поэту Гражданину”, “Литературный враг”, “Жалобы Музы”, “Письма к Музе. Письмо 1-ое. О бульдоге”»⁵.

Очевидно, что автор поэмы указывал на критический промах Меньшикова: анализ не совпадал с авторским замыслом. Именно поэтому Полонский перечислил значимые для понимания сути его творчества тексты, о которых скажем несколько слов. Роман «Нечаянно» проблемно-тематически несколько схож с поэмой «Собаки», поскольку в нём в центре повествования поставлен молодой чиновник, «моральное разложение которого... продемонстрировано как типичное развитие современника» [13]. В стихотворениях, перечисленных Полонским, отражено противостояние личности лирического героя «гордому» веку, создающему кругом хаос («Среди хаоса»); показана тяжёлая, не способствовавшая решению трудных задач беспутно мятежная жизнь («И в праздности горе, и горе в труде!..»); середина XIX в. осмыслена как эпоха, воспитывавшая ненавистников Родины («Бранят»), критично изображён слезливый поэт-гражданин, не знающий любви к природе и чувства красоты («Поэту Гражданину»). Идеал Полонского связан с утверждением свободы слова творца («Литературный враг»), искоренением безлюбного бытия мира («Жалобы музы») и отказом от либеральных, буржуазных и революционно-демократических идейных оков («Письма к Музе. Письмо 1-ое. О бульдоге»).

В мае 1894 г. М.О. Меньшиков в очередном номере «Книжек “Недели”» опубликовал статью «Старые и молодые таланты» («Книжки “Недели”», 1894, № 5), в которой он отмечал: старые писатели упрекают молодое поколение в том, что оно «бездарно, необразованно, грубо, оно

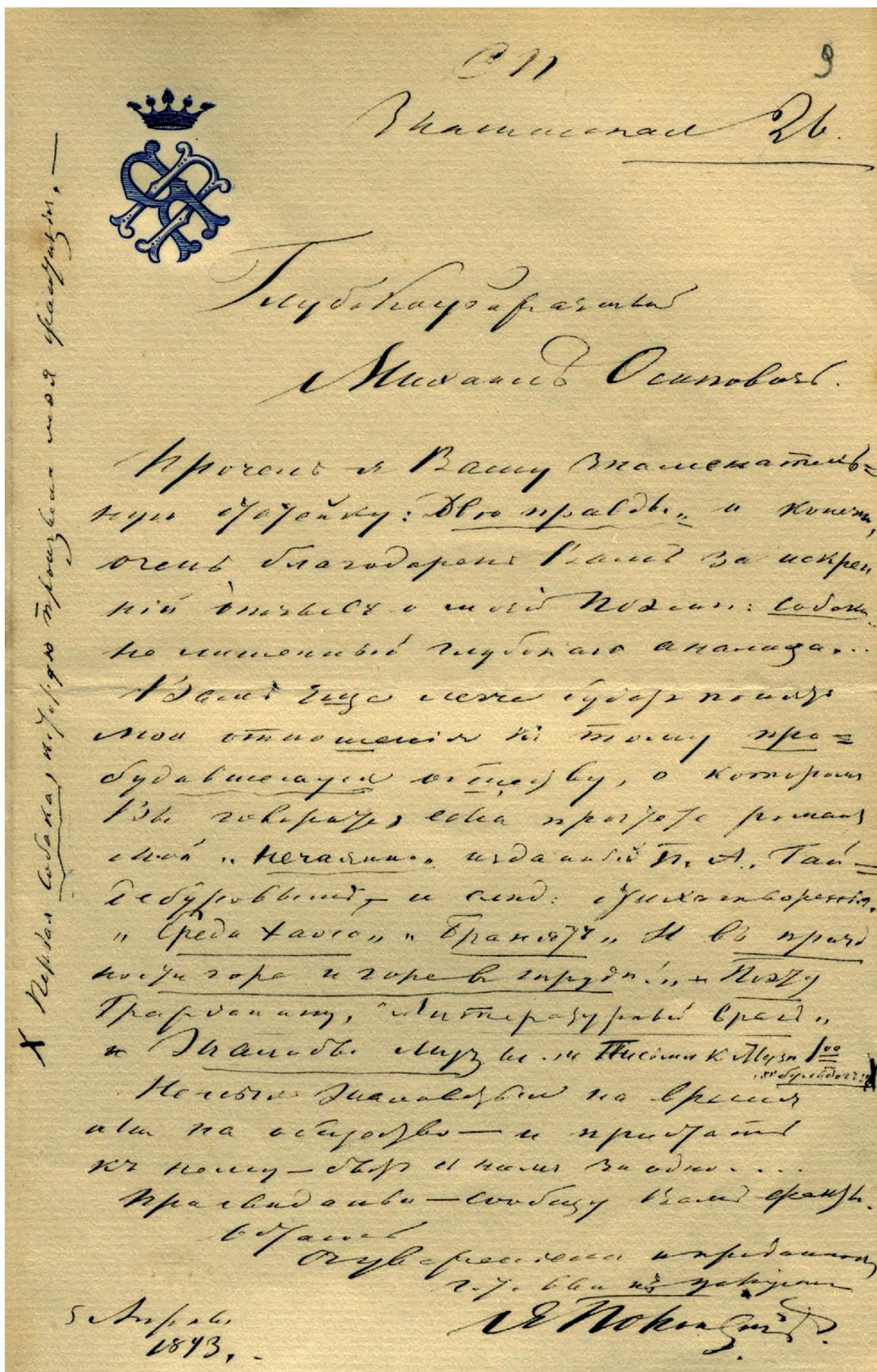
¹ Там же. С. 418.

² Там же.

³ Меньшиков М.О. Литературная хворь // Меньшиков М.О. Великорусская идея / Сост., предисл., коммент. В.Б. Трофимовой; Отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2012. Т. II. С. 418–452. С. 418.

⁴ РГАЛИ. Ф. 2169. Оп. 1. Д. 8. Л. 9.

⁵ Там же.

Ил. 6. Письмо Я.П. Полонского (с личным вензелем) М.О. Меньшикову от 5 апреля 1893 года с откликом на его статью «Две правды». РГАЛИ. Ф. 2169. Оп. 1. Д. 8. Л. 9 (публикуется впервые)

писать не умеет, у него нет ни чувства, ни мысли... Года бегут, ..., а гг. Чеховы да Короленки выжимают из себя какие-то отрывочки да кусочки...»¹. Выдуманный упрек от старого поколения в адрес нового позволил автору статьи встать на защиту всех представителей младшего сообщества писателей: «...да имеете ли вы-то, господа, какое-нибудь право предъявлять такие требования к молодёжи? ... Пусть она не пишет крупных вещей, — а вы разве их пишете? <...> ...почему же вы не даёте великих произведений, в которых так нуждается общество?»². Среди старших литераторов Меньшиков называл прозаиков Н.С. Лескова, Д.В. Григоровича, Вс.В. Крестовского, Н.Н. Златовратского и др., а среди поэтов — Я.П. Полонского, А.Н. Майкова, А.М. Жемчужникова.

Реакцией Полонского на статью Меньшикова «Старые и молодые таланты» стало резкое и сухое по тону письмо без даты, в котором был ответ на оба упрека. Во-первых, поэт указывал, что с 1888 г. он издал два поэтических сборника, юмористическую поэму «Собаки», повесть в стихах «Мечтатель» и множество «разбросанных по журналам стихотворений»³, а во-вторых, никогда никто из старших писателей не произносил приговора, будто «молодое поколение бездарно, необразованно, грубо, писать не умеет»⁴. Завершалось послание недоуменным вопросом: «За что же вы их с нами ссорите?»⁵.

Процитированное выше послание, не помеченное конкретной датой, но отправленное в 1894 г., не могло быть последним в переписке между талантами — старым поэтическим и молодым публицистическим — и не привело к разрыву отношений между ними. В 1894 г. Полонский

написал Меньшикову шесть писем: 15 мая, 26 мая, 27–28 мая, 7 июля и два — без датировки, только с указанием года. Скорее всего, ответ на упреки Меньшикова был написан в конце мая — начале июня 1894 г. Несколько последних писем были посвящены переговорам о публикации в «Книжках “Недели”» стихотворения Полонского «Подслушанные думы» («Книжки “Недели”», 1894, № 7). Кроме того, Полонский не придавал серьёзного значения несправедливым выпадам Меньшикова и продолжал печатать в «Книжках “Недели”» по несколько стихотворений в год (вплоть до октября 1896 г.), а поэтому не мог не общаться с публицистом, который курировал литературную составляющую издания.

Запись в дневнике Меньшикова за 16 ноября 1894 г. подтверждает, что близкое общение критика с Полонским продолжилось, как продолжилась его достаточно мягкая, но глубокая критика в адрес публициста. Меньшиков писал: «Сегодня был у Полонского днём, у Вагнера вечером. Полонский Я.П. обрадовался мне очень.

— Вот сердце сердцу весть подаёт! Читал недавно Вашу статью и хотел Вас видеть, прекраснейшая статья, хочется Вас поблагодарить... Всё совершенно верно, но меня удивило: Вы всё с благоговением относитесь к Толстому, а между тем сами ему во многих местах противоречите»⁶.

Замечание Полонского о противоречиях Меньшикова и Толстого стало своего рода пророческим. К началу XX в. Меньшиков, оставаясь поклонником художественного таланта писателя, не принимал его публицистику и философско-религиозные труды. Уже в 1904 г. эти противоречия стали причиной появления статьи, в которой Меньшиков критиковал антивоенную позицию

¹ Меньшиков М.О. Старые и молодые таланты // Меньшиков М.О. Критические очерки. Т. 1–2 Т. 1. СПб., 1899. С. 245–261. С. 255.

² Там же.

³ РГАЛИ. Ф. 2169. Оп. 1. Д. 8. Л. 15.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Л. 15об.

⁶ ОХДЛСМ. Ф. 202. Оп. 1. Д. 31. Л. 29.

Л.Н. Толстого¹, а также других публицистических материалов, посвящённых анализу анархических, антинародных, антигосударственных воззрений писателя². Сам Полонский весьма критически отнёсся к нравственной проповеди и вероучению великого Льва и опубликовал об этом пару острых статей³. Поэт в них выступил как «человек и мыслитель, гражданин Отечества, вставший на защиту добра, руководствуясь христианской системой ценностей» [14].

Тема развития отношений между Я.П. Полонским и Л.Н. Толстым затронута М.О. Меньшиковым в некрологе ушедшему в 1898 г. поэту⁴ (ил. 7). Публицист знал о сложных взаимоотношениях писателей, познакомившихся ещё в 1855 г. в Петербурге (Толстой только вернулся с Крымской войны), знал о неприязни Полонским учения Толстого, но знал и то, что Полонский ценил Толстого-художника, не принимая его как нравственного и христианского учителя. Меньшиков же — особенно в первой половине 1890-х — искренне поддерживал многие идеи яснополянского Льва. В некрологе Полонскому публицист писал: «Он (Полонский. — *Н.К.*) не скупился на одобрения, но не скрывал и укоров, которые делал с крайним добродушием. Его, например, огорчало моё почтительное отношение к одному великому писателю, которого и он высоко ценил как художника, но которого нравственное настроение ему казалось вредным. С большою силою и страстностью он ратовал против этого великого писателя; с частью доводов его я соглашался, с другими — нет, и он великодушно выслушивал

мои возражения, понимая их источник»⁵. «Некоторое примирение» между «старцами»⁶, случилось незадолго до смерти Полонского, о чём Меньшиков узнал от самого поэта при личной встрече в Либаве⁷.

Прощальное слово о поэте как свидетельство внутреннего роста М.О. Меньшикова

Некролог Я.П. Полонскому, написанный М.О. Меньшиковым, — искреннее слово публициста в адрес покинувшего земную юдоль поэта. Россия, русская культура и русский народ в их историческом величии — вот явления, которые, по мнению публициста, неразрывно связаны с жизнью и творчеством Полонского и на фоне которых написан его портрет.

Рассуждая о личности почившего поэта, Меньшиков вывел своего рода формулу подлинно народного, духовно связанного со многими поколениями творца, «горячее сердце» которого «билось из секунды в секунду с биениями сердец ещё наших прадедов и дедов, отцов и нас самих, с каждым вздохом бесчисленных миллионов людей, нарождавшихся и умиравших»⁸. Эта цитата ощутимо передаёт, что в сознании Меньшикова складывалось понимание народа как единого целого, как бесконечной цепи поколений, в которой вне зависимости от времени и пространства существует неразрывная сердечная цельность.

Как справедливо отметил публицист, Полонский родился, «когда Пушкин был юношей, а Лермонтов — четырёхлетним ребёнком», он застал и пережил «век нашего

¹ Речь идёт о статье «Лев Толстой, Менделеев, Верещагин» (1904).

² Перечислим несколько работ Меньшикова о Толстом: «Два пророка» (1907), «Толстой и власть» (1908), «Памяти святого пастыря» (1908), «Выкуп Ясной Поляны» (1908), «Фальшь толстовщины» (1912).

³ См. статьи Я.П. Полонского «Заметки по поводу одного заграничного издания и новых идей графа Л.Н. Толстого» (1895), «Об искусстве» (1898).

⁴ Меньшиков М.О. Памяти Якова Петровича Полонского // Неделя. 1898. № 43. Стб. 1385–1388.

⁵ Там же. Стб. 1387.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же. Стб. 1386.

1885

НЕДЕЛЯ.—№ 43.

1886

Грозовныя слухи, что магистральная линия Петербургъ—Вятка не пройдетъ на Галичь,—побудили собраніе избрать депутацію, которой и поручено ходатайствовать о проведеніи желѣзной дороги на Галичь съ вѣткой на Кострому. По этому поводу составлена интересная записка о нуждахъ края. Но въ то-же время говорятъ, что и уѣзды Кинешемскій, Кологривскій и Солигаличскій представляютъ прекрасно составленныя записки о необходимости желѣзной дороги на ихъ города и вѣси.

ИЗЪ КИРИЛЛОВА (Новгородской губ.). Уѣздное земское собраніе сентябрьской сессіи этого года отличилось рѣдкимъ единодушіемъ и стремленіемъ удовлетворить неотложнымъ нуждамъ. Народное образованіе, медицина, ветеринарія, земская сельскохозяйственная помощь, дороги—все эти вопросы быстро подвинулись впередъ.

Выполняя для введенія всеобщаго обученія составленную съѣздомъ школу, собраніе въ этомъ году, какъ и въ прошломъ, постановило открыть десять новыхъ школъ; кромѣ того, положено все школьныя помѣщенія принять на счетъ земства, построивъ въ будущемъ году пока десять земскихъ школьныхъ зданій. По медицинской части признано необходимымъ пригласить на службу специалиста-проживора, вмѣсто нынѣ завѣдующаго больничной аптекой самоучки, расширить городскую больницу и устроить новый фельдшерскій пунктъ. Чтобы сдѣлать работу ветеринарнаго персонала уѣзда болѣе продуктивной, положено построить въ городѣ ветеринарную лечебницу, завести при ней земскій племенной свинарникъ, устроить саучный пунктъ. Въ видахъ распространенія въ уѣздѣ улучшенныхъ сельскохозяйственныхъ орудій и сѣмянъ, постановлено устроить складъ на торговой площади, а для завѣдыванія имъ пригласить окончившаго сельскохозяйственную школу. Давно ждавшій своего разрѣшенія вопросъ о проведеніи дороги въ 5 волостей, расположенныхъ за Чаровскимъ озеромъ также прошолъ благоприятно. Нынѣ приступили посредствомъ приглашеннаго инженера къ разсѣдованію направленія и составленію окончательной смѣты; по сѣдвія предпологается въ 33 тысячи руб., причемъ расходы будутъ произведены за счетъ спеціального дорожнаго капитала.

Эти нововведенія, разумѣется, не могли не отразиться на смѣтѣ предложенныхъ расходовъ, которая съ 129 тысячъ прошлаго года сразу возросла до 146 тысячъ. Однако, разность въ 15 000 р. покрывается непредвидѣннымъ доходомъ отъ новой переоценки земель, составленной по новымъ статистическимъ даннымъ губернскаго земства. По этимъ даннымъ много земельныхъ участковъ перешли по окладу со второго разряда въ первый, а равно вновь привлечены къ платежамъ.

Необходимо еще отмѣтить одинъ выдающійся фактъ. Согласно постановленію губернскаго земскаго собранія январьской сессіи этого года, на обсужденіе уѣздныхъ собраній былъ переданъ вопросъ о вѣсоволивости волости. Этотъ вопросъ, а равно и о сословномъ представительствѣ, былъ снятъ у насъ съ очереди председателемъ собранія, въ то время какъ въ сосѣднемъ близозерскомъ собраніи принятъ единогласно. Когда наши гласные узнали объ исходѣ вопроса въ Блзозерскомъ уѣздѣ, то большинство изъ нихъ отравило близозерскому предводителю дворянства слѣдующую телеграмму: «Гласные кирилловскаго земства поздравляютъ симпатичнаго земца съ проведеніемъ важнаго доклада».

Памяти Якова Петровича Полонскаго.

Умеръ бѣдный Яковъ Петровичъ. Совершилось то великое и страшное, чего самъ онъ, страдая, ждалъ минутами съ томительнымъ нетерпѣніемъ, чего съ тяжелой скорбью ждали близкіе ему. Не умеръ, а постепенно изаялъ живыню, какъ высыхаетъ кипучій и чистый родникъ, берущій начало въ недостижимой глубинѣ. На дѣл рудника остается немного ила,—осталось лежащее теперь въ гробу бездыханное тѣло, страшно изурневно старостью и болѣзнями. Свѣтлая душа исчезла, какъ испаряется прозрачная влага въ синевѣ небесной...

Уже въ пятницу, когда я зашолъ узнать о здоровьѣ Якова Петровича, мнѣ сказали, что онъ лежитъ въ адыбты, что ему даютъ камфору, мадеру, чтобы поддержать сердце. Доктора говорили, что на одномъ лишь сердцѣ живанъ еще держится...

И я таянусь... Таянусь въ одну струну...

Что если сердце оборвется?

И оно оборвалось, наконецъ. Въ воскресенье Полонскаго не стало.

Почти семьдесятъ лѣтъ * близокъ это горячее сердце изъ секунды въ секунду съ бѣнами сердецъ еще нашихъ пращуровъ и дѣдовъ, отцовъ и насъ самихъ, съ каждымъ вдохомъ безчисленныхъ милліоновъ людей нарождавшихся и умирающихъ. За часъ еще до смерти пульсъ былъ 82, сердце билось спокойно, — и наконецъ, тихо, безъ страданій, остановилось...

Поработало—таки это могучее сердце и пострадало, если вспомнить его удивительную вѣжность, его чуткость ко всему, что въ человечествѣ творилось въ нашъ буйный вѣкъ, столь гордый и немачный. Вспомните, что Полонскій родился еще когда Пушкинъ былъ юношей, а Лермонтовъ—четырехлѣтнимъ ребенкомъ. Онъ проеулся къ жизни въ эпоху героическую, почти средневѣковую—такъ далека она отъ насъ, забывшихъ крѣпостного быта. Начиная вѣкъ нашего Возрожденія, золотой вѣкъ поэзіи и литературы. Полонскій пережилъ—и не какъ зритель, а какъ артистъ—всю великую сцену нашего духовнаго расцвѣта и дождался даже упадка его... Полонскій не изъ книгъ, какъ мы, знакомъ былъ съ именами Жуковскаго, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Крылова, Вязническаго... Онъ съ ними жилъ, съ ними дѣйствовалъ, онъ самъ участвовалъ въ подвигѣ собранія духа народнаго въ вѣчныхъ его выраженіяхъ. Судьба бросила Полонскаго въ общество великихъ талантовъ; его друзьями были Майковъ, Тютчевъ и Фетъ,—и онъ не потерялся въ ихъ блестящій, а самъ сверкалъ изъумительными лучами. Среди большихъ поэтовъ онъ не казался малымъ,—нѣтъ! Онъ принадлежалъ къ ихъ-же удивительной, съ нимъ совѣмъ вымершей породѣ. Пусть у него не было стихійной глубины Тютчева, чарующей граціи Фета, ясной законченности Майкова, но у кого изъ нашихъ поэтовъ было столько задушевной вѣжности, какъ у Полонскаго, столько сердечной прелести и той правды, которая дается младенчески-чистому взгляду на міръ? Въ пяти томахъ его лирическихъ стихотвореній не все одинаково цѣнно (какъ даже у Пушкина), но если отобрать—какъ у Тютчева и Фета—одни перлы, какаго это красота, какаа жизнь!

Первый томикъ свой Полонскій выпустилъ пятьдесятъ-четыре года тому назадъ. Ветупленіе его въ жизнь было омрачено гибелью цѣлой рати нашихъ поэтовъ—Грибѣдова, Пушкина, Лермонтова, Габельо Ватюшкова, Рылѣва, Веневитинова, Полежаева... Полонскій вѣжеть съ Майковымъ и Фетомъ поднялся, точно свѣжіе козосы на побитой грозовой тучей нивѣ нашей поэзіи, и сурово встрѣтила его жизнь. Влюбленный въ красоту и въ правду, онъ пережилъ все тогдашнія терзанія, пережилъ гнетъ бѣдности и подневольной работы, пережилъ и тѣ гоненія, которыя стѣсняли литературу полѣвѣка тому назадъ. Но какую сверхъ того драму вынесъ онъ со всей Россіей! Онъ изнемогалъ отъ несправедливости дѣи нашихъ пораженій, онъ упивался вадждами освобожденія и видѣлъ самъ воочию ту великую эпоху. Сколько кипучей страсти, восторговъ, мечтаній, борьбы вынесла вѣжная душа поэта! Она перенесла то, что не выветится и въ сотни томовъ. Вспомните, сколько за эти семьдесятъ лѣтъ однихъ войнъ пережила Россія—войну турецкую, персидскую, польскую, венгерскую, крымскую, вторую польскую, кавказскую, вторую турецкую, среднеазиатскіе походы... Отзычивый поэтъ перенесъ всю тревогу родной исторіи, онъ пылко волновался, какъ въ русскіе и европейскіе событія—а какаа пестрая, ослѣпительная по блеску эта полоса нашего вѣка, начиная съ бурнаго 48 года! Какія феерическія войны, какіе перевороты! Но что значили эти все волненія въ сравненіи съ внутреннимъ безпримѣрнымъ движеніемъ въ самой Россіи. Вся она тогда была въ броженіи какъ гигантскій чашъ съ винограднымъ сокомъ. Все видѣли, что готовилось или драгоцѣнное вино, или дешевый уксусъ—смотря по внаманію къ этому бурному процессу, смотря по искусству управлять имъ. Полонскій былъ самъ среди ферментовъ этого броженія, онъ стоялъ въ ряду великихъ идеалистовъ того времени, «людей сороковыхъ годовъ». Онъ былъ старше Льва Толстого и немного моложе Тургенева, онъ работалъ въ одно время съ ними, съ Достоевскимъ, Гончаровымъ, Щедринымъ, Некрасовымъ, Добролюбовымъ, Писаревымъ... Всю эпоху «бурь и патиска» онъ пережилъ на полѣ журнальныхъ битвъ—не столько сражался, сколько держалъ знамя мира, поэзіи и красоты. На него сыпалась грома тогдашней критики, Полонскаго обвиняли въ мракѣбесіи, но прочитайте его стихотвореніе «Литературный врагъ», чтобы оцѣнить, съ какимъ достоинствомъ держалъ себя поэтъ въ этой журнальной евакѣ:

* Во всѣхъ некрологахъ и биографіяхъ говорится, что И. П. Полонскій родился 6-го дек. 1820 года. Но онъ самъ мнѣ не разъ говорилъ, что это ошибка; онъ родился въ 1819 году.

Ил. 7. Некролог, написанный М.О. Меньшиковым и опубликованный в газете «Неделя» (1898 г., № 43)

Возрождения, золотой век поэзии и литературы»¹, стал поэтом-долгожителем, прошедшим «с Россией почти десятую часть всей истории её», вобравшим «в себя весь дух народный»². Определяя место усопшего в поэтическом пантеоне, Меньшиков писал, что Полонский был участником «духовного расцвета» России: он вместе с Жуковским, Пушкиным, Лермонтовым, Гоголем, Тютчевым, Майковым, Фетом и другими «участвовал в подвиге собирания духа народного в вечных его выражениях»³.

Время столкновений общественных сил (1840-е – 1860-е гг.) публицист назвал эпохой «брожения», когда было не понятно, «что готовилось или драгоценное вино, или дешёвый уксус»⁴. По мнению Меньшикова, Полонский «был сам среди ферментов этого брожения, ...стоял в ряду великих идеалистов того времени, ...не столько сражаясь, сколько держа знамя мира, поэзии и красоты»⁵. Так критиком была сформулирована, с одной стороны, близость поэта к высоким идеалам представителей «чистого» искусства, с другой стороны, его умение быть объективным и сохранять высокий идеал искренности и правды в «журнальной схватке».

Поэзия Полонского наполнена выражением «сердечной нежности», «задушевной прелести», «правды, которая даётся младенчески чистому взгляду на мир»⁶. Другая грань таланта поэта – умение, живя тревогой России, всей душой откликаться на многие события. Сердце Полонского, по мысли Меньшикова, не могло не переживать,

было глубоко вовлечено в жизнь отечества: «...какую... драму вынес он со всей Россией! Он изнемогал от печали в дни наших поражений, он упивался надеждами освобождения и видел сам воочию ту великую эпоху»⁷.

Полонский как русский человек, по мысли публициста, вобрал «в себя весь дух народный», и как народ он был «глубокий консерватор»⁸. Консерватизм Полонского Меньшиков называл близким к консерватизму Хомякова, Киреевского, Аксаковых и определял его словом «жизненный», не исключавшим «свободы как органического условия жизни»⁹.

Точной даты знакомства с Полонским Меньшиков в некрологе не назвал, указав, что познакомился с поэтом «лет шесть или семь назад»¹⁰, то есть в 1891–1892 гг. Действительно, знакомство с поэтом началось по переписке, когда Меньшиков в ноябре-декабре 1892 г. просил поучаствовать Я.П. Полонского в юбилейных торжествах в честь П.А. Гайдебурова¹¹. Несколько раньше, в июле 1892 г., Меньшикову передавали благосклонный отклик Полонского о его литературных статьях¹².

В некрологе Меньшиков искренне писал о том, что Полонский к нему, начинающему литературному критику, отнёсся сердечно и был «благосклонен и добр»¹³. Полонский не мог принять либеральных убеждений Меньшикова. Критик зафиксировал отношение поэта к оппонентам и к себе: «Особенно трогала меня благородная его терпимость к мнениям, кото-

¹ Там же.

² Там же. Стб. 1387.

³ Там же. Стб. 1386.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же. Стб. 1387.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ ГРАЛИ. Ф. 2169. Оп. 1, Д. 8. Л. 1–1об.

¹² ОХДЛСМ. Ф. 202. Оп. 1, Д. 23. Л. 36.

¹³ Меньшиков М.О. Памяти Якова Петровича Полонского... Стб. 1387.

рых он не разделял»¹. О проявившихся в переписке «неровностях» в отношениях публициста с Полонским свидетельствовала также фраза: «Он не скупился на одобрения, но и не скрывал и укоров, которые делал с редким добродушием»².

Со смертью Я.П. Полонского, по мнению Меншикова, завершился великий Золотой век поэзии, «погасла последняя её заря»³. Всем своим существом поэт «был моложе некоторых» молодых поэтов, живших в «умственном удушье»⁴, старик-Полонский «до последнего вздоха жил великими очарованиями, был влюблён в природу, был весь полон божества и сострадания к людям»⁵.

Завершая размышления об уходе из жизни последнего русского поэта Золотого века, Меншиков обращался к современникам-читателям и писателям, увлекавшимся декадентскими настроениями: «Смерть последнего нашего знаменитого поэта есть великое напоминание. Не пора ли очнуться от унылой прозы, в которой мы погрязли? Не пора ли выйти из умственного удушья и вернуться к настроениям радостным и прекрасным, чего бы это ни стоило? Иначе для чего же приходили в мир великие поэты...»⁶.

Критик и публицист Меншиков выступил в этом небольшом некрологе как глубокий знаток русской поэзии, как аналитик, осознавший сущность консервативной линии развития русской классики, проникший в сущность различных литературных конфликтов, искренне любивший и любящий воплощение русской народной души в лучших представителях отечественной литературы в целом и в личности Я.П. Полонского в частности. Развитие их публицист вопло-

тит в литературно-критических статьях «Клевета обожания» (1899), «Красивый цинизм» (1900), «Свиньи и бесы» (1907), «Он — не ваш» (1909), «Памяти Ф.М. Достоевского» (1911), «Быть ли России великой?» (1911), «Могильщикам России» (1914), «Сеятели ветра» (1914) и др.

Взаимоотношения М.О. Меншикова с Я.П. Полонским, длившиеся с начала 1890-х и завершившиеся со смертью поэта, стали очередным этапом в постепенном приближении сущности мировоззрения публициста к идеям консервативной русской мысли.

Особую роль в этом процессе сыграли терпимость Якова Петровича, его открытость и жизнелюбие, вера в хорошее в человеке и жажда взаимопонимания, незлобие и способность прощать обиды, которые вольно или невольно мог нанести Меншиков-публицист. Нельзя сказать, что Меншиков сразу после смерти Полонского становится консервативным публицистом. Но можно утверждать, что выдающиеся русские писатели, поэты, публицисты, с которыми он общался, — и С.Я. Надсон, и Л.Н. Толстой, и Н.С. Лесков, и А.П. Чехов, и Я.П. Полонский, и П.Е. Накрыхин, и А.Н. Рыкачев, и П.А. Гайдебуров, и В.С. Соловьев, и В.В. Розанов, и А.С. Суворин, и многие другие — помогли ему, талантливому морскому офицеру-самоучке, получившему техническое образование и увлекавшемуся в юности «левыми» идеями, подниматься по лестнице понимания мира во всей его сложности, способствовали духовному развитию и стремлению к приобретению знаний. И Яков Петрович Полонский в перечисленном ряду влиявших на М.О. Меншикова личностей занимает далеко не последнее место.

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Стб. 1387–1388.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жаворонков Д. В. Писатель и его критик: письма М.О. Меньшикова Л.Н. Толстому 1890-х – начала 1900-х гг. // Филология: научные исследования. 2018. № 3. С. 75–89.
2. Жирков Г.В. Се человек... Публицистическое слово Л.Н. Толстого к человеку и человечеству. М.: Флинта, 2019.
3. Крижановский Н.И. Публицистика М.О. Меньшикова в контексте критико-философской мысли рубежа XIX–XX веков. Армавир: РИО АГПА, 2012.
4. Санькова С.М., Орлов А.С. Михаил Меньшиков. СПб.: Наука, 2017.
5. Антон Чехов и его критик Михаил Меньшиков: переписка, дневники, воспоминания, статьи / Сост., статьи, подгот. текстов и примеч. А.С. Мелковой. М.: Русский путь, 2005.
6. Трофимова В.Б. Литературно-критические взгляды М.О. Меньшикова // Литературоведческий журнал. 2013. № 32. С. 146–168.
7. Крижановский Н.И. Михаил Меньшиков и Максим Горький: не прямой диалог // Вопросы литературы. 2014. № 2. С. 66–93.
8. Крижановский Н.И. Публицистика М.О. Меньшикова (1859–1918): проблемно-тематический спектр, эволюция миропонимания, критико-философские диалоги с современниками. (К 100-летию трагической гибели публициста). Армавир: ИП Ершова О.А., 2019.
9. Покровский В.И. Яков Петрович Полонский: Его жизнь и сочинения: Сборник историко-литературных статей / Сост. В.И. Покровский. М., 1906.
10. Орлов П.А. Я.П. Полонский. [1819–1898]: Критико-биографический очерк. Рязань: Книжное изд-во, 1961.
11. Федосеева Т.В. Творчество Я.П. Полонского: о направлениях современного изучения // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2014. № 3 (44). С. 66–83.
12. Я.П. Полонский: личность, творчество, эпоха (посвящается 200-летию со дня рождения поэта): Сборник статей по материалам II Международной научно-практической конференции (10–12 октября 2019 г.) / Науч. ред. Т.В. Федосеева; Отв. ред. А.А. Решетова. Рязань: Ряз. гос. ун-т им. С.А. Есенина, 2019. Вып. 2.
13. Жарова Ю.И. Поиск «героя времени» в романе Я.П. Полонского «Нечаянно» // Там же. С. 57.
14. Пращерук Н.В. Вероучение Л.Н. Толстого в оценке Я.П. Полонского: о статье «Заметки по поводу одного заграничного издания и новых идей гр. Л.Н. Толстого» (1895) // Церковь. Богословие. История. 2020. № 1. С. 276.

Mikhail Menshikov and Yakov Polonsky: The History of Relations

Nikolay Igorevich Krizhanovskiy – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Journalism and Journalistic Skills of Kuban State University, head of the project "Chronicle of the life and work of M.O. Menshikov" (20-012-00153 A).

E-mail: ant.kim@mail.ru

Due to the close attention of many researchers to the crisis period, a turning point for the Russian society of the late 19th – early 20th centuries, at the present stage of the humanities, it has become necessary to study in detail the biography and comprehend the creative heritage of the outstanding Russian journalist and critic M.O. Menshikov (1850–1918). The author provides previously unknown insights into the life and work of the popular publicist – the relationship with Ya.P. Polonsky. Based on the extensive material of Menshikov's articles and diary, as well as his correspondence with Ya.P. Polonsky and the works of the poet, the point that Polonsky, in 1891–1898, contributed to Menshikov's gradual shift to conservative ideas, is conceptually substantiated. The Russian

poet, with his letters, remarks during communication, advice, reaction to the texts of the publicist influenced his worldview and spiritual growth, contributed to the formation of conservative ideals in his work. Menshikov defended the European liberal ideals in the rather controversial article "Two Truths" (1893) written about Polonsky's poem "Dogs", but in his obituary dedicated to the poet (1898) he appeared as the heir to the conservative Russian tradition.

Keywords: M.O. Menshikov, Ya.P. Polonsky, publicism, literature, journalist, poet, relationships, conservatism, liberalism

REFERENCES

1. Zhavoronkov D.V. Pisatel' i ego kritik: pis'ma M.O. Men'shikova L.N. Tolstomu 1890-kh – nachala 1900-kh gg. // Filologiya: nauchnye issledovaniya. 2018. № 3. S. 75–89 (in Russian).
2. Zhirkov G.V. Se chelovek... Publitsisticheskoe slovo L.N. Tolstogo k cheloveku i chelovechestvu. M.: Flinta, 2019 (in Russian).
3. Krizhanovskii N.I. Publitsistika M.O. Men'shikova v kontekste kritiko-filosofskoi mysli rubezha XIX–XX vekov. Armavir: RIO AGPA, 2012 (in Russian).
4. San'kova S.M., Orlov A.S. Mikhail Men'shikov. SPb.: Nauka, 2017 (in Russian).
5. Anton Chekhov i ego kritik Mikhail Men'shikov: perepiska, dnevniki, vospominaniya, stat'i / Sost., stat'i, podgot. tekstov i primech. A.S. Melkovo. M.: Russkii put', 2005 (in Russian).
6. Trofimova V.B. Literaturno-kriticheskie vzglyady M.O. Men'shikova // Literaturovedcheskii zhurnal. 2013. № 32. S. 146–168 (in Russian).
7. Krizhanovskii N.I. Mikhail Men'shikov i Maksim Gor'kii: nepryamoi dialog // Voprosy literatury. 2014. № 2. S. 66–93 (in Russian).
8. Krizhanovskii N.I. Publitsistika M.O. Men'shikova (1859–1918): problemno-tematicheskii spektr, evolyutsiya miroponimaniya, kritiko-filosofskie dialogi s sovremennikami. (K 100-letiyu tragicheskoi gibeli publitsista). Armavir: IP Ershova O.A., 2019 (in Russian).
9. Pokrovskii V.I. Yakov Petrovich Polonskii: Ego zhizn' i sochineniya: Sbornik istoriko-literaturnykh statei / Sost. V.I. Pokrovskii. M., 1906 (in Russian).
10. Orlov P.A. Ya.P. Polonskii. [1819–1898]: Kritiko-biograficheskii ocherk. Ryazan': Knizhnoe izdvo, 1961 (in Russian).
11. Fedoseeva T.V. Tvorchestvo Ya.P. Polonskogo: o napravleniyakh sovremennogo izucheniya // Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S.A. Esenina. 2014. № 3 (44). S. 66–83 (in Russian).
12. Ya.P. Polonskii: lichnost', tvorchestvo, epokha (posvyashchaetsya 200-letiyu so dnya rozhdeniya poeta): Sbornik statei po materialam II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (10–12 oktyabrya 2019 g.) / Nauch. red. T.V. Fedoseeva; Otv. red. A.A. Reshetova. Ryazan': Ryaz. gos. un-t im. S.A. Esenina, 2019. Vyp. 2 (in Russian).
13. Zharova Yu.I. Poisk «geroya vremeni» v romane Ya.P. Polonskogo «Nechayanno» // Tam zhe. S. 57 (in Russian).
14. Prashcheruk N.V. Verouchenie L.N. Tolstogo v otsenke Ya.P. Polonskogo: o stat'e «Zametki po povodu odnogo zagranichnogo izdaniya i novykh idei gr. L.N. Tolstogo» (1895) // Tserkov'. Bogoslovie. Istoriya. 2020. № 1. S. 276 (in Russian).

Индекс УДК 725.24(518)

Код ГРНТИ 67.07.01

DOI: 10.22204/2587-8956-2022-110-03-104-116

А.А. КИМ*

Периодизация развития архитектуры банковских учреждений Маньчжурии

В статье рассмотрены особенности развития архитектуры банковских учреждений Маньчжурии конца XIX – первой половины XX в. Разработана классификация банковских учреждений на основе национальной принадлежности (иностранцы, китайские, банки Маньчжоу-го) и масштабов финансовой деятельности организаций (локальные, провинциальные, всекитайские, международные), что отразилось как на расположении объектов в городской структуре, так и на стилистических и типологических особенностях. Подробно рассмотрен процесс развития банковской архитектуры и формирования типовых объёмно-пространственных решений для данного рода объектов, применяемых в регионе. Выделены четыре основных этапа развития, связанных с геополитическими изменениями в регионе. Первый этап (1898–1913 гг.) – становление банковских учреждений региона, превалирование русских и японских организаций, использование мотивов неоренессанса. Второй этап (1913–1924 гг.) – активное развитие китайских банковских учреждений на базе доходных домов в китайско-западном стиле. Третий этап (1924–1932 гг.) – поглощение и слияние мелких банковских учреждений, формирование типологии и стилистики японской банковской архитектуры, основанной на неоклассицистических подходах, и её заимствование в китайской архитектуре банковских учреждений. Четвёртый этап (1932–1942 гг.) – поглощение большинства китайских и иностранных банков государственными банками Маньчжоу-го, которые продолжали развитие типологии, применяемой в японских постройках.

Ключевые слова: архитектура, банк, Маньчжурия, Китай

О тличительными особенностями развития архитектуры Китая второй половины XIX – первой половины XX в. стали стремительная трансформация подходов к архитектурному

проектированию и переориентация их с сохранения исторических традиций на путь западного развития. Ключевую роль в этом сыграло иностранное проникновение, когда в ранее изолирован-

* **Ким Антон Андреевич** — кандидат архитектуры, доцент кафедры архитектуры и урбанистики, научный сотрудник отдела сопровождения научной деятельности Тихоокеанского государственного университета, исполнитель проекта «Архитектура банковских и консульских учреждений Маньчжурии конца XIX – начала XX века» (20-012-00316).
E-mail: ant.kim@mail.ru

ную от внешнего мира страну стали массово проникать европейцы, которые одновременно привносили свою культуру и архитектуру [1]. Первыми зонами таких проникновений стали южный и центральные регионы страны — зоны международной торговли, такие как Гонконг, Шанхай, Тяньцзинь, Ухань, Циндао и др., где интеграция западной архитектуры начала происходить уже в середине XIX в.

Позднее аналогичные процессы начали протекать в Северо-Восточном Китае — Маньчжурии, находящейся в зоне интересов Российской и Японской империй [2]. Характерной особенностью этой территории, в отличие от южных и центральных районов, стало довольно позднее экономическое развитие, в основном пришедшее на первую половину XX в. Помимо этого, в отличие от многонациональных концессий большинства крупных открытых портов, здесь в развитии территории превалировала одна страна: на севере — Россия, на юге — Япония, что отразилось как на планировочной структуре города, так и на образных решениях местной архитектуры. Активизация строительства новых городов и формирования иностранных кварталов в существующих стала привлекать в регион представителей различных государств, что также способствовало ускоренному развитию, с одной стороны, китайских кварталов и городов-спутников — с другой [3]. Всё это требовало ускоренного развития финансовой системы, что привело к появлению различных банковских учреждений.

Обзор литературы

Изучению западной архитектуры на территории иностранных селтльментов, концессий и колоний посвящено большое число работ, среди которых превалируют труды по архитектуре центральных и южных городов Китая [4–9]. Работы российских учёных направлены в первую очередь на изучение русского архитектурного наследия на территории Северо-Восточного Китая — Маньчжурии [10–15].

Отличительной особенностью этих работ является привязка к национальной составляющей архитектуры, что выражается в преимущественном исследовании объектов, построенных или находившихся в пользовании представителей национальной колонии. Для этих работ характерен локальный подход, когда в основном анализируются постройки одного города, что в конечном счёте не может дать полной картины развития европейской архитектуры в этом регионе. Аналогичный подход прослеживается и в китайских работах, где объекты рассматриваются в рамках одного города, в первую очередь Харбина, не выходя за его пределы [16–18].

Второй проблемой ввиду относительно недавнего начала изучения архитектуры Маньчжурии первой половины XX в. является практически полное отсутствие типологической классификации объектов и выявления их особенностей, в то время как стилистическому анализу уделено гораздо большее внимание. Во многом такой подход связан с особенностью ускоренного развития иностранных кварталов рассматриваемых городов, что привело к малой доле специализированных построек и адаптации доходных домов под различные нужды. Рассматривая объекты банковских учреждений, можно отметить, что постройки этого типа в большей степени были специализированными ввиду строгих функционально-планировочных требований к организации внутреннего пространства.

Методика

Для проведения анализа развития архитектуры банковских учреждений были отобраны крупные (на рассматриваемый период) города, расположенные на железнодорожных линиях КВЖД (Китайско-Восточная железная дорога) и ЮМЖД (Южно-Маньчжурская железная дорога), — Маньчжурия, Цицикар, Харбин, Чанчунь, Гирин, Телин, Шэньян, Инкоу, Далянь, Дандун, Хайлар.

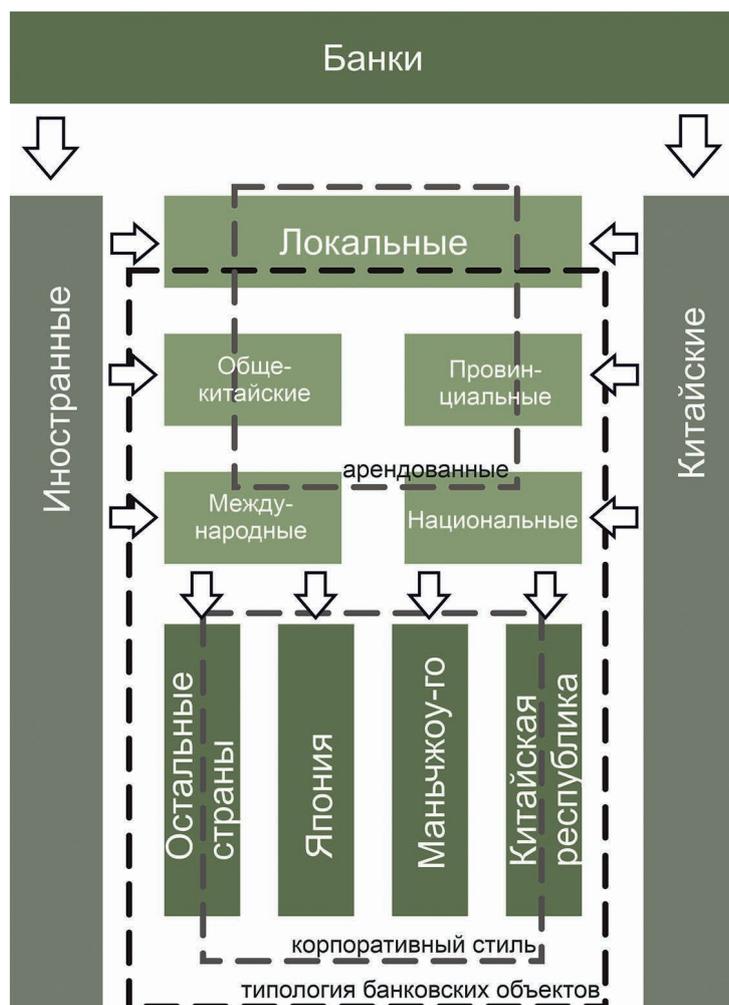

Рис. 1. Классификация банков

В ходе изучения и анализа литературных, архивных, картографических и фотографических источников были выявлены 104 объекта, в которых располагались банковские учреждения в конце XIX – первой половине XX в. При этом из выборки мы сознательно исключили многочисленные частные китайские банки и меняльные конторы, которые, как правило, располагались в арендных помещениях, реже – в арендных домах. Большинство из них обслуживало интересы исключительно китайской части населения и существовало менее года, а после 1932 г. их полностью закрыли власти Маньчжоу-го. Анализ сохранившихся адресных справочников за 1920-е гг. говорит как о массовом характере таких объектов, так и о недолгом периоде их существования [19–21].

С учётом развития в условиях системы двойной администрации города, представленной китайской и колониальной частями, а также особенностей политического устройства Китая периода Республики (1911–1949 гг.) с большой автономией местного самоуправления были выделены три группы банковских учреждений, действовавших в разные периоды и для разных групп населения. На основе полученных данных проведён анализ и структурированы особенности выбора городов для расположения банковских учреждений, принципы их размещения в городской застройке.

Также разработана периодизация развития банковских учреждений, связанная в первую очередь с изменением геополитической обстановки в регионе, в котором за исследуемый период сменились два политических режима (империя, республика), находились два государства (Китай, Маньчжоу-го) и две арендные зоны иностранных государств (Россия, Япония). Проведён анализ типологического и стилистического развития архитектуры банковских учреждений в зависимости от периода развития и национальной принадлежности.

Классификация банковских учреждений

Банковские учреждения Маньчжурии представлены тремя основными группами: иностранные банки, местные китайские банки, банки Маньчжоу-го (рис. 1). В основе этой классификации лежат целевая аудитория банковских учреждений и характер их размещения в структуре городской застройки. В большинстве случаев иностранные банки располагались в колониальной части города и обслуживали интересы как иностранного, так и местного населения, а также коммерческих орга-

низаций и промышленных предприятий. Параллельно им функционировали китайские банки, которые были сконцентрированы в китайских кварталах или городах-спутниках и ориентировались исключительно на потребности китайского населения и предприятий [22].

В период активного развития этих групп банковских учреждений до 1932 г. характерна группировка банков в пределах небольших участков города, что привело к формированию банковских кварталов и улиц. Третья группа учреждений – банки Маньчжоу-го – появилась в 1932 г. с учреждением одноимённого государства, и они стали играть ведущую роль в регионе, фактически объединив функции иностранных и китайских банковских организаций, подавляющая часть которых была в скором времени закрыта.

По уровню финансового влияния иностранные банки можно разделить на такие подгруппы, как локальные, общекитайские и международные. Первые в основном были представлены различными сберегательными сообществами (Банк общества взаимного кредита, Пригородный банк и др.) и обслуживали интересы физических лиц, зачастую по профессиональному или национальному признаку. Для банков такого типа характерны аренда помещений и частая смена расположения, что приводило к отсутствию типологических и стилистических закономерностей их развития. Среди таких банков необходимо выделить еврейские банки (Конкорд банк, Еврейский народный банк и др.), сохранявшие свою эффективность в период Маньчжоу-го и располагавшиеся в зданиях еврейской общины.

Общекитайские и международные банки в основном были нацелены на обслуживание интересов юридических лиц и проведение денежной эмиссии. Основным отличием этих банков являлся регион функционирования. Общекитайские (Русско-Китайский банк, ранняя Гонконг-Шанхайская банковская корпорация) в основном были ориентированы на китай-

ский рынок с небольшим выходом за его пределы. В то время как международные банки (Чартаред Банк, Национальная банковская корпорация) в первую очередь были нацелены на международные рынки. Для обеих групп характерны расположение в специально построенных зданиях, а также с середины 1920-х гг. – применение единых объёмно-композиционных решений для различных филиалов. Среди этих банков выделяются японские (Иокогама спешу банк, Банк Кореи, Восточная девелоперская компания), русские (Русско-Китайский банк), британские (Гонконг-Шанхайская банковская корпорация, Чартаред банк) и американские (Национальная банковская корпорация, Трифткор банк). Именно они оказали наибольший вклад в развитие типологии и стилистики банковской архитектуры региона. Как правило, такие банки располагались в наиболее крупных городах – Харбине, Даляне, Чанчуне, Шэньяне, в их коммерческих районах, где они зачастую выступали доминантами окружающей застройки. В то же время здания Русско-Китайского банка размещались в административных зонах КВЖД, что отражает его статус бенефициара железнодорожной линии. Японские же банки в основном размещались в зонах японских кварталов, а после 1905 г. крупные отделения стали располагать на центральных площадях, от которых радиально расходились основные магистрали. Подобный приём позже был перенят государственными банками Маньчжоу-го.

Китайские банки представлены следующими подгруппами: меняльные конторы, локальные, провинциальные и национальные. Первая группа, как отмечалось выше, не рассматривалась в рамках настоящего исследования. Локальные китайские банки схожи с локальными иностранными банками по функционалу и особенностям размещения (Промышленный банк Чанчуня, Торгово-промышленный банк Фэнтяна и др.). Большинство из них прекратило своё существование в 1932 г. Провинциальные (Цзилин Юнхэн Банк, Банк трёх

Рис. 2. Русско-Китайский банк, г. Харбин, 1902 г.

восточных провинций, Банк Гунчэн) и национальные китайские банки (Банк Китая, Банк Коммуникаций, Баолун банк и др.) схожи с общекитайскими и международными банковскими корпорациями, они также были нацелены на обслуживание юридических лиц и занимались денежной эмиссией. Отличие состояло в преимущественной ориентации деятельности исключительно на Маньчжурию для провинциальных, либо на весь Китай – для общекитайских. Оба типа банков имели собственные здания, однако для провинциальных организаций было характерно отсутствие единой типологии. Стилистика, как правило, не отличалась от окружающей европеизированной застройки китайских кварталов и представляла собой вариации китайского барокко. В то же время национальные банки с 1920-х гг. проектировались по образцу японских банковских учреждений.

Третий тип – банки Маньчжоу-го, которые сформировались в 1932 г. и на начальном этапе располагались в зданиях поглощённых провинциальных банков, а также переданных правительству японской стороной зданий Банка Кореи. Наиболее известными банками являются Центральный банк Манчжоу-го [23], который занимался как денежной эмиссией, так и обслуживанием бизнеса и населения, и Центральный промышленный банк Маньчжоу-го. Объёмно-планировочные, композиционные и стилистические решения этих банков стали продолжением развития типологии банковских учреждений Японии.

Периодизация развития

В развитии банковских учреждений Маньчжурии можно выделить четыре основных этапа. Первый этап (1898–1913 гг.) характеризуется началом становления финансовой системы региона и появлением

Рис. 3. Иокогама спешу банк, г. Далянь, арх. Цумаки Ёринака и Такеси Ота, 1909 г.

первых банковских учреждений. Их отличительной особенностью являлась ориентация на обслуживание юридических лиц, с одной стороны, и жёсткое разграничение обслуживания местного и иностранного населения — с другой. Таким образом, сформировались предпосылки для последующего деления на местные и иностранные банки, а также для концентрации крупных банков в ключевых городах региона.

Из построек этого периода можно выделить русские и японские банки, которые заложили основу типологии и стилистики банковских учреждений, транслировавшуюся по КВЖД и ЮМЖД. Первые русские банки размещались либо в существующих китайских постройках, либо в утилитарных сооружениях КВЖД. Однако уже с середины 1900-х гг. началось активное строительство специально построенных учреждений, в стилистике которых отмечался эклектичный подход, сочетающий

элементы итальянского неоренессанса, неоклассицизма, а также в ряде зданий — модерна и русского стиля (рис. 2).

Для японских построек характерно применение так называемого стиля Тацуно (рис. 3), данного по имени архитектора Тацуно Кинго (辰野金吾). Этот стиль являлся синтезом элементов северного неоренессанса и необарокко с характерным цветовым сочетанием красного кирпича и светлого декора в виде горизонтальных тяг, равномерно расположенных на плоскости фасада. В объёмно-пространственной композиции построек этого периода можно выделить стремление к применению центрально-осевой симметрии и использование сложной объёмно-пространственной композиции с многочисленными эркерами, башенками, ризалитами и т.д.

Также стоит отметить, что в обоих случаях стилистическими прообразами высту-

Рис. 4. Банк коммуникаций, г. Харбин, арх. Чжуан Цзюнь, 1928 г.

пали различные прочтения архитектуры Возрождения, что коррелирует с мировой тенденцией XIX в., при которой банковская архитектура опиралась на итальянские аналоги. Помимо этого, схожим было то, что зачастую проектирование велось в метрополии, откуда в Маньчжурию передавались рабочие чертежи.

Второй этап относится к 1913–1924 гг. и связан с изменениями в китайском обществе, произошедшими во время Синьхайской революции. Они выразились в появлении и активном развитии большого количества банковских учреждений, которые концентрировались в китайских кварталах или городах-спутниках. В основном они были представлены небольшими организациями, располагавшимися в доходных домах. Таким образом они существенно не влияли на развитие образа банковской архитектуры, но способствовали формированию китайских финансовых кварталов. Стилистика таких сооружений, как правило, отражала особенности местно-

го эклектичного восприятия европейской архитектуры, тесно переплетённой с традиционным декором, так называемым китайским барокко.

В то же время последовательное экономическое развитие региона привело к появлению филиалов крупных иностранных и китайских банков, которые стали размещаться в специально построенных объектах. В этот период практически не возводились крупные русские банки, а после распада Российской империи и банкротства Русско-Азиатского банка российские финансовые учреждения были представлены только локальными организациями, не определявшими образ банковской архитектуры региона. В то же время развитие японской банковской архитектуры проходило в рамках упрощения объёмно-пространственной композиции и постепенного отхода от необарочных форм к неоренессансу и неоклассике.

Рассматривая другие иностранные банки, необходимо отметить, что для англий-

ских и американских учреждений, в значительной степени представленных в регионе, на этом этапе использовались арендованные здания, большинство из которых на сегодняшний день утрачено. Крупные китайские банки, в первую очередь Банк Китая и Банк Коммуникаций, в значительной степени следовали тенденции японской банковской архитектуры. Так их первые постройки во многом перекликались со стилем Тацуно.

Третий период (1924–1932 гг.) связан с уменьшением роли России в регионе и началом экономического кризиса в Маньчжурии середины XX в. Этот период характерен поглощением и слиянием мелких банковских учреждений, а также формированием образа банковской архитектуры. В его основе лежала японская интерпретация классицистических мотивов, появившаяся в работах Ёситоки Нисимура (西村好時) и отработанная в банковском строительстве в метрополии и колониях Японии.

В архитектуре японских и китайских банков закрепляется применение центрально-осевой симметрии и практи-

чески повсеместно начинается использование ордерной системы в виде колоннады, фланкированной ризалитами. Практически полностью исчезают барочные мотивы, а элементы неоренессанса остаются только в ряде провинциальных банков, где они сочетаются с различными вариациями ордерной системы. Также для китайских банков, выполненных в классицистических мотивах, характерны большее использование декоративных элементов и высокая степень их проработки по сравнению с японскими учреждениями, где декор последовательно упрощался (рис. 4).

Для европейских банков характерно строительство филиалов в наиболее крупных городах, при этом их проектированием занимались проектные организации, расположенные в метрополии или Шанхае и Гонконге. Эти объекты характеризовались центрально-осевой симметрией и использованием как неоклассицистических, так и неоренессансных мотивов (рис. 5). Практически повсеместно применялся ордер в оформлении порталов, а также использовались колоннады или аркады. Корпоративный стиль был выра-

Рис. 5. Гонконг-Шанхайская банковская корпорация, г. Харбин, 1923 г.

Рис. 6. Центральный банк Маньчжоу-го, г. Чанчунь, арх. Ёситоки Нисимура

жен только в объектах Национальной банковской корпорации, где использовались композиционные приёмы колоннады в сочетании с арочными проёмами, которые встречаются в ряде филиалов за пределами Китая, в том числе в США.

В целом для банков этого периода характерен рост площади объектов, приведший к тому, что помимо рядового расположения они стали занимать угловое, при котором композиционная ось и входной портал смещались на угол, а сами здания становились композиционными акцентами уличного ансамбля и в ряде случаев замыкали его.

Четвёртый этап (1932–1942 гг.) связан с коренными изменениями в финансовой системе региона, произошедшими в результате образования прояпонского марионеточного государства Маньчжоу-го. В результате многочисленных ограничений финансовой деятельности практически полностью прекратили свою деятельность большинство иностранных и китайских банков. Следствием этого стало прак-

тически полное прекращение строительства китайских и зарубежных банковских учреждений, за исключением ряда японских банков, в первую очередь Июкогама спешу банка. В начале периода было завершено строительство нескольких иностранных банков (Гонконг-Шанхайская банковская корпорация в Шанхае, Национальная банковская корпорация в Даляне), проекты которых были разработаны ещё на предыдущем этапе. Их отличительной чертой является многофункциональный режим использования, при котором под банковские операции отводилась небольшая часть здания, в то время как остальные площади использовались для сдачи в аренду.

Именно этот период закрепил объёмно-композиционные принципы построения банковской архитектуры региона, заложенной на предыдущем этапе. За её основу была взята банковская архитектура Японии, а наиболее значимым зданием, определившим будущий образ банков страны, стал головной филиал Центрального банка

Маньчжоу-го в Чанчуне (рис. 6), спроектированный Ёситоки Нисимурой. Параллельно началось строительство филиалов во многих городах Маньчжоу-го. В основе продолжала лежать неоклассицистическая традиция, когда входной портал украшался колоннадой либо пилястрами в виде трёхчетвертных или полуколон, фланкированных ризалитами, и был объединён общим массивным аттиком. Центром планировочной структуры являлся операционный холл, по периметру окружённый колоннадой, которая поддерживала галереи. Аналогичный подход был применён при строительстве новых отделений японского Икогама спешу банка, возведённых в середине 1930-х гг.

Таким образом к 1942 г. – началу военных действий между Японией и США, после которых развитие архитектуры финансовых учреждений приостановилось, в регионе сложилась выраженная типология банковских учреждений, перекликающаяся с банковскими учреждениями Японии и в меньшей степени – Китая. Однако последующая война и очередная смена политического режима не позволили в полной мере продолжить развитие сложившегося образного решения.

Заключение

Архитектура банковских учреждений Маньчжурии прошла путь развития от временного использования неспециализированных объектов до формирования выраженной типологии банковских учреждений в 1930-х гг. Во многом этому способствовало формирование финансовой системы, ориентированной на государственные и японские учреждения, что привело к вытеснению с рынка других компаний. На начальных этапах в стилистике преобладали неоренессансные мотивы, которые постепенно уступили место неоклассике.

Начиная с 1930-х гг. архитектура начала развиваться исключительно в рамках японской архитектурной школы и стала представлять собой пример японской колониальной архитектуры. Однако постройки русских, зарубежных и китайских банков, возведённые до этого этапа, сохранились до наших дней, а многие из них и по сей день используются в качестве банковских учреждений, что является следствием выгодного расположения в городской среде, с одной стороны, и создания выразительного образного решения – с другой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ким А.А. Западноевропейские влияния в архитектуре жилых зданий Китая конца XIX – первой половины XX в. (на примере провинции Гуандун): Дис. ... канд. архитектуры. Хабаровск, 2020.
2. Непомнин О.Е. Гл. 9: Цинская империя в 70–90-х годах XIX в. Японо-китайская война и общественный подъём в Китае // История Китая с древнейших времён до начала XXI века: В 10 т. Т. IV: Династия Цин (1644–1911). М., 2014. С. 257–295.
3. Ордынская Ю.В. Особенности формирования градостроительных систем в зоне пограничья России и Китая: Дис. ... канд. архитектуры. Хабаровск, 2019.
4. Chu C.L. Speculative Modern: Urban Forms and the Politics of Property in Colonial Hong Kong: Dissertation... Doctor of Philosophy in Architecture. Berkeley, 2012.
5. Waters D. Hong Kong hongs with long histories and British connections // Journal of the Royal Asiatic Society Hong Kong Branch. 1990. Vol. 30. Pp. 219–256.
6. Wakeman R. Shanghai and New York: Mid-Century Urban Avant-Gardes // Built Heritage. 2019. № 3. Pp. 49–61.
7. Cheng S., Yu Y., Li K. Historic conservation in rapid urbanization: a case study of the Hankow historic concession area // Journal of Urban Design. 2017. Vol. 22. № 4. Pp. 433–454.

8. Coomans T. China Papers: The architecture archives of the building company Crédit foncier d'Extrême-Orient (1907–1959) [electronic resource] // ABE Journal. 2014. № 5. DOI: <https://doi.org/10.4000/abe.742>.
9. Wu Y. Unfolding layered cultures preservation of German colonial architecture in Qingdao, China, 1897–1914: Dissertation ... Master of Science in Historic Preservation. New York, 2020.
10. Крадин Н.П. Харбин – Русская Атлантида. Хабаровск, 2010.
11. Лешоко С.С. Русская архитектура в Маньчжурии. Конец XIX – первая половина XX века. Хабаровск, 2003.
12. Козыренко Н.Е., Ян Х., Иванова А.П. Архитектурное наследие Харбина. Хабаровск, 2015.
13. Глатоленкова Е.В. Архитектура жилой среды в поселениях вдоль Китайско-Восточной железной дороги // Урбанистика. 2020. № 1. С. 34–48.
14. Иванова А.П. Архитектура китайских селтльментов: к проблеме культурных стратегий дальневосточной колонизации // Вестник ТОГУ. 2013. № 3 (30). С. 139–148.
15. Троицкая Т.Ю. Особенности архитектуры Китайско-Восточной железной дороги (конец XIX – первая треть XX вв.): Дис. ... канд. архитектуры. Новосибирск, 1996.
16. The Condensed Music. Overview of protected constructions in Harbin / Ed. Xiaotao Li. Beijing, 2005.
17. Harbin architecture / Ed. Huaisheng Chang. Harbin: Heilongjiang Science and Technology Press, 1990.
18. Heilongjiang in old postcard / Ed. Yannian Liu. Harbin, 2007.
19. Весь Харбин на 1925 г. Адресная и справочная книга / Ред. изд. С.Т. Тернавский. Харбин, 1925.
20. Весь Харбин на 1926 г. Адресная и справочная книга / Ред. изд. С.Т. Тернавский. Харбин, 1926.
21. Весь Харбин на 1927 г. Адресная и справочная книга / Ред. изд. С.Т. Тернавский. Харбин, 1927.
22. Исторический обзор Китайско-Восточной железной дороги. 1896–1923 гг. / Сост. Е.Х. Нилус. Харбин, 1923.
23. Ким А.А. Формирование и развитие архитектуры Центрального банка Маньчжоу-го // Проект «Байкал». 2022. № 72. С. 134–139.

Architecture of Banking Institutions in Manchuria: Development Periods

Anton Andreevich Kim – Candidate of Architectural Sciences, Associate Professor at the Department of Architecture and Urbanistics, Researcher at the Department of Scientific Activity Support, Pacific National University, Researcher of the project “Architecture of banking and consular institutions of Manchuria in the late 19th – early 20th centuries” (20-012-00316).

E-mail: ant.kim@mail.ru

The paper describes the developing architecture of banking institutions in Manchuria in the late 19th – first half of the 20th century. The classification of banking institutions based on nationality (foreign, Chinese, Manchukuo banks) and the scale of financial activity of organizations (local, provincial, national Chinese, international) was developed, which affected both the location of objects in the urban structure and stylistic and typological features. The development of banking architecture and the formation of typical spatial solutions for this kind of objects used in the region is addressed in more detail. There are four main stages of development associated with geopolitical changes in the region. The first stage (1898–1913) was the formation of banking institutions

in the region, the prevalence of Russian and Japanese organizations, the use of neo-Renaissance motives. The second stage (1913–1924) was the active development of Chinese banking institutions based on tenement buildings in the Chinese-Western style. The third stage (1924–1932) was the acquisitions and mergers of small banking institutions, the formation of typology and stylistics of Japanese banking architecture based on neoclassical approaches and its borrowing in the Chinese architecture of banking institutions. The fourth stage (1932–1942) was the absorption of most Chinese and foreign banks by the state-owned banks of Manchukuo, which continued the development of the typology used in Japanese buildings.

Keywords: architecture, bank, Manchuria, China

REFERENCES

1. Kim A.A. Zapadnoevropeiskie vliyaniya v arkhitekture zhilykh zdaniy Kitaya kontsa XIX – pervoi poloviny XX v. (na primere provintsii Guandun): Dis. ... kand. arkhitektury. Khabarovsk, 2020 (in Russian).
2. Nepomnin O.E. Gl. 9: Tsinskaya imperiya v 70–90-kh godakh XIX v. Yapono-kitaiskaya voyna i obshchestvennyi pod'yom v Kitae // Istoriya Kitaya s drevneishikh vremen do nachala XXI veka: V 10 t. T. IV: Dinastiya Tsin (1644–1911). M., 2014. S. 257–295 (in Russian).
3. Ordynskaya Yu.V. Osobennosti formirovaniya gradostroitel'nykh sistem v zone pogranich'ya Rossii i Kitaya: Dis. ... kand. arkhitektury. Khabarovsk, 2019 (in Russian).
4. Chu C.L. Speculative Modern: Urban Forms and the Politics of Property in Colonial Hong Kong: Dissertation... Doctor of Philosophy in Architecture. Berkeley, 2012.
5. Waters D. Hong Kong hongks with long histories and British connections // Journal of the Royal Asiatic Society Hong Kong Branch. 1990. Vol. 30. Pp. 219–256.
6. Wakeman R. Shanghai and New York: Mid-Century Urban Avant-Gardes // Built Heritage. 2019. № 3. Pp. 49–61.
7. Cheng S., Yu Y., Li K. Historic conservation in rapid urbanization: a case study of the Hankow historic concession area // Journal of Urban Design. 2017. Vol. 22. № 4. Pp. 433–454.
8. Coomans T. China Papers: The architecture archives of the building company Crédit foncier d'Extrême-Orient (1907–1959) [electronic resource] // ABE Journal. 2014. № 5. DOI: <https://doi.org/10.4000/abe.742>.
9. Wu Y. Unfolding layered cultures preservation of German colonial architecture in Qingdao, China, 1897–1914: Dissertation ... Master of Science in Historic Preservation. New York, 2020.
10. Kradin N.P. Kharbin – Russkaya Atlantida. Khabarovsk, 2010 (in Russian).
11. Levoshko S.S. Russkaya arkhitektura v Man'chzhurii. Konets XIX – pervaya polovina XX veka. Khabarovsk, 2003 (in Russian).
12. Kozыrenko N.E., Yan Kh., Ivanova A.P. Arkhitekturnoe nasledie Kharbina. Khabarovsk, 2015 (in Russian).
13. Glatolenkova E.V. Arkhitektura zhiloi sredy v poseleniyakh vdol' Kitaisko-Vostochnoi zheleznoi dorogi // Urbanistika. 2020. № 1. S. 34–48 (in Russian).
14. Ivanova A.P. Arkhitektura kitaiskikh settl'mentov: k probleme kul'turnykh strategii dal'nevostochnoi kolonizatsii // Vestnik TOGU. 2013. № 3 (30). S. 139–148 (in Russian).
15. Troitskaya T.Yu. Osobennosti arkhitektury Kitaisko-Vostochnoi zheleznoi dorogi (konets XIX – pervaya tret' XX vv.): Dis. ... kand. arkhitektury. Novosibirsk, 1996 (in Russian).
16. The Condensed Music. Overview of protected constructions in Harbin / Ed. Xiaotao Li. Beijing, 2005.

17. Harbin architecture / Ed. Huaisheng Chang. Harbin: Heilongjiang Science and Technology Press, 1990.
18. Heilongjiang in old postcard / Ed. Yannian Liu. Harbin, 2007.
19. Ves' Kharbin na 1925 g. Adresnaya i spravochnaya kniga / Red. izd. S.T. Ternavskii. Kharbin, 1925 (in Russian).
20. Ves' Kharbin na 1926 g. Adresnaya i spravochnaya kniga / Red. izd. S.T. Ternavskii. Kharbin, 1926 (in Russian).
21. Ves' Kharbin na 1927 g. Adresnaya i spravochnaya kniga / Red. izd. S.T. Ternavskii. Kharbin, 1927 (in Russian).
22. Istoricheskii obzor Kitaisko-Vostochnoi zheleznoi dorogi. 1896–1923 gg. / Sost. E.Kh. Nilus. Kharbin, 1923 (in Russian).
23. Kim A.A. Formirovanie i razvitie arkhitektury Tsentral'nogo banka Man'chzhou-go // Proekt «Baikal». 2022. № 72. S. 134–139 (in Russian).

КОМПЛЕКСНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА. ПСИХОЛОГИЯ. ПЕДАГОГИКА

Индекс УДК 159.95

Код ГРНТИ 15.21.21

DOI: 10.22204/2587-8956-2022-110-03-117-126

**А.А. КОРНЕЕВ,
Т.В. АХУТИНА,
Е.Ю. МАТВЕЕВА***

Кластеризация нейропсихологических данных: оценка соотношения состояния когнитивных функций у детей 6–9 лет

Работа посвящена исследованию состояния когнитивных функций у детей старшего дошкольного и младшего школьного возраста. В этом возрасте происходит активное созревание и формирование различных когнитивных компонентов, и за счёт неравномерности психического развития возникает большая индивидуальная вариативность их состояния. В статье предпринимается попытка из большой выборки нормативно развивающихся детей выделить группы с различным сочетанием относительной слабости отдельных когнитивных функций.

В исследовании приняли участие 484 ребёнка в возрасте от 6 до 9 лет, которые прошли комплексное нейропсихологическое обследование, включающее как традиционные для отечественной нейропсихологии поведенческие тесты, так и компьютеризированные нейропсихологические методики. На основании результатов обследования были рассчитаны интегральные показатели трёх групп функций: функций программирования и контроля, функций переработки слуховой и зрительно-пространственной информации. Затем был проведён кластерный анализ, позволивший выделить пять групп испытуемых: с отно-

* **Корнеев Алексей Андреевич** — кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории нейропсихологии факультета психологии Московского государственного университета (МГУ) им. М.В. Ломоносова, руководитель проекта «Возможность использования компьютерных методов нейропсихологической диагностики для системного (синдромного) анализа вариантов развития когнитивных функций у детей 6–9 лет» (19-013-00668).

E-mail: korneeff@gmail.com

Ахутина Татьяна Васильевна — доктор психологических наук, главный научный сотрудник лаборатории нейропсихологии факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова, исполнитель того же проекта.

E-mail: akhutina@mail.ru

Матвеева Екатерина Юрьевна — кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории нейропсихологии факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова, исполнитель того же проекта.

E-mail: obukhova1@yandex.ru

сительно хорошим состоянием всех оцениваемых функций, три группы с одной из трёх оцениваемых групп функций и относительной слабостью всех оцениваемых функций. В выделенных группах проведён сравнительный анализ результатов выполнения комплексных проб, задействующих функции программирования, контроля и переработки зрительно-пространственной информации, что позволило оценить вклад каждой из функций в успешность выполнения этих задач.

Использованный метод позволил выделить специфические группы детей с относительной слабостью отдельных функций, что может быть использовано в дальнейшем как для исследования теоретических вопросов закономерностей когнитивного развития, так и для практических целей при работе нейропсихолога. Полученные данные подтверждают идеи неравномерности развития психических функций у детей 6–9 лет на материале нормативных данных.

Ключевые слова: нейропсихологическая диагностика, функции программирования и контроля, переработка зрительной информации, переработка слуховой информации, младшие школьники

Данная работа посвящена одной из актуальных тем детской нейропсихологии – исследованию состояния когнитивных функций у детей старшего дошкольного и младшего школьного возраста. Этот период важен, так как, с одной стороны, дети начинают школьное обучение и сталкиваются с новыми задачами, а с другой – происходит созревание структур мозга, обеспечивающих когнитивное функционирование, которое связано с индивидуальными особенностями ребёнка, в том числе генетически обусловленными. Сочетание этих факторов в рамках нормативного развития может приводить к неравномерности развития [1]. Под влиянием средовых и индивидуальных факторов может сложиться ситуация, в которой отдельные когнитивные компоненты будут несколько отставать в развитии. Они оказываются ослабленными, однако за счёт пластичности психических функций компенсируются другими, сравнительно сильными компонентами. В благоприятном случае по мере развития этот механизм компенсации может сгладить отставание, однако при более отчётливом отставании неравномерность может приводить к уже заметным трудностям в обучении и отклонениям в развитии. В силу этого диагностика индивидуального профиля развития ребёнка по-

зволяет уже на ранних этапах организовать индивидуальную коррекционную помощь в профилактике и коррекции трудностей обучения. В рамках данного исследования предпринимается попытка выделения таких профилей, отражающих неравномерность развития когнитивных функций в выборке нормативно развивающихся детей на основании результатов нейропсихологической диагностики.

Нейропсихологические методы исследования и оценки состояния когнитивных функций у детей разрабатываются во всём мире. В последнее время отмечается явная тенденция к совмещению двух принципиально различных подходов в когнитивной диагностике: психометрического количественного подхода и синдромного анализа данных подходов [1–3]. Мы также предпринимаем попытку объединения этих двух подходов, с одной стороны, используя количественные оценки когнитивных функций, объединяемых в интегральные индексы [4], а с другой – применяя синдромный подход при анализе отдельных групп детей с различным сочетанием состояния высших психических функций.

Тщательный анализ первичных и вторичных дефектов, наблюдаемых при выполнении тестов, которые направлены на оценку отдельных функций, сталки-

вается с проблемой неоднозначности заданий. В силу комплексности деятельности человека практически любое задание не связано только с одной когнитивной функцией и задействует различные когнитивные компоненты. Одним из решений этой проблемы может быть предложенный Miyake и его коллегами способ избирательно оценивать когнитивные компоненты, суммируя параметры нескольких однонаправленных проб [5]. Этот подход мы используем при расчёте индексов, однако вопрос об оценке проб с точки зрения степени задействования тех или иных функций при их выполнении остаётся открытым. Обращаясь к этой проблеме, мы предполагаем, что сравнение выполнения неоднозначных, комплексных методик в группах детей с относительной слабостью отдельных функций, вызванных неравномерностью когнитивного развития, может показать, какие функции в них задействуются в большей или меньшей степени.

Разработанная в лаборатории нейропсихологии МГУ им. М.В. Ломоносова система количественной и качественной оценки данных нейропсихологического обследования может позволить оценить различные когнитивные функции детей и провести их сопоставительный анализ. Также в работе мы используем данные компьютерных нейропсихологических методов [6], которые могут дополнить и уточнить количественную оценку когнитивных функций [7].

Таким образом, настоящее исследование направлено на выделение групп детей с разными вариантами нормативного развития с помощью качественно-количественного подхода, совмещающего компьютерные и традиционные нейропсихологические методы, и на анализ выполнения этими группами сложных, комплексных задач. По нашему предположению, такой анализ поможет уточнить, какие когнитивные функции и в какой степени задействуются при выполнении комплексных задач.

Методика

Выборка

В исследовании приняли участие 484 ребёнка старшего дошкольного и младшего школьного возраста, из них 140 дошкольников (из них 63 девочки, средний возраст $6,47 \pm 0,56$ лет), 90 первоклассников (из них 56 девочек, средний возраст $7,66 \pm 0,43$ лет), 154 второклассника (из них 66 девочек, средний возраст $8,66 \pm 0,41$ лет) и 100 третьеклассников (из них 47 девочек, средний возраст $9,65 \pm 0,43$ лет). Все дети не имели диагностированных неврологических нарушений и других отклонений в развитии. Родители всех детей дали информированное согласие на участие в исследовании.

Методики

Все дети прошли нейропсихологическое обследование, адаптированное для 6–9-летнего возраста [8]. В данном исследовании анализируются результаты тестов, направленных на оценку ведущих когнитивных функций: управляющих функций (функций программирования и контроля), функций переработки слуховой информации и переработки зрительно-пространственной информации. В связи с этим из 20 традиционных поведенческих тестов в данном исследовании мы используем результаты следующих методик: реакция выбора, вербальные ассоциации (свободные и направленные), «Пятый лишний», динамический праксис, слухоречевая память (запоминание двух групп по три слова), зрительный гнозис (узнавание наложенных, перечёркнутых и наложенных фигур), зрительно-пространственная память, рисунок дома и праксис позы пальцев (подробное описание методик – см. [8] часть 1). Также в данной работе мы используем результаты компьютеризированного нейропсихологического обследования детей 6–9 лет [6]. Три пробы направлены, прежде всего, на оценку состояния функций программирования и контроля:

1. Тест «Точки» [9], подробное описание процедуры см. в [10].
2. Корректирующая проба. Тест состоит из трёх проб, в каждой на сенсорном экране

предъявляется таблица – матрица 16×12 перемешанных в квазислучайном порядке шести различных геометрических фигур или шести разных букв (в версиях для дошкольников или младших школьников соответственно). В первой серии ставится задача найти один стимул (фигуру или букву), во второй – другой, а в третьей – оба из 1-й и 2-й серии.

3. Детская игровая версия теста 1-back – «Руки-ноги-голова». На экране изображён клоун. Задача испытуемого – внимательно слушать голосовые команды, звучащие в наушниках и показывать ту часть тела клоуна (руки, ноги или голову), которая была названа на предыдущем шаге.

Пробы, направленные в основном на оценку функций переработки зрительно-пространственной информации:

1. Компьютерная версия теста «Кубики Корси», подробное описание см. в [10].
2. Тест «Ориентация линий» (проба А. Бентона). На экране компьютера предъявляется набор из 11 отрезков, расположенных в форме полукруга (линии-образцы). Два стимульных отрезка расположены на отдалении. Испытуемому необходимо соотнести наклон стимульных линий и линий в образце, а затем выбрать линию в образце.
3. Тест «Стрелы». На экране предъявляется «мишень» из 8 стрелок, каждая стрелка пронумерована. Задача испытуемого – найти две целевые стрелки, которые направлены в центральную точку мишени. В тесте предъявляется 14 проб, в которых варьируется длина стрелок, удалённость стрелок от мишени, пространственное расположение целевых стимулов.
4. «Понимание близких по звучанию слов» использовалось для оценки функций переработки слуховой информации, подробное описание см. в [10].

Также в исследование были включены две методики, качество выполнения которых может отражать состояние как функции программирования и контроля, так и переработки зрительно-пространственной информации:

1. Компьютерная версия двухцветных таблиц Шульте, подробное описание см. в [10].
2. Компьютерная версия теста «Цветные прогрессивные матрицы Равена» в модификации Розановой [11].

Результаты

На основе предыдущих исследований [4, 7] были составлены и рассчитаны три интегральных индекса, направленных на оценку различных групп функций. Индексы рассчитывались по принципу штрафных баллов и были стандартизированы, так что положительные баллы означали состояние функции хуже среднего по сей выборке, а отрицательные – лучше среднего. Каждый индекс включал в себя стандартный набор показателей (подробное описание – см. в [4]), но также был дополнен результатами различных компьютерных методик.

- 1) Индекс функций программирования и контроля был дополнен результатами тестов «Точки», «Руки-ноги-голова» и «Корректурная проба».
- 2) Индекс функции переработки слуховой информации дополнен результатами теста «Понимание близких по звучанию слов».
- 3) Индекс функции переработки зрительно-пространственной информации дополнен результатами тестов «Кубики Корси», «Стрелы», «Проба Бентона».

На основании полученных индексов был проведён кластерный анализ (метод k-means), позволивший выделить пять групп детей с разным сочетанием состояния оцениваемых функций. Средние значения индексов в выделенных группах представлены на рис. 1.

Как видно из рисунка, группы можно охарактеризовать следующим образом:

1. Группа с относительно хорошим состоянием всех оцениваемых функций (далее – высокая норма);
2. Группа с относительной слабостью функций программирования и контроля (далее – группа ПИК);

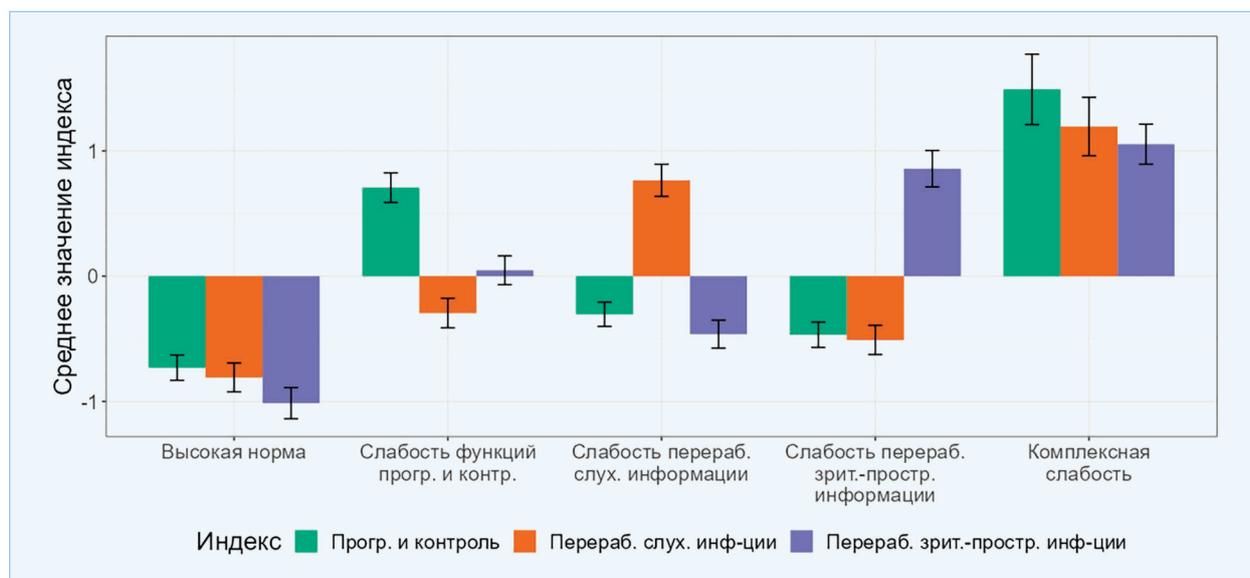

Рис. 1. Средние показатели индексов в пяти выделенных группах детей (столбики ошибок — две стандартные ошибки среднего)

3. Группа с относительной слабостью переработки слуховой информации (далее — группа СЛ);
4. Группа с относительной слабостью переработки зрительно-пространственной информации (далее — группа ЗП);
5. Группа с относительной слабостью всех оцениваемых функций (далее — комплексная слабость).

Численный состав выделенных групп в различных возрастных группах представлен в табл. 1.

Можно заметить, что дети из всех выделенных кластеров представлены в каждой из возрастных групп. При этом распределение численного состава кластеров в отдельных возрастных группах отличается незначимо ($\chi^2(12) = 6.5168, p = 0.888$).

Сравнение показателей индексов в выделенных группах с помощью дисперсионного анализа предсказуемо показало значимое влияние фактора «группа» во всех трёх показателях (на уровне $p < 0.001$).

Попарное сравнение групп с поправкой Тьюки для множественных сравнений выявило, что индекс функций программирования и контроля незначимо отличается в группах СЛ и ЗП ($p = 0.330$), т.е. дети, демонстрирующие слабость функций переработки информации разной модально-

сти, не отличаются по функциям регуляции произвольного поведения, их уровень чуть лучше среднего. Остальные группы значимо (на уровне $p < 0.001$) различаются: самые хорошие показатели этих функций получены в группе высокой нормы, заметно худшие — в группе ПИК и самые плохие — в группе комплексной слабости.

Индекс переработки слуховой информации незначимо отличается в ПИК и ЗП ($p = 0.168$). Остальные группы значимо отличаются по этому параметру друг от друга.

Индекс переработки зрительно-пространственной информации значимо отличается при сравнении всех групп между собой (на уровне $p < 0.001$), наилучшие показатели получены в группе высокой нормы, несколько хуже (но лучше среднего по выборке) — в группе СЛ, почти равные средним по выборке — в группе ПИК, заметно хуже среднего — в группе ЗП и, наконец, наихудшие — в группе комплексной слабости.

Для исследования роли отдельных функций при выполнении комплексных пробы сравнили выполнение ими трёх методик, направленных на оценку функций программирования, контроля и функций переработки зрительно-пространственной информации: нейропсихологической мето-

Таблица 1

Соотношение размеров выделенных групп детей в возрастных группах

Группа	Дошкольники	1-й класс	2-й класс	3-й класс	Вся выборка
Высокая норма	32 (22.9%)	17 (18.9%)	37 (24%)	21 (21%)	107 (22.1%)
Слабость функций программирования и контроля	22 (15.7%)	16 (17.8%)	34 (22.1%)	20 (20%)	92 (19%)
Слабость переработки слуховой информации	32 (22.9%)	23 (25.6%)	33 (21.4%)	28 (28%)	116 (24%)
Слабость переработки зрительно-пространственной информации	32 (22.9%)	23 (25.6%)	32 (20.8%)	17 (17%)	104 (21.5%)
Комплексная слабость	22 (15.7%)	11 (12.2%)	18 (11.7%)	14 (14%)	65 (13.4%)

Примечание: в скобках указано процентное соотношение детей из разных групп внутри возрастной группы.

дики «Счёт» (оценка доступности инструкции для ребёнка), цветных прогрессивных матриц Равена (число правильных ответов) и двухцветных таблиц Шульте (число ошибок и среднее время поиска). Средние значения этих показателей в выделенных группах детей представлены на рис. 2.

Проведённый дисперсионный анализ показал значимое влияние фактора «группа» на все сравниваемые показатели: $F(4, 468) = 8.401$, $p < 0.001$ для доступности счёта, $F(4, 370) = 14.323$, $p < 0.001$ для числа правильных ответов в прогрессивных матрицах Равена, $F(4, 468) = 14.251$, $p < 0.001$ для ошибок и $F(1, 468) = 12.534$, $p < 0.001$ для среднего времени поиска в таблицах Шульте. При этом попарные сравнения (с поправкой Тьюки для множественных сравнений) показали следующее:

- по всем параметрам группа с комплексной трудностью демонстрирует значимо худшие показатели по сравнению с остальными группами ($p < 0.001$ во всех случаях);
- доступность счёта значимо снижена в группе детей с комплексной слабостью когнитивных функций. Снижение доступности есть и в группе ПИК, но оно незначимо по сравнению с другими группами;
- продуктивность выполнения прогрессивных матриц Равена по сравнению с группой высокой нормы значимо снижена в группах с комплексной слабостью

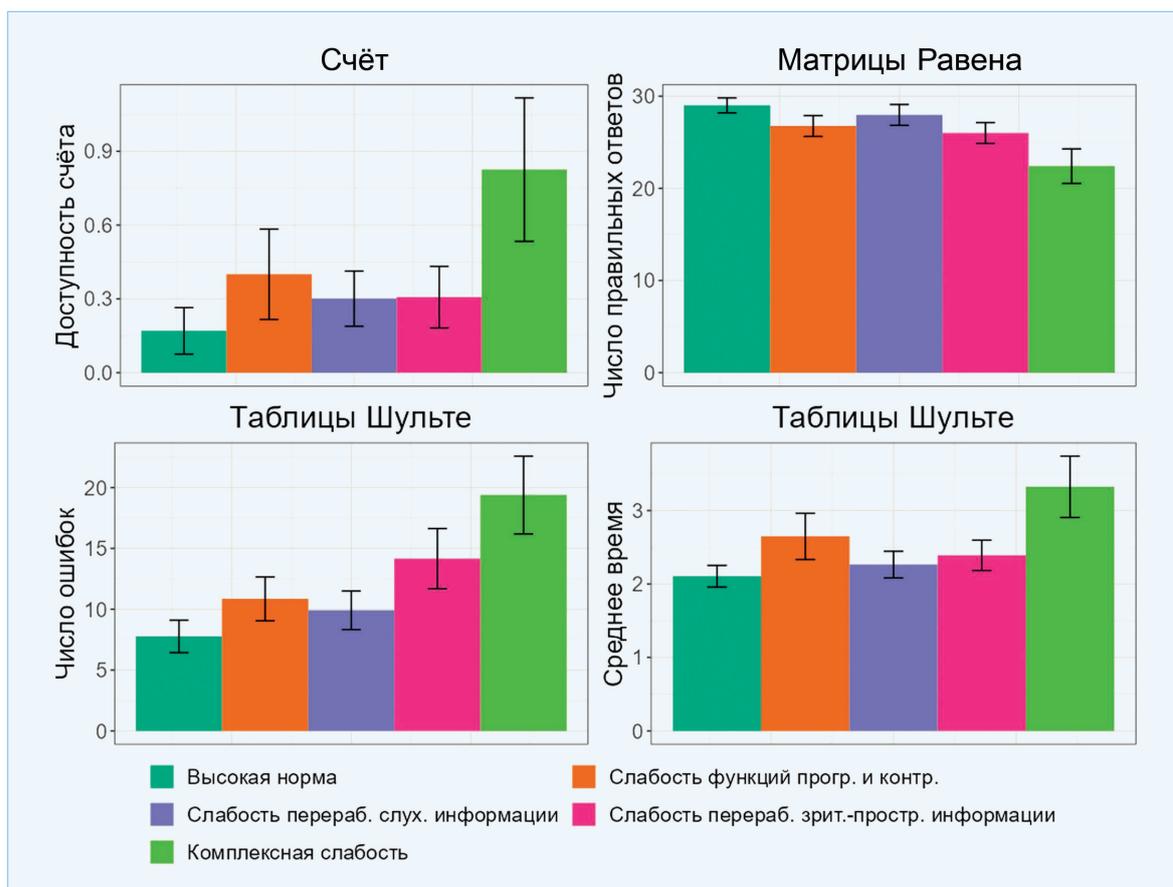
и группой ЗП ($p < 0.001$ в обоих случаях), слабее, но также значимо — по сравнению с группой ПИК ($p = 0.037$);

- число ошибок при выполнении таблиц Шульте по сравнению с группой высокой нормы значимо больше в группах с комплексной слабостью и группе ЗП ($p < 0.001$ в обоих случаях);
- в отношении среднего времени поиска в таблицах Шульте наблюдается другая картина: значимо большее время на поиск по сравнению с группой высокой нормы тратят дети с комплексной слабостью ($p < 0.001$) и дети из группы ПИК ($p = 0.011$).

Обсуждение результатов

Полученные результаты кластерного анализа показали, что в рамках выборки нормативно развивающихся детей возможно выделение на основании результатов нейропсихологического обследования групп с различным сочетанием относительной слабости отдельных функций, что соответствует идеям о неравномерности развития психических функций [1].

Яркие отличия группы с комплексной слабостью вполне объяснимы: при слабости всех оцениваемых функций результаты выполнения когнитивных задач ожидаемо снижаются. Дети со слабостью лишь одного отдельного когнитивного компонента более успешно выполняют задания нейропсихологического обследования. Это

Рис. 2. Средняя продуктивность выполнения проб «Счёт», «Прогрессивные матрицы Равена» и «Двухцветные таблицы Шульце» детьми из выделенных групп (столбики ошибок — две стандартные ошибки среднего)

может быть следствием выстраивания индивидуальных компенсаторных стратегий, которые позволяют за счёт использования сильных звеньев минимизировать влияние слабого звена.

Сравнение выделенных групп с относительной слабостью отдельных когнитивных функций позволило оценить вклад отдельных когнитивных компонентов в выполнение комплексных заданий. Как известно, прогрессивные матрицы Равена были предложены для измерения уровня интеллектуального развития [12, 13], а именно g-фактора по Спирмену, который позднее был соотнесён с управляющими функциями. В соответствии с этим можно было бы ожидать, что хуже всего эту пробу будут выполнять дети группы ПИК. Но как показали полученные результаты, при выполнении прогрессивных матриц Равена наиболее существенно от группы высокой нормы отличается

группа с относительной слабостью функций переработки зрительно-пространственной информации, тогда как слабость функций программирования и контроля играет менее существенную роль. В авторитетной книге-справочнике по нейропсихологической диагностике детей И. Бейрон [14] матрицы Равена рассматриваются как среди тестов на управляющие функции, так и среди тестов на зрительно-пространственные функции, но их чувствительность к этим функциям не сравнивается. Другое недавнее исследование [15] подтверждает, что выполнение этого теста может быть связано не только с регуляцией внимания, но и со способностью анализировать зрительно-пространственную информацию.

Проба «Счёт» используется в клинической нейропсихологии прежде всего для оценки функций программирования и контроля [16]. Но одновременно А.Р. Лу-

рия указывал на то, что счётные операции могут быть нарушены и при синдроме «акалькулии», возникающем при поражении теменно-затылочных отделов мозга как проявление нарушения «квази-пространственных» функций. Серийный счёт может страдать и при поражениях левой височной области в связи с дефектами удержания в памяти результатов промежуточных операций. Эти проблемы могут проявляться и у детей. В связи с этим понятны как отчётливые трудности у детей с комплексными нарушениями, так и заметные проблемы у детей со слабостью функций программирования и контроля, которые, тем не менее, не достигают значимого уровня при сравнении с детьми других групп.

В отношении выполнения таблиц Шульте получены разнородные результаты. С одной стороны, точность выполнения этой методики снижается прежде всего у детей со слабостью функций переработки зрительно-пространственной информации, хотя также некоторое снижение продемонстрировали и дети со слабостью функций программирования и контроля. При этом время ответа значимо, по срав-

нению с группой высокой нормы, снижается у детей с относительной слабостью функций программирования и контроля. Можно предположить, что соотношение качества выполнения и времени выполнения этой пробы может по-разному проявляться у детей разных возрастных групп и разных индивидов, имеющих слабость функций программирования и контроля или слабость зрительно-пространственных функций. Однако это предположение требует дальнейшей проверки и уточнения.

В заключение можно отметить, что, во-первых, многозначность проб должна учитываться при нейропсихологической диагностике детей; во-вторых, использованный метод выделения не только контрастных групп с более или менее хорошим состоянием когнитивной сферы в целом, но и более специфичных групп с относительной слабостью отдельных функций показал свою эффективность и может быть использован в дальнейшем как для исследования теоретических вопросов закономерностей когнитивного развития, так и для практических целей при работе нейропсихолога.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахутина Т.В., Пылаева Н.М. Преодоление трудностей учения: нейропсихологический подход / 2-е перераб. изд. М.: Академия, 2015.
2. Tramontana M.G., Hooper S.R. (eds.). Assessment issues in child neuropsychology . Springer, Boston, MA, 1988.
3. Weiler M.D., Willis W.G., Kennedy M.L. Sources of error and meaning in the pediatric neuropsychological evaluation // Handbook of psychological assessment. Academic Press, 2019, Pp. 193–226.
4. Корнеев А.А., Ахутина Т.В. Подсчёт нейропсихологических индексов // Методы нейропсихологического обследования детей 6–9 лет. М.: В. Секачев, 2016. С. 171–186.
5. Miyake A., Emerson M.J., Friedman N.P. Assessment of executive functions in clinical settings: Problems and recommendations // Seminars in speech and language. 2000. Vol. 21. № 2. Pp. 0169–0183.
6. Korneev A., Akhutina T., Gusev A., Kremlev A., Matveeva E. Computerized Neuropsychological Assessment in 6–9 Years-old Children // KnE Life Sciences. 2018. Vol. 4. № 8. Pp. 495–506.
7. Korneev A.A., Matveeva E.Y., Akhutina T.V. Elaboration of neuropsychological evaluation of children: Structural analysis of test results // Psychology in Russia: State of the Art. 2021. Vol. 14. № 4. Pp. 18–37.
8. Ахутина Т.В., Корнеев А.А., Матвеева Е.Ю. и др. Методы нейропсихологического обследования детей 6–9 лет / Под ред. Т.В. Ахутиной. М.: В. Секачев, 2016.

9. Davidson M.C., Amso D., Anderson L.C., & Diamond A. Development of cognitive control and executive functions from 4 to 13 years: Evidence from manipulations of memory, inhibition, and task switching // *Neuropsychologia*. 2006. Т. 44. №. 11. С. 2037–2078.
10. Жижина О.Г., Корнеев А.А., Матвеева Е.Ю. Возрастные особенности выполнения компьютерных методик нейропсихологического обследования детьми 6–9 лет // *Психологические исследования*. 2021. Т. 14. № 77. С. 1.
11. Розанова Т.В. Развитие памяти и мышления глухих детей. М.: Педагогика, 1978.
12. Бурлачук Л.Ф. Психодиагностика: Учебник для вузов. СПб.: Питер, 2006.
13. Raven J. Raven progressive matrices // McCallum R.S. (eds). *Handbook of nonverbal assessment*. Springer, Boston, MA, 2003. Pp. 223–237.
14. Baron I.S. *Neuropsychological evaluation of the child*. New York: Oxford University Press. 2004.
15. Smirni D. The Raven's Coloured Progressive Matrices in Healthy Children: A Qualitative Approach // *Brain Sciences*. 2020. Vol. 10. № 11. С. 877.
16. Лурия А.Р. Высшие корковые функции человека. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969.

Clustering of Neuropsychological Data: Cognitive Functions Assessment in Children Aged 6–9 Years

Aleksey Andreevich Korneev – Ph.D., senior researcher at the Laboratory of Neuropsychology of Lomonosov Moscow State University, head of the project "The possibility of applying computerized neuropsychological assessment for syndrome analysis of developmental trajectories of cognitive functions in 6–9 years old children" (19-013-00668).

E-mail: korneeff@gmail.com

Tatyana Vasilyevna Akhutina – Doctor of Psychology, chief researcher at the Laboratory of Neuropsychology of Lomonosov Moscow State University, executor of the project "The possibility of applying computerized neuropsychological assessment for syndrome analysis of developmental trajectories of cognitive functions in 6–9 years old children" (19-013-00668).

E-mail: akhutina@mail.ru

Ekaterina Yurievna Matveeva – Ph.D., senior researcher at the Laboratory of Neuropsychology of Lomonosov Moscow State University, executor of the project "The possibility of applying computerized neuropsychological assessment for syndrome analysis of developmental trajectories of cognitive functions in 6–9 years old children" (19-013-00668).

E-mail: obukhova1@yandex.ru

The aim of this project is an investigation of the state of cognitive functions in older pre-school and primary-school-age children. At this age, there is a considerable development and maturation of various components of cognitive functions, and large individual variability of their condition is observed. In the article, we tried to divide a large sample of children with normative development into groups with different neuropsychological profiles according to the strengths and weaknesses of various components of cognitive functions.

A sample of 484 children between the ages of 6 and 9 years old underwent a Lurian face-to-face neuropsychological examination and the computerized neuropsychological assessment. In each of the tests, key parameters were identified to evaluate three groups of cognitive functions: executive functions, visual-spatial information processing, auditory information processing. Then a cluster analysis was carried out, which allowed us to identify five groups of subjects: children with a high level of cognitive functions; children with executive function weakness; children with low auditory information processing; children with low visual-spatial information processing; children with a low level of cognitive functions. With the help of other complex neuropsychological tests, we verified this division into groups. The data obtained confirm the

idea of uneven development of cognitive functions in children aged 6–9 years with normative development. These results can be used in further research of theoretical issues of cognitive development, and for practical purposes in neuropsychologist correction.

Keywords: neuropsychological assessment, executive functions, visual information processing, auditory information processing, primary school students

REFERENCES

1. Akhutina T.V., Pylaeva N.M. Preodolenie trudnosti ucheniya: neiropsikhologicheskii podkhod / 2-e pererab. izd. M.: Akademiya, 2015 (in Russian).
2. Tramontana M.G., Hooper S.R. (eds.). Assessment issues in child neuropsychology. Springer, Boston, MA, 1988.
3. Weiler M.D., Willis W.G., Kennedy M.L. Sources of error and meaning in the pediatric neuropsychological evaluation // Handbook of psychological assessment. Academic Press, 2019, Pp. 193–226.
4. Korneev A.A., Akhutina T.V. Podschyot neiropsikhologicheskikh indeksov // Metody neiropsikhologicheskogo obsledovaniya detei 6–9 let. M.: V. Sekachev, 2016. S. 171–186 (in Russian).
5. Miyake A., Emerson M.J., Friedman N.P. Assessment of executive functions in clinical settings: Problems and recommendations // Seminars in speech and language. 2000. Vol. 21. № 2. Pp. 0169–0183.
6. Korneev A., Akhutina T., Gusev A., Kremlev A., Matveeva E. Computerized Neuropsychological Assessment in 6–9 Years-old Children // KnE Life Sciences. 2018. Vol. 4. № 8. Pp. 495–506.
7. Korneev A.A., Matveeva E.Y., Akhutina T.V. Elaboration of neuropsychological evaluation of children: Structural analysis of test results // Psychology in Russia: State of the Art. 2021. Vol. 14. № 4. Pp. 18–37.
8. Akhutina T.V., Korneev A.A., Matveeva E.Yu. i dr. Metody neiropsikhologicheskogo obsledovaniya detei 6–9 let / Pod red. T.V. Akhutinoi. M.: V. Sekachev, 2016 (in Russian).
9. Davidson M.C., Amso D., Anderson L.C., & Diamond A. Development of cognitive control and executive functions from 4 to 13 years: Evidence from manipulations of memory, inhibition, and task switching // Neuropsychologia. 2006. T. 44. №. 11. S. 2037–2078.
10. Zhizhina O.G., Korneev A.A., Matveeva E.Yu. Vozrastnye osobennosti vypolneniya komp'yuternykh metodik neiropsikhologicheskogo obsledovaniya det'mi 6–9 let // Psikhologicheskie issledovaniya. 2021. T. 14. № 77. S. 1 (in Russian).
11. Rozanova T.V. Razvitie pamyati i myshleniya glukhikh detei. M.: Pedagogika, 1978 (in Russian).
12. Burlachuk L.F. Psikhodiagnostika: Uchebnik dlya vuzov. SPb.: Piter, 2006 (in Russian).
13. Raven J. Raven progressive matrices // McCallum R.S. (eds). Handbook of nonverbal assessment. Springer, Boston, MA, 2003. Pp. 223–237.
14. Baron I.S. Neuropsychological evaluation of the child. New York: Oxford University Press. 2004.
15. Smirni D. The Raven's Coloured Progressive Matrices in Healthy Children: A Qualitative Approach // Brain Sciences. 2020. Vol. 10. № 11. P. 877.
16. Luriya A.R. Vysshie korkovye funktsii cheloveka. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1969 (in Russian).

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Индекс УДК 03.41.91

Код ГРНТИ 902.2

DOI: 10.22204/2587-8956-2022-110-03-127-137

**Д.В. ОЖЕРЕЛЬЕВ,
С.Ю. ЛЕВ***

Верхний палеолит предгорий Северного Тянь-Шаня: вопросы хронологии и культурной атрибуции

Изучение верхнего палеолита на территории предгорий Северного Тянь-Шаня началось совсем недавно. Первые открытия археологических памятников этого времени были сделаны лишь в начале XXI в. Тем не менее на настоящий момент здесь обнаружены и исследуются с разной степенью интенсивности несколько памятников верхнего палеолита. Наиболее изучены стоянки Майбулак и Рахат. Обе стоянки являются многослойными памятниками, последовательности культурных отложений которых взаимно дополняют друг друга. Культурные слои стоянок залегают в многометровых отложениях лёссовидных суглинков. Особенности осадконакопления существенно повлияли на высокую степень сохранности культурных останков. Культурные слои на стоянках представляют собой остатки погребённых стоянок в виде древних уровней обитания с углистыми пятнами, прокалами, остатками кострищ, очагов, хозяйственными ямами. Этот факт с высокой степенью вероятности указывает на гомогенный характер археологических комплексов в каждом из культурных слоёв. На стоянке Майбулак наиболее ярко представлены остатки поселений ранней поры верхнего палеолита (~40 000–28 000 л.н.). А на стоянке Рахат фиксируются многократные её посещения в среднем и в начале позднего этапов верхнего палеолита (~28 000–19 000 л.н.). На основании археологических данных устанавливается, что развитие верхнего палеолита в регионе как культурного целого находится в рамках единого для западной части Евразии эволюционного направления. В то же время в каменном инвентаре разных этапов верхнего палеолита отмечается и значительное своеобразие. Таким образом, изучение верхнего палеолита на данной территории, расположенной между крупными культурными областями Европы, Западной Азии с одной стороны и Сибирью, Восточной Азией — с другой, приобретает важное научное значение.

Ключевые слова: верхний палеолит, хронология, типология, Тянь-Шань, стоянка Рахат, стоянка Майбулак

* **Ожерельев Дмитрий Викторович** — кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела археологии каменного века Института археологии РАН, руководитель проекта «Культурно-исторические и палеогеографические исследования проблемы заселения Северного Тянь-Шаня (Юго-Восточный Казахстан) в эпоху позднего плейстоцена» (20-09-00285а).

E-mail: dim_as_oj@mail.ru

Лев Сергей Юрьевич — кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела археологии каменного века Института археологии РАН, исполнитель того же проекта.

E-mail: zaraysk@yandex.ru

Открытие Тянь-Шаня для современной науки было сделано выдающимся отечественным учёным-энциклопедистом П.П. Семёновым-Тян-Шанским в середине XIX в. С тех пор эта огромная горная система привлекает к себе внимание многих путешественников и исследователей и постоянно преподносит новые неожиданные открытия. Тянь-Шань и прилегающие к нему обширные равнинные пространства казахстанских степей и пустынь расположены в контактной срединной зоне между Передней и Средней Азией с одной стороны и Сибирью и Восточной Азией с другой. Взаимные культурные контакты и миграционные потоки древних людей не могли происходить вне вовлечения этого региона в единый процесс культурной и технологической трансформации.

Археологические исследования последних лет, проводимые в предгорной зоне Северного Тянь-Шаня, указывают на интенсивное заселение и развитие здесь верхнепалеолитической культуры древних *Homo sapiens*. Но следует сказать, что ещё 20 лет назад весь обширный регион от горных цепей и вплоть до озера Балхаш представлял собой «белое пятно» в археологии каменного века. К данному времени у северных склонов Заилийского Алатау – одного из крупных хребтов Северного Тянь-Шаня – открыто несколько многослойных памятников верхнего палеолита, свидетельствующих, что человек периодически заселял эти места на протяжении практически всего верхнего палеолита. Наиболее изученными среди них являются стоянки Майбулак и Рахат. Стоянки располагаются в схожих геоморфологических условиях – на правом берегу небольших одноимённых рек при выходе их из ущелья на предгорную равнину. Выбор данных мест для поселений был неслучаен. С одной стороны, обитатели стоянки контролировали пути миграций животных из предгорной равнины в горную часть хребта и обратно. С другой стороны, наличие реки с галечником обеспе-

чивало потребности в воде и каменном сырье для изготовления орудий.

Предгорья Северного Тянь-Шаня покрыты мощным плащом мелких пылеватых частиц – лёссовых отложений, имеющих в первооснове эоловое происхождение. Хребты Тянь-Шаня явились своеобразным заслоном для пылеватого материала, который выдувался и приносился с севера и северо-запада. Источником выноса являлись многочисленные пустыни и полупустыни: Мойынкумы, Бетпак-Дала, Таукумы, Сарыесик-Атырау и другие, расположенные к северу от гор. Формирование лёссов проходило практически беспрерывно на протяжении среднего и позднего плейстоцена [1]. В рамках провинции мощность лёссов для каждого отдельного участка оценивается по-разному: от нескольких метров до десятков метров. Лёссы быстро «запечатывали» остатки поселений, благодаря чему бытовые остатки оказываются часто сохранёнными в том виде, в каком они были оставлены. И так происходило на протяжении десятков тысяч лет. Последовательный процесс накопления лёссов, сопровождавший появление и исчезновение человеческих культур, не прекращается и в современное геологическое время. Культурные слои на исследуемых памятниках Майбулак и Рахат представляют собой остатки погребённых стоянок в виде древних уровней обитания с углистыми пятнами, проколами, остатками кострищ, очагов. Иногда удаётся зафиксировать наличие небольших ям хозяйственного назначения. Находки каменных орудий и иногда костей травоядных млекопитающих залегают здесь на одном уровне рядом с очагами. Мощность культурных слоёв по толщине не превышает 10–15 см. Благодаря всем вышеобозначенным факторам открываются большие исследовательские перспективы установления типа стоянок, изучения структуры конкретных поселений, сезонности их обитания для каждого из культурных слоёв. Последовательности культурных отложений стоянок Майбулак и Рахат взаимно дополняют друг друга. Если на стоянке Май-

булак наиболее ярко представлены остатки поселений ранней поры верхнего палеолита (~40 000–28 000 л.н.) [2, 3], то на стоянке Рахат фиксируются многократные её посещения в среднем и в начале позднего этапов верхнего палеолита (~ 28 000–19 000 л.н.).

Археологическое исследование стоянки Майбулак проводилось в 2004–2006 гг., в менее значительных масштабах стоянка изучалась и позже (рис. 1). Стоянка является многослойной, содержит семь культурных слоёв, объединённых в три комплекса. Общая коллекция каменных находок насчитывает свыше 2500 ед. [4]. Самая крупная коллекция происходит из слоёв 3–7.

Особый интерес вызывает слой 6, залегающий в нижней части разреза. Каменная индустрия этого слоя содержала необычный инвентарь, основанный на микропластинчатом расщеплении. Среди находок представлены подпризматические, торцевые, кареноидные нуклеусы, кареноидные нуклеусы-резцы, мелкие пластины и пластинки с ретушью, острия на прямых и слегка изогнутых пластинках. Стратиграфически этот инвентарь залегал под более «архаичной» по составу каменной

индустрией (слои 3–5), включавшей изделия с ориньякоидным инвентарём (пластины с чешуйчатой ретушью, кареноидные нуклеусы-скребки, скребки с плечиками и т.д.) вместе с изделиями среднепалеолитического облика (дисковидные и леваллуазские нуклеусы, скребла, ножи с обушками). Предполагается, что развитая микропластинчатая культура из слоя 6 была интрузивной, привнесённой на территорию предгорий Северного Тянь-Шаня. Появление её носителей здесь было частью культурного импульса, охватившего западную и центральную часть Евразии около 36 000–35 000 некалиброванных л.н. (41 000–39 000 калиброванных л.н.), эпицентром которого, по-видимому, была территория Леванта (ранний ахмариан) [5].

Схожие по своим характеристикам каменные индустрии отмечаются на большей части Леванта, Иранского нагорья и Европы (прото-ориньяк, фуманиан, Кремс-Хундштайг, ранний козарникиан, спицынская культура, ранний барадост, ростамиан) [6–8]. Они могут быть отнесены к кругу культур одних из первых *Homo sapiens*, стоявших у истоков других, бо-

Рис. 1. Местоположение стоянки Майбулак. Раскопки 2005 г.

Рис. 2. Общий вид на стоянку Рахат

лее поздних культурных событий раннего верхнего палеолита, например, ориньяка. На стоянке же Майбулак на этом уровне отмечается самобытная технологически разнообразная и диверсифицированная индустрия (слои 3–5). Наличие в ней ориньякоидных признаков позволяет говорить о более тесной связи культуры обитателей предгорий Северного Тянь-Шаня с носителями ориньякской культурной традиции, распространённой к западу от Центральной Азии.

Дальнейший ход развития верхнепалеолитических культурных традиций можно проследить на материалах многослойной стоянки Рахат. Стоянка локализуется на правом берегу одноимённой реки при выходе её из ущелья в предгорную зону. Памятник был обнаружен в 2006 г. Однако первые археологические раскопки на Рахате начались в 2018 г. [9]. Культурные слои памятника расположены на разных уровнях 13-метровой толщи лёссовидных суглинков, формировавших-

ся во второй половине позднего плейстоцена (рис. 2).

В течение четырёх лет (2018–2021 гг.) на площади 60 м² была изучена вся эта культуросодержащая толща. Всего на стоянке было выявлено 16 культурных слоёв, в которых обнаруживаются многочисленные прокалы, углистые пятна, а также очажные ямы, самая крупная из которых достигает 1,5 м в диаметре. В очажных ямах фиксируется горизонт красного прокала, заполнение формируют угли, углистая масса чёрного и тёмно-серого цветов (рис. 3). Фрагменты костей животных, часто обожжённых, также встречаются на разных уровнях раскопанной площади памятника [10].

Основным источником, позволяющим характеризовать археологическую культуру каждого из культурных слоёв в отдельности, а также процесс технологической трансформации особенностей обработки камня, является каменный инвентарь. Всего на стоянке было найдено свыше 8000 ка-

менных находок. Следы самых ранних посещений стоянки обнаружены в культурных слоях 11–12, выявленных на глубине –11,60/–11,85 м и –12,73/–12,85 м соответственно от условного нулевого репера. Несмотря на немногочисленность коллекции (42 ед.), по аналогии с индустрией стоянки Майбулак можно уверенно соотносить её с концом ранней поры верхнего палеолита. В расположенных выше по разрезу культурных слоях 7, 8/1, 9, 10 (глубина –10,50/–11,50 м) выявлена иная каменная индустрия, основанная на микропластинчатом расщеплении. Культурными маркерами каменного инвентаря отсюда являются специфические формы острий трёх разновидностей: мелкие листовидные острия; острия с частично выделенным черешком и острия с притупленным правым краем и V-образным скошенным основа-

нием. Последние имеют размеры 20–30 мм в длину и 4–8 мм в ширину и обладают определёнными сходствами с микрограветтийскими формами острий средней поры верхнего палеолита (рис. 4).

Индустрия, содержащая подобные острия, является пока уникальной для Казахстана и Средней Азии и не имеет прямых аналогов на этой территории, но на общем культурно-стадиальном уровне может быть сопоставлена с памятниками Восточной Европы и Кавказа, содержащими микрограветтийские острия [11, 12].

Следующая индустрия, происходящая из культурных слоёв 6 и 8/2 (глубина –9,80/–10,90 м), содержит архаичного облика уплощённые дисковидные нуклеусы, достаточно крупные нуклеусы с боковой обработкой (заужением) фронта, крупные отщепы, единичные орудия.

Рис. 3. Стоянка Рахат. Очаг в культурном слое 4/3 во время разбора заполнения

Рис. 4. Стоянка Рахат. Каменные находки (нуклеусы, скребки, остря) и раковины-украшения

В коллекции отсутствует микролитический инвентарь. Возможно, появление этой индустрии было обусловлено крупными климатическими изменениями в период начавшегося последнего похолода-

ния (26 000–19 000 л.н.), что выразилось в смещении ландшафтно-климатических зон к югу. Палеогеографические сдвиги могли повлечь смену флоры и фауны, что обусловило и хозяйственно-культурные

перемены, выразившиеся в использовании более крупных заготовок для орудий и самой технологии их получения. О наступившем климатическом коллапсе говорит и характер отложений, залегающих выше по разрезу на глубине $-7,80/-9,80$ м. Эта двухметровая толща включает плотный суглинок со следами оглеения, в котором встречаются лишь единичные каменные находки и, в отличие от других литологических слоёв, отсутствует фауна наземных моллюсков. Данный суглинок накапливался в период последнего максимума похолодания (LGM) в условиях холодного климата. Радиоуглеродные даты, полученные из выше- и нижерасположенных культурных слоёв, однозначно датируют время формирования этого суглинка — 23 000–20 000 л.н. Это время характеризуется крайне редкими посещениями места стоянки. Долговременное или сезонное проживание на данной территории было тогда неблагоприятным. В период 20 000–19 000 л.н. на стоянке Рахат фиксируются более благоприятные климатические условия, выразившиеся в формировании горизонта суглинка с признаками почвообразования. В этой пачке отложений ($-6,40/-7,80$ м) обнаруживается множество культурных слоёв — многократных посещений стоянки.

Революционной инновацией в обработке камня и изготовлении орудий является появление здесь первых серийных геометрических форм орудий — ассиметричных треугольников со скошенным нижним основанием (менее 3 см в длину). Если проследить каменную культуру из этих отложений в динамике, то устанавливаются две культурно близкие, но несколько различающиеся в типологическом отношении каменные индустрии. Более поздняя (слои 1–3) включает мелкие ногтевидные скребки, угловые резцы, пластинки с выемками, пластинки с притуплённым краем и треугольники со скошенным основанием. В другой, более ранней индустрии (слои 4/1, 4/2, 4/3 и 5) представлен схожий в категориальном плане набор изделий, здесь также фиксируются единичные (слой 4/3)

мелкие треугольники-вкладыши. Отличительной особенностью является наличие треугольных острий, которые отсутствуют в вышележащих слоях. Морфологически они близки треугольникам-микролитам, но выполнены на небольших изогнутых в профиле пластинах. Острия значительно больше треугольников-микролитов по размеру (длина острий 3–5 см) и имеют подработанный с двух сторон на спинке заострённый конец (рис. 4).

Если говорить об общих аналогиях каменному инвентарю из этой пачки стоянки Рахат, то они просматриваются в материалах стоянки Додекатым-2 (Средняя Азия), а также в памятниках раннего зарзиана (Иранское нагорье) и кебарана (Левант) [13–15]. Такие аналогии говорят о широком культурно-стадиальном единстве развития верхнепалеолитических сообществ во время, следующее в этих регионах за максимумом последнего похолодания. Новые технологические решения, выразившиеся в массовом появлении геометрических стандартизированных орудий и вкладышей составных орудий, получили в этих регионах дальнейшее развитие в культурах поздней поры верхнего палеолита и эппалеолита. Для территории же Северного Тянь-Шаня поздняя пора верхнего палеолита совершенно не изучена и охарактеризована лишь немногочисленной коллекцией (77 экз.) из слоя 1 стоянки Майбулак.

Среди необычных и редких находок на стоянке Рахат были обнаружены одна целая и три фрагментированные раковины водных моллюсков с отверстиями, на которых сохранились остатки вещества красного цвета (охра?). Раковины использовались в качестве украшений (см. рис. 4).

Данные находки являются уникальными, поскольку до сих пор палеолитических украшений с территории Казахстана известно не было. Сами моллюски этого вида (*Corbicula tibetensis*) не встречаются непосредственно в предгорьях Северного Тянь-Шаня. Ближайшие известные находки раковин этих моллюсков происходят из ископаемых местонахождений в рай-

оне оз. Балхаш, расположенных в сотнях километров к северу от стоянки и имеющих по разным оценкам средне- или позднеплейстоценовый возраст. Интересно отметить, что украшения из раковин этих моллюсков обнаружены в Денисовой пещере на Алтае и стоянке Шуйдунгоу в Северном Китае [16, 17]. Высокую мобильность обитателей стоянки подтверждает и принесённое сюда каменное сырьё, использовавшееся для изготовления орудий. Это кремнистые и яшмовидная породы, местонахождения которых известны в Илийской впадине в десятках километрах к северу от стоянки. Подавляющее же большинство находок произведено из вулканогенных порфиритов и эффузивов, которые собирались в древности непосредственно в русле рядом расположенной реки Рахат. Данные факты открывают новые перспективы для изучения хозяйственной деятельности и поведенческих особенностей древних людей эпохи верхнего палеолита аридных зон Центральной Азии.

Следует отметить, что исследования стоянки Рахат носят комплексный междисциплинарный характер. Помимо собственно археологического изучения каменных коллекций проводятся различные естественно-научные исследования, включающие установление радиоуглеродного и OSL-возраста отложений на разных этапах функционирования стоянки. Выполняется анализ цветовой спектрофотометрии суглинков, гранулометрического и изотопного состава отложений, споропыльцевые, палеонтологические анализы костных находок и раковин моллюсков. В этих направлениях исследования уча-

ствуют специалисты из разных академических учреждений России и Казахстана. Полученные данные позволяют устанавливать изменения климатических условий в период последнего плейстоценового похолодания и их влияние на заселение территории северных предгорий Тянь-Шаня в это время. Само место стоянки во время ~ 30 000–20 000 л.н. за исключением периода максимума последнего похолодания постоянно посещалось древними людьми. За это время культура *Homo sapiens* развивалась и видоизменялась: менялись методы обработки камня, виды и форма каменных заготовок, из которых делались орудия, и сами виды этих орудий. Одним из важных значений памятника является то, что его материалы позволяют детально устанавливать эти изменения.

Таким образом, можно уверенно говорить, что предгорья Северного Тянь-Шаня активно заселялись в эпоху верхнего палеолита. К настоящему времени здесь уже открыто не менее десяти погребённых стоянок, практически все они являются многослойными. Наиболее изученными представляются ранняя и средняя поры верхнего палеолита. Развитие верхнего палеолита в регионе как культурного целого находится в рамках единого для западной части Евразии тренда. В то же время в каменном инвентаре разных этапов верхнего палеолита отмечается и значительное своеобразие. Территория горных и предгорных областей Северного Тянь-Шаня, ранее представлявшаяся «белым пятном», наполняется многочисленными открытиями и приобретает важное значение для изучения верхнего палеолита Западной и Центральной Азии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ломонович М.И. Генезис лёсса юго-восточного Казахстана на примере Заилийского Алатау // Труды Комиссии по изучению четвертичного периода. 1957. Т. 13. С. 276–282.
2. Feng et al.: Feng Z.D., Ran M., Yang Q.L., Zhai X.W., Wang W., Zhang X.S., Huang C.Q. Stratigraphies and chronologies of late Quaternary loess-paleosol sequences in the core area of the central Asian arid zone // Quaternary International. 2011. № 240. Pp. 156–166.

3. Fitzsimmons K.E., Iovita R., Sprafke T., Glantz M.M., Talamo S., Horton K., Beeton T.A., Alipova S., Bekseitov G.T., Ospanov Y.A., Deom J.-M., Sala R., Taimagambetov Z. A chronological framework connecting the early Upper Palaeolithic across the Central Asian piedmont // *Journal of Human Evolution*. 2017. № 113. Pp. 107–126.
4. Ожерельев Д.В. Новейшие открытия палеолитических памятников в Юго-восточном Казахстане // *Краткие сообщения Института археологии (КСИА)*. 2012. Вып. 227. С. 182–191.
5. Banks W. E., d'Errico F., Zilhão J., Human-climate interaction during the Early Upper Paleolithic: testing the hypothesis of an adaptive shift between the Proto-Aurignacian and the Early Aurignacian // *Journal of Human Evolution*, 2013. № 64. Pp. 39–55.
6. Teyssandier N., Bon F., Bordes J.-G. Within projectile range: some thoughts on the appearance of the Aurignacian in Europe // *Journal of Anthropological Research*. 2010. № 66. Pp. 209–229.
7. Tsanova T. The beginning of the Upper Paleolithic in the Iranian Zagros: taphonomic approach and techno-economic comparison of Early Baradostian assemblages from Warwasi and Yafteh (Iran) // *Journal of Human Evolution*. 2013. № 65. Pp. 39–64.
8. Dinnis R., Bessudnov A.A., Reynolds N., Devière T., Pate A., Sablin M.V., Sinitsyn A.A., Higham T. New data for the Early Upper Paleolithic of Kostenki (Russia) // *Journal of Human Evolution*. 2019. № 127. Pp. 21–40.
9. Ожерельев Д.В., Джасыбаев Е.А., Мамиров Т.Б. Первые данные о стратиграфии и культурной атрибуции многослойной стоянки верхнего палеолита Рахат (Юго-Восточный Казахстан) // *КСИА*. 2019. Вып. 254. С. 57–70.
10. Ожерельев Д.В., Джасыбаев Е.А., Мамиров Т.Б. Особенности культурного слоя и поселенческие объекты на стоянке верхнего палеолита Рахат (слой 2) в Юго-восточном Казахстане // *КСИА*. 2021. Вып. 262. С. 7–26.
11. Svoboda J., Pavlov I. Northwest. The Upper Paleolithic burial and its settlement context. Brno, 1997.
12. Bar-Yosef O., Belfer-Cohen A., Mesheviliani T., Jakeli N., Bar-Oz G., Boaretto E., Goldberg P., Kvavadze E., Matskevich Z. Dzudzuana: an Upper Palaeolithic cave site in the Caucasus foothills (Georgia) // *Antiquity*. 2011. № 85. Pp. 331–349.
13. Кривошапкин А.И., Колобова К.А., Харевич В.М. Индустрия стоянки Додекатым-2 (Узбекистан): новые данные по верхнему палеолиту региона // *Вестник НГУ. Серия: История, филология*. 2009. Т. 8, Вып. 5: Археология и этнография. С. 74–97.
14. Olszewski D., The Zarzian in the context of the Epipaleolithic Middle East // *International Journal of the Humanities*. 2012. № 19. Pp. 1–20.
15. Nadel D. Ohalo II: A 23,000-Year-Old Fisher-Hunter-Gatherer's Camp on the Shore of Fluctuating Lake Kinneret (Sea of Galilee) // Y. Enzel & O. Bar-Yosef (Eds.), *Quaternary of the Levant: Environments, Climate Change, and Humans*. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. Pp. 291–294.
16. Деревянко А.П., Шуньков М.В. Становление верхнепалеолитических традиций на Алтае // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2004. № 3. С. 12–40.
17. Wei Y., d'Errico F., Vanhaeren M., Li F., Gao X. An Early Instance of Upper Palaeolithic Personal Ornamentation from China: The Freshwater Shell Bead from Shuidonggou 2. *PLOS ONE*. 2016. № 11 (5).

Upper Paleolithic in the Foothills of the Northern Tien Shan: Chronology and Cultural Attribution

Dmitriy Viktorovich Ozherelyev – Candidate of Historical Sciences, Researcher at the Department of Stone Age Archaeology, Institute of Archaeology, the Russian Academy of Sciences, Head of the project “Cultural and historical and paleogeographic studies of the settlement in the Northern Tien Shan (South-East Kazakhstan) in the Late Pleistocene” (20-09-00285a).

E-mail: dim_as_oj@mail.ru

Sergei Yurievich Lev – Candidate of Historical Sciences, Researcher of the Archaeology Department of Stone Age Archaeology, Institute of Archaeology, the Russian Academy of Sciences, Co-Researcher of the same project.

E-mail: zaraysk@yandex.ru

The study of the Upper Paleolithic in the foothills of the Northern Tien Shan has no long history. The first discoveries of archaeological sites of that period were carried out only in the early 21st century. Nevertheless, several sites of the Upper Paleolithic found here are being studied with varying degrees of intensity. The most studied of them are the Maibulak and Rakhat sites. Both sites are multi-layered. The sequences of cultural deposits mutually complement each other. The cultural layers of the sites lie in multi-meter deposits of loess-like loams. The specificity of sedimentation significantly influenced the high degree of preservation of cultural remains. At different levels such features as: charcoal spots, burn spots, hearths, storage pits were found. This fact, with a high degree of probability, indicates the undisturbed pattern of the archaeological complexes in each of the cultural layers. The remains of settlements of the Early Upper Paleolithic (~40,000-28,000 years ago) are most clearly represented on the Maibulak site. The Rakhat site was actively populated in the Middle Upper Paleolithic and at the beginning of the Late Upper Paleolithic (~28,000-19,000 years ago). Based on the archaeological data, it can be concluded that the development of the Upper Paleolithic in the region as a cultural unit lies in the same stream of evolutionary direction with the western part of Eurasia. The significant originality is noted in the lithic assemblages of different stages of the Upper Paleolithic. Thus, the study of the Upper Paleolithic in this territory, located between the large cultural areas of Europe, Western Asia, on the one hand, and Siberia, East Asia, on the other, is of great scientific importance.

Keywords: Upper Paleolithic, chronology, typology, Tien Shan, Rakhat site

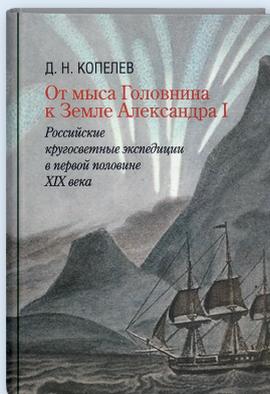
REFERENCES

1. Lomonovich M.I. Genesis lyossa yugo-vostochnogo Kazakhstana na primere Zailiiskogo Alatau // Trudy Komissii po izucheniyu chetvertichnogo perioda. 1957. T. 13. S. 276–282 (in Russian).
2. Feng et al.: Feng Z.D., Ran M., Yang Q.L., Zhai X.W., Wang W., Zhang X.S., Huang C.Q. Stratigraphies and chronologies of late Quaternary loess-paleosol sequences in the core area of the central Asian arid zone // Quaternary International. 2011. № 240. Pp. 156–166.
3. Fitzsimmons K.E., Iovita R., Sprafke T., Glantz M.M., Talamo S., Horton K., Beeton T.A., Alipova S., Bekseitov G.T., Ospanov Y.A., Deom J.-M., Sala R., Taimagambetov Z. A chronological framework connecting the early Upper Palaeolithic across the Central Asian piedmont // Journal of Human Evolution. 2017. № 113. Pp. 107–126.
4. Ozherelyev D.V. Noveishie otkrytiya paleoliticheskikh pamyatnikov v Yugo-vostochnom Kazakhstane // Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii (KSIA). 2012. Vyp. 227. S. 182–191 (in Russian).

5. Banks W. E., d'Errico F., Zilhão J., Human-climate interaction during the Early Upper Paleolithic: testing the hypothesis of an adaptive shift between the Proto-Aurignacian and the Early Aurignacian // *Journal of Human Evolution*, 2013. № 64. Pp. 39–55.
6. Teyssandier N., Bon F., Bordes J.-G. Within projectile range: some thoughts on the appearance of the Aurignacian in Europe // *Journal of Anthropological Research*. 2010. № 66. Pp. 209–229.
7. Tsanova T. The beginning of the Upper Paleolithic in the Iranian Zagros: taphonomic approach and techno-economic comparison of Early Baradostian assemblages from Warwasi and Yafteh (Iran) // *Journal of Human Evolution*. 2013. № 65. Pp. 39–64.
8. Dinnis R., Bessudnov A.A., Reynolds N., Devière T., Pate A., Sablin M.V., Sinityn A.A., Higham T. New data for the Early Upper Paleolithic of Kostenki (Russia) // *Journal of Human Evolution*. 2019. № 127. Pp. 21–40.
9. Ozherelyev D.V., Dzhasybaev E.A., Mamirov T.B. Pervye dannye o stratigrafii i kul'turnoi atributsii mnogoslonoj stoyanki verkhnego paleolita Rakhat (Yugo-Vostochnyi Kazakhstan) // *KSIA*. 2019. Vyp. 254. S. 57–70 (in Russian).
10. Ozherelyev D.V., Dzhasybaev E.A., Mamirov T.B. Osobennosti kul'turnogo sloya i poselencheskie ob"ekty na stoyanke verkhnego paleolita Rakhat (sloi 2) v Yugo-vostochnom Kazakhstane // *KSIA*. 2021. Vyp. 262. S. 7–26 (in Russian).
11. Svoboda J., Pavlov I. Northwest. The Upper Paleolithic burial and its settlement context. Brno, 1997.
12. Bar-Yosef O., Belfer-Cohen A., Mesheviliani T., Jakeli N., Bar-Oz G., Boaretto E., Goldberg P., Kvaavadze E., Matskevich Z. Dzudzuana: an Upper Palaeolithic cave site in the Caucasus foothills (Georgia) // *Antiquity*. 2011. № 85. Pp. 331–349.
13. Krivoshapkin A.I., Kolobova K.A., Kharevich V.M. Industriya stoyanki Dodekatym-2 (Uzbekistan): novye dannye po verkhnemu paleolitu regiona // *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya*. 2009. T. 8, Vyp. 5: Arkheologiya i etnografiya. S. 74–97 (in Russian).
14. Olszewski D., The Zarzian in the context of the Epipaleolithic Middle East // *International Journal of the Humanities*. 2012. № 19. Pp. 1–20.
15. Nadel D. Ohalo II: A 23,000-Year-Old Fisher-Hunter-Gatherer's Camp on the Shore of Fluctuating Lake Kinneret (Sea of Galilee) // Y. Enzel & O. Bar-Yosef (Eds.), *Quaternary of the Levant: Environments, Climate Change, and Humans*. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. Pp. 291–294.
16. Derevyanko A.P., Shun'kov M.V. Stanovlenie verkhnepaleoliticheskikh traditsii na Altae // *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*. 2004. № 3. S. 12–40.
17. Wei Y., d'Errico F., Vanhaeren M., Li F., Gao X. An Early Instance of Upper Palaeolithic Personal Ornamentation from China: The Freshwater Shell Bead from Shuidonggou 2. *PLOS ONE*. 2016. № 11 (5).

МИР КНИГИ РФФИ

DOI: 10.22204/2587-8956-2022-110-03-138-140

Д.А. СУБЕТТО*

**Рецензия на книгу: Копелев Д.Н.
От мыса Головнина к Земле Александра I.
Российские кругосветные экспедиции
в первой половине XIX века.
М.: Политическая энциклопедия, 2021. – 311 с.****

Ключевые слова: Россия, XIX век, Мировой океан, кругосветные экспедиции

Монография доктора исторических наук Дмитрия Николаевича Копелева, известного петербургского историка, посвящена актуальной историко-географической теме освоения и всестороннего научного исследования Мирового океана во время кругосветных экспедиций российского военно-морского флота на судах под командованием И.Ф. Крузенштерна, В.М. Головнина, Ф.Ф. Беллинсгаузена, М.П. Лазарева, Ф.П. Литке, Ф.П. Врангеля и др. Тема морских экспедиций XIX в. особенно актуальна на современном этапе развития Российского государства, когда ищется и формируется свой, самобытный путь развития в нашем мире, для которого очень важен исторический фундамент — фундамент нового здания современной России!

В монографии описаны географические представления XVIII–XIX вв. об устройстве Мирового океана, позволившие, с одной стороны, установить и проследить взаимозависимости и тесные взаимосвязи между научными знаниями, формирующейся в то время визуальной картографической моделью Мирового океана и имперскими геополитическими программами Российского государства. С другой стороны, книга позволяет проанализировать влияние на систему взаимоотношений науки и власти идеологических, политических, социальных, научных и культурных факторов.

В монографии Д.Н. Копелева вводятся в научный оборот новые архивные материалы из коллекций крупнейших архивохранилищ России: Российского государственного архива военно-морского

* **Субетто Дмитрий Александрович** — доктор географических наук, декан факультета географии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.
E-mail: subettoda@herzen.spb.ru

** Проект 21-19-00134д.

флота (РГАВМФ), Российского государственного исторического архива (РГИА), Российского государственного архива древних актов (РГАДА), Пушкинского Дома (ИРЛИ РАН), Рукописного отдела Российской национальной библиотеки (РО РНБ), Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). Огромный интерес представляют материалы Исторического архива Эстонии (ЕАА), в которых отложились документы личных фондов великих русских мореплавателей И.Ф. Крузенштерна, Ф.П. Литке и Ф.П. Врангеля.

Обнаруженные Дмитрием Николаевичем Копелевым архивные материалы позволили ему не только уточнить различные детали кругосветных экспедиций, но и проанализировать их институциональное содержание, обнаружив и выделив важные аспекты организации трансокеанских плаваний, таких как разработка проектов и подготовка инструкций, подбор командиров и офицеров, снаряжение и технические вопросы организации экспедиций. Используемые в монографии материалы позволили автору пересмотреть и уточнить традиционные взгляды на историю русских кругосветных плаваний.

Д.Н. Копелеву удалось не только уточнить ряд важных эпизодов истории русского мореплавания, но и по-новому проанализировать и интерпретировать ряд ключевых событий (например, обстоятельства подготовки кругосветной экспедиции Григория Муловского во время царствования Екатерины II). Автор реконструировал геополитический и научный фон, сопровождавший снаряжение масштабной комплексной экспедиции М.Н. Васильева—Ф.Ф. Беллинсгаузена по исследованию Арктики и Антарктиды в 1818–1822 гг. (двухсотлетие которой приходится как раз на нынешнее время!), и увидел за этими масштабными геополитическими событиями имперский сценарий, сопровождаемый масштабной символической репрезентацией российской геополитики.

В монографии Д.Н. Копелева мир кругосветных экспедиций представлен пано-

рамно и ярко, за морскими плаваниями выстраивается целый комплекс важнейших институциональных и геополитических аспектов. С одной стороны, сами экспедиции проанализированы как важнейшее структурное звено освоения ойкумены, глобализации мира и инструмент российской геополитики в Мировом океане. С другой стороны, экспедиции, организованные по последнему слову научных технологий того времени, рассмотрены автором как системный феномен и изучены в фокусе истории западноевропейского трансфера и адаптации современных морских экспедиционных технологий на русской почве, под влиянием которого происходило формирование европейской составляющей идентичности России. Важнейшим моментом исследования Д.Н. Копелева является рассмотрение кругосветных экспедиций как некоего рода институциональной модели, в рамках которой проходила адаптация новейших научных и культурных технологий в интересах проведения широкомасштабных геополитических мероприятий по закреплению российского влияния в Мировом океане и превращению Тихого океана в «Озеро» России, управляемого российским флотом.

Особое место в монографии занимают вопросы социального характера, выстроенные по образцам современных методик историко-антропологического анализа. В фокусе данных исследовательских технологий автор предпринял успешную, на наш взгляд, попытку проанализировать эволюцию и трансформацию давно укоренённого в литературе термина «офицер-исследователь». Этим термином автор обозначает определённый типологический феномен учёно-практика, сложившийся благодаря процессам всестороннего изучения Мирового океана и ставший результатом интеллектуально-институционального переворота в морском деле, начало которому положили Великие географические открытия.

На примере жизнедеятельности русских мореплавателей И.Ф. Крузенштерна, В.М. Головнина, Ф.Ф. Беллинсгаузена,

М.П. Лазарева, Ф.П. Литке и Ф.П. Врангеля автор рассмотрел, как общие тенденции формирования подобного типа учёного-практика сочетались с индивидуальными чертами этих выдающихся офицеров-исследователей, патриотов своей Родины, соединивших в себе черты высокообразованных офицеров, профессионалов своего дела, обладавших огромным авторитетом в мировом научном сообществе. В связи с этим необходимо подчеркнуть важность монографии Д.Н. Копелева с точки зрения реконструкции культурного фона русских кругосветных экспедиций, позволившего представить, как отразилось на повседневных аспектах корабельной жизни влияние идей гуманизма и просветительства XIX в. Этот аспект, например, отразился в вопросах применения новых технологий

лечения и профилактики эпидемических заболеваний, главным образом лечения скорбуга (цинги).

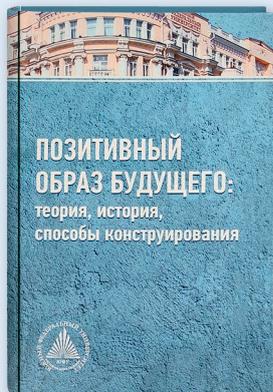
Ценность издания не вызывает сомнения. Но мне как географу хотелось бы видеть в книге побольше иллюстративного и картографического материала – карт и схем, на которых были бы отражены маршруты русских мореплавателей, географические объекты, упоминаемые в тексте. Полагаю, что следующее издание столь интересной и важной для любой аудитории книги будет дополнено картами и рисунками. Эта монография позволит читателю глубже вникнуть в эпоху морских путешествий XVIII–XIX вв. и оценить великую роль российских мореплавателей в географических открытиях того времени!

**Book Review: Kopelev D.N. From Cape Golovnin to the Land of Alexander I.
Russian Round-The-World Expeditions in the First Half of the 19th Century.
Moscow: Politicheskaya Entsiklopediya, 2021. – 311 p.**

Dmitry Alexandrovich Subetto – Doctor of Geographical Sciences, Dean of the Geography Department, Herzen State Pedagogical University.
E-mail: subettoda@herzen.spb.ru

Keywords: Russia, XIX century, World Ocean, round-the-world expeditions

DOI: 10.22204/2587-8956-2022-110-03-141-143

Л.В. РЯБОВА*

Рецензия на книгу: Позитивный образ будущего: теория, история, способы конструирования: Монография / Отв. ред. Т.С. Паниотова. Ростов-на-Дону; Таганрог: Изд-во Южного федерального университета, 2021. – 268 с.**

Ключевые слова: образ будущего, утопия, фантастическая литература, фэнтези, оптимизм, экзистенциальный оптимизм

В конце 2021 г. в Ростове-на-Дону, в Южном федеральном университете вышла примечательная книга «Позитивный образ будущего: теория, история, способы конструирования». Авторы взялись за изучение одного из самых сложных явлений человеческого сознания – способности строить проекты будущего, осуществлять «опережающее отражение», предвидеть и планировать тот мир, который является желанным и который хотелось бы воплотить в реальность.

Книга состоит из двух больших разделов, один из которых представляет собой историко-культурное и философско-теоретическое обсуждение позитивных образов будущего (тексты И.В. Желтиковой, Т.С. Паниотовой, И.Д. Тузовского, Е.В. Золотухиной), а другой – практико-ориентированное социологическое и психологическое рассмотрение темы

(М.А. Романенко, В.Н. Белоусова, М.Б. Ингерлейб), которое дополнено небольшим экскурсом в прикладной сюжет влияния культурной политики на представления о будущем (Е.А. Благородова). Примечательно, что во всех разделах работы присутствует важная мысль, которая порой теряется при поверхностном рассмотрении темы: все образы будущего – это образы, живущие и функционирующие *в настоящем*, это взгляд из «сейчас», из наличного состояния и только из него – динамичного и подвижного – мы можем мечтать, планировать и давать оценки тому, что ещё не появилось.

Начнём рассмотрение книги с её практической части. Так, глава 5 посвящена тому, как современная российская молодёжь, в частности студенты Южного федерального университета и школьники, учащиеся 9–11 классов, видят будущее – своё и страны. Проведя исследование,

* **Рябова Лариса Владимировна** — доктор философских наук, профессор кафедры философии и методологии науки Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Южно-Российский институт управления).
E-mail: larisaR5454@gmail.com

** Проект 20-011-00581.

ход которого представлен в виде 27 таблиц, авторы отмечают *парадоксальность* полученных результатов. На сегодняшний день большинство опрошенных молодых людей достаточно пессимистично оценили коллективное будущее, они явно не удовлетворены ситуацией в стране и мире, экономической нестабильностью, но при этом вполне верят в собственные позитивные перспективы, проявляя выраженный «экзистенциальный оптимизм». Впрочем, оптимизм этот произрастает из разных оснований: как из готовности «ковать будущее» своими руками, так и из надежды, образно говоря, «на доброго волшебника». Видимо, здесь немалую роль играет сам фактор молодости, когда «небо синее, а сахар сладкий».

Очень интересна шестая глава, написанная психотерапевтом М. Ингерлейбом. Автор анализирует представления о личном будущем, свойственные пациентам наркодиспансера. Для анализа образов будущего пациентов автор применяет методику метафорических проективных карт, которую он сам в немалой степени разработал, анализирует те толкования, которые дают картам пациенты, демонстрирует, как меняется в ходе лечения образ будущего – от его мрачных и тоскливых толкований к надежде и позитивному видению. При этом учитывается характер той темпоральной перспективы, о которой идёт речь, выделяется краткосрочная, среднесрочная и долгосрочная перспективы. «Испытуемые, находящиеся на финальных стадиях реабилитации, – пишет автор, – предъявляли... наполненный жизненными смыслами перечень: семья и восстановление семейных отношений, жизненные перспективы, открывающиеся при освобождении от зависимости, трудовая деятельность. Однако вместе с ростом осознанности образов ближайшего будущего в них появляется компонент тревожного ожидания, связанный с опасениями срыва, возврата к зависимости, трудностями восстановления отношений доверия с семьёй и в социуме» (с. 216). Как видим, здесь,

так же как при проведённом анализе взглядов молодёжи, отмечен *противоречивый* характер упований и надежд того, кто решил исправить и улучшить свою жизнь.

К экзистенциально-практической части книги непосредственно примыкает четвёртая глава, примерно половина которой посвящена индивидуальным надеждам людей на лучшее будущее. Автор главы Е.В. Золотухина выделяет два типа оптимистов: «естественные» и, можно сказать, «благоприобретённые». Читателю особенно интересно знакомиться с теми описанными в главе методиками улучшения взгляда на мир и будущие перспективы, которые помогают человеку стать оптимистом, а корнями своими уходят в размышления и поучения античности. Здесь речь идёт о корректировке тех оценок, которые человек, исходя из настоящего, даёт уже имеющимся благам, а также о работе воображения, позволяющего представить себе либо негативное будущее (чтобы ценить настоящее), либо позитивное, вдохновляющее на преодоление трудностей. Небанальной представляется мысль автора о роли свободы совести для утверждения оптимистического взгляда на реальность.

Три первые главы книги являются блестящими очерками разных теоретических ракурсов избранного коллективом сюжета.

Первая глава, написанная И.В. Желтиковой, специалистом по проблеме будущего, описывает образ будущего как теоретический конструкт. Это означает, что все способы говорить о будущем сами по себе являются выражением конкретной точки зрения, способа видения, методологии анализа. Автор анализирует западную философскую и прогностическую литературу, выделяя понятия «дальновидности», «проспекции», «фьючерсной грамотности» и др. Рассматриваются пути формирования образов будущего, влияние на создание этих образов мировоззренческих установок, а также, как это ни парадоксально, влияние *самого будущего*, ибо, подчеркнём вновь, мы всегда находимся в настоящем, но оно принци-

пиально *не завершено*. Методологический очерк заканчивается рассмотрением вопроса о конструировании образов будущего политической элитой.

Вторая глава, написанная Т.С. Паниотовой, фактически является концентрированным изложением идей о будущем ведущих европейских и русских мыслителей-утопистов с древности до наших дней. Утопия видится здесь как поиск образа желаемого будущего, который всякий раз несколько иначе смотрится из перспективы текущего настоящего. Автор дифференцирует множество присутствующих в изложении известных фигур согласно той преимущественной позиции, которую занимает «утопист-провидец»: это позиция идеалиста-творца либо правителя-практика. Разумеется, среди знаменитых имён нет «только лишь» фантазёров или властителей-управленцев. Как правило, каждый мыслитель совмещает оба взгляда, но одни предпочитают рисовать будущее в виде идеализированной картинке, поистине «утопии», где всё уравновешено и гармонично, а другие делают акценты на регулятивных формах, призванных вести жизнь по избранному, желаемому руслу. В этом смысле «утописты-правители» в большей степени смотрят в будущее *из настоящего*, стремясь стимулировать социальные процес-

сы для движения в задуманном направлении.

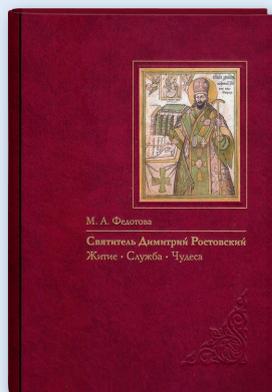
Третья глава – это увлекательный анализ взглядов на будущее, бытующих в современной фантастической литературе. Автор главы И.Д. Тузовский – большой знаток этого жанра, он открывает читателям грандиозную панораму разноречивых мнений о грядущем, выраженных в литературно-художественной форме. Он показывает, что в современном мире утопия живёт в самых разных формах, хотя среди литературных полотен немалое место занимают и мрачные картины, постапокалиптические сюжеты, технократические страшилки. И всё же мрачный взгляд – далеко не единственный, хотя порой он кажется доминирующим. Находится место и для прославления будущих научных подвигов, и для размышлений над перспективами глобализованного человечества.

Монография «Позитивный образ будущего: теория, история, способы конструирования» получилась интересной. Обсуждаемая в ней тема проектируемого общества особенно важна сейчас, во время острого геополитического столкновения России и коллективного Запада, когда идут бои не только в текстах, но и на реальных полях сражений. Представленный в книге ценностно-целевой анализ будит мысль и заставляет задуматься.

Book Review: Positive Image of the Future: Theory, History, Methods of Construction / Ed. by T.S. Paniotova. Rostov on Don; Taganrog: Southern Federal University Publ., 2021. – 268 p.

Larisa Vladimirovna Ryabova – Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department of Philosophy and Methodology of Science of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (South Russian Institute of Management).
E-mail: larisaR5454@gmail.com

Keywords: image of the future, utopia, fantastic literature, fantasy, optimism, existential optimism

В.В. КАЛУГИН*

**Рецензия на книгу: Федотова М.А.
Святитель Димитрий Ростовский:
Житие, Служба, чудеса. Исследование
и тексты. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом»,
2022. – 560 с. ****

Ключевые слова: Димитрий Ростовский, канонизация, житие, служба, чудеса, «Диариуш»

Творчество Димитрия (12.1651 – 28.10.1709), талантливого воспитанника Киево-Могилянского коллегиума, митрополита Ростовского и Ярославского (с 4.01.1702 г.), является связующим звеном в литературах восточнославянских народов. Выдающийся представитель славянского барокко, писатель разносторонних дарований, он прославился как замечательный богослов, библиист, церковный полемист, проповедник, гимнограф, поэт и драматург. Творчество Димитрия Ростовского, восточнославянского «метафраста», подвело итог древнерусской агиографии. Более двадцати лет (1684–1705) он трудился над обобщающим сводом житий святых. Собрал и переработав многочисленные древнерусские, латинские и польские источники, он создал «агиографическую библиотеку» — четырёхтомные Четыи Минеи (Киев: тип. Печерской лавры,

1689–1705), которые завоевали прочную читательскую любовь и неоднократно переиздавались.

Димитрий Ростовский — учёный автор, воспитанный в многоязычной и многоконфессиональной культурной среде Украины. В зависимости от жанра и целей сочинения он свободно писал на церковнославянском (по преимуществу книжные тексты), латыни, польском языках, на «простой мове» с местными народно-разговорными особенностями и сильной примесью польского и латинского (некоторые проповеди украинского периода, автобиографическая и эпистолярная проза).

Популярности Димитрия Ростовского способствовало официальное признание его как общерусского святого, от мощей которого совершались многочисленные чудеса. Димитрий Ростовский был канонизирован в 1757 г. и стал пер-

* **Калугин Василий Васильевич** — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела лингвистического источниковедения и истории русского литературного языка Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН.
E-mail: vasilykalugin@mail.ru

** Проект 21-112-00040.

вым святым после отмены патриаршества в России, в синодальный период Русской Православной Церкви (1700–1917 гг.). Как указывает М.А. Федотова, «процесс его канонизации послужил образцом для определения порядка канонизации в синодальную эпоху» (с. 163).

Научная литература, посвящённая Димитрию Ростовскому, огромна. Достаточно упомянуть имена таких крупных специалистов в данной области, как протоиерей Александр (А.М. Державин), А.А. Круминг, Л.А. Янковская. В этом ряду следует назвать и автора рецензируемой книги М.А. Федотову. В их работах изучение творчества Димитрия Ростовского было поднято на новый источниковедческий уровень. Однако литературное наследие Димитрия Ростовского настолько велико, разнообразно и сложно в источниковедческом и текстологическом отношении, что в нём до сих пор остаётся немало белых пятен и спорных вопросов. К сожалению, большинство его сочинений (даже такие важнейшие, как Четьи Минеи, «Келейный летописец», «Розыск о раскольнической брынской вере» и др.) не имеют научно-критических изданий, соответствующих современным требованиям.

Книга М.А. Федотовой создавалась в процессе многолетнего изучения творчества Димитрия Ростовского. Автора отличают глубокое знание источников, литературы вопроса и разносторонняя эрудиция, логическая последовательность научных положений и выводов и умение находить связь между, казалось бы, разобщёнными фактами. В монографии впервые в строгом научном освещении представлена история создания обширного димитриевского цикла: Житий Димитрия Ростовского и посвящённых ему гимнографических и других памятников, появившихся во второй половине XVIII – начале XIX в. Разумеется, и ранее были подходы к этой теме, но цельной картины так и не получилось. Пожалуй, самыми сильными сторонами работы являются её источниковедческая и текстологическая части.

Исследование написано на богатом фактическом материале малоизвестных архивных документов, рукописных и печатных книг. Всего в монографии использовано около 200 рукописей из собраний Москвы, Санкт-Петербурга, Ростова, Ярославля, Киева и Чернигова (с. 534–538). Многие из источников уникальны. Они впервые введены в научный обиход и проливают яркий свет на жизнь, творчество и канонизацию Димитрия Ростовского.

Описание фактов сопровождается глубоким историко-литературным анализом. М.А. Федотова продолжает и развивает лучшие традиции Петербургской текстологической школы, основным положением которой является принцип, сформулированный Д.С. Лихачёвым: не только максимально полное привлечение к исследованию списков того или иного произведения, но и комплексное изучение текста и междисциплинарный подход.

Монография М.А. Федотовой состоит из трёх частей: исследование, тексты, Приложение. Во Введении кратко и содержательно изложена биография Димитрия Ростовского. В первой части книги исследованы история его канонизации и становление димитриевского цикла произведений. В период с 1757 по 1801 г. появились четыре Жития Димитрия Ростовского и пять служб ему на обретение мощей (память 21 сентября) и преставление (память 28 октября). Среди их авторов были такие известные деятели, как митрополит Ростовский и Ярославский Арсений (Мацеевич), епископ Переславский и Дмитровский Амвросий (Зертис-Каменский), видный масон князь Г.П. Гагарин, напечатавший в 1798 г. Службу с акафистом на день преставления Димитрия Ростовского, и др.

Особое внимание уделено такому сложному вопросу, как атрибуция анонимных произведений. Рассматривая Житие Димитрия Ростовского в первом издании его собрания сочинений, М.А. Федотова справедливо указывает, что авторство Я.А. Татищева, инициатора этого собрания сочинений, не доказано. Я.А. Татищев мог быть

только переводчиком на стандартный церковнославянский язык Жития, составленного украинским автором. Поэтому правильнее называть этот источник Синодальным житием 1784 г., допуская какое-то участие в нём Я.А. Татищева (с. 91). В это время появлялись и другие произведения, связанные с канонизацией и прославлением Димитрия Ростовского: гимны, канты и т.п. Среди них стихотворная эпитафия, выгравированная на монументальном серебряном киоте с образом Димитрия Ростовского работы известного итальянского художника Пьетро Ротари, атрибутируется М.В. Ломоносову. Она близка по структуре и содержанию к одическому жанру (с. 54, 56, 57).

Отдельный корпус источников составляют многочисленные записи чудес Димитрия Ростовского. Эти интересные документы заслуживают исключительно внимательного рассмотрения. В работе установлена следующая закономерность. Прижизненные чудеса связаны главным образом с даром провидения и изгнания бесов, а почти все посмертные принадлежат по своему типу к чудесам-исцелениям. И ещё одна важная особенность. Как отмечает М.А. Федотова, «вряд ли мы сможем назвать какого-либо другого русского святого, от мощей и по молитве которому было записано такое большое количество чудес» (с. 162). Записи чудес оказали влияние на Жития и иконографию Димитрия Ростовского. В клеймах икон могут помещаться описания его чудес, источником которых были записи следственной комиссии по канонизации: «на икону переносится не только вся информация об исцелённом, но и сведения о членах самой комиссии» (с. 164).

Не следует думать, что памятники димитриевского цикла представляют интерес только с церковной и историко-культурной точки зрения. В неменьшей мере они важны для истории церковнославянского языка и литературы в XVIII в. Эта область изучена всё ещё недостаточно. М.А. Федотова убедительно показала, что произведения димитриевского цикла

(прежде всего Жития) продолжают традиции древнерусской агиографии и написаны в соответствии с агиографическим каноном, как того требовала средневековая поэтика, но в то же время они приобретают новые черты исторической биографии. Жития Димитрия Ростовского «наполнены биографическими сведениями и тем самым отличаются от древнерусских житий: это не только описание добродетельной жизни святого, но и биография известного писателя», насыщенная историческими фактами и реалиями (с. 72, 97, 163). Дальнейшая литературная история Жития Димитрия Ростовского в XIX – начале XX в. пошла по пути ещё большего «биографизма» (с. 100).

Как установила М.А. Федотова, новшества вторгаются и в гимнографию. Ведь даже такой достаточно консервативный жанр, как тропарь, претерпевает изменения, соединяясь с молитвой и икосом. Сама же «молитва превращается в стихотворный текст, а религиозные стихи – в молитву» (с. 164). Очень интересна стихотворная эпитафия, написанная на нижнем поле парсуны (портрета-иконы) Димитрия Ростовского. М.А. Федотова справедливо определяет эпитафию «как своеобразное Виршевое житие» (с. 35), «почти детальную биографию» (с. 60) и рассматривает её в связи со стихами в жанре подписи на иконе или гравюре в восточнославянской поэзии второй половины XVII–XVIII в. (Симеон Полоцкий, Карион Истомино и др.). Любопытно, что эта насыщенная фактическими подробностями эпитафия появилась, когда ещё не были написаны Жития Димитрия Ростовского, и сама послужила источником для них.

Вторая часть книги включает научно-критическое издание большого корпуса редких и ценных источников. Многие из них публикуются впервые. Сюда входят: 1) три Жития Димитрия Ростовского, составленные митрополитом Арсением (Мацеевичем) в 1757–1758 гг. и, возможно, игуменом Спасо-Яковлевского монастыря Лукой в 1761–1763 гг. (по жанру –

проложный текст), а также Синодальное житие 1784 г.; 2) службы, канон и акафисты Димитрию Ростовскому; 3) молитвы ему; 4) гимны и канты; 5) чудеса святителя. Тексты подготовлены очень тщательно, по правилам литературоведческой публикации источников с сохранением всех особенностей языка авторов и документов. Все тексты снабжены источниковедческими и археографическими комментариями.

Важным и полезным является Приложение к книге. Оно содержит источниковедческое исследование «Диариуша» Димитрия Ростовского, его дневниковых записей, главного источника его биографии. В «Диариуше» подробно изложен украинский период жизни Димитрия, но почти нет записей, сделанных в Москве и Ростове (с. 94). М.А. Федотова подчёркивает, что «Диариуш» продолжает традиции автобиографического жанра, существовавшего в украинской и белорусской литературе XVII в. В связи с этим примечательно, что один из двух сохранившихся списков «Диариуша» брестского игумена Афанасия (Филипповича), самый ранний и наиболее полный, находится в конце Толковой Псалтыри, принадлежавшей Димитрию Ростовскому (с. 465, сн. 3). В Приложении опубликованы по рукописям Основная и Летописная редакции «Диариуша», который оказал значительное влияние на рукописную и печатную традицию Житий Димитрия Ростовского.

В автобиографической и эпистолярной прозе Димитрия Ростовского наиболее отчётливо проявились новые черты, характерные для переходного периода от средневековой литературы к литературе Нового времени: личность автора, «мелочи архи-, прото- и просто иерейской жизни», бытовые подробности, на которые так мало обращали внимание древнерусские книжники, устремлённые к высшим сферам, и т.п. У Димитрия Ростовского даже чудесное видение во сне представлено как разговор автора с его героем и имеет характер критических замечаний писателю.

В 1689 г. вышел в свет первый том Четых Миней. Под 10 ноября здесь помещено Страдание мученика Ореста Тианского (Каппадокийского). В конце жития Димитрий присоединил любопытное сообщение о сонном видении в 1685 г., во время Рождественского поста. Когда Димитрий закончил Страдание Ореста, тот явился ему во сне и заявил, что он больше принял за Христа мучений, чем описал агиограф, и подробно поведал о них (с. 519–520). После этого Димитрий дополнил Страдание Ореста этим разговором автора со своим героем. В том же 1689 г. Димитрий включил рассказ о видении задним числом, под 1685 г., в «Диариуш», где в силу специфики бытового жанра дневниковых заметок описал случившееся не по-церковнославянски, как в Четых Минеях, а на «простой мове». Впоследствии это видение было подробно пересказано в Синодальном житии Димитрия Ростовского, автор которого широко пользовался «Диариушем» (с. 93), но почти наверняка знал и Страдание Ореста.

Книга М.А. Федотовой даёт исчерпывающее представление о становлении димитриевского цикла памятников в XVIII в. и содержит научно-критическое издание всех основных источников по данной проблеме. Результаты исследования и введение в широкий научный обиход редких и ценных материалов будут стимулировать работы других учёных, занимающихся литературным наследием Димитрия Ростовского.

Исследование М.А. Федотовой выполнено на исключительно высоком научном уровне. Оно соответствует самым строгим международным требованиям, историко-филологическим и эдитационным. Книгу отличают богатство фактического материала и концептуальная глубина интерпретаций, стройность композиции и литературная индивидуальность стиля, простого и понятного, в котором нет наукообразности. Читать её будет интересно не только специалистам. Особо следует отметить высокую степень обоснованности научных положений и выводов. Их достоверность

надёжно подтверждается многочисленными фактами, архивными документами, рукописными и старопечатными источниками. Монография М.А. Федотовой подводит итог её многолетним разысканиям

в сложных, требующих особого таланта областях историко-филологических наук и вносит ценный вклад в исследование жизни, творчества и канонизации Димитрия Ростовского.

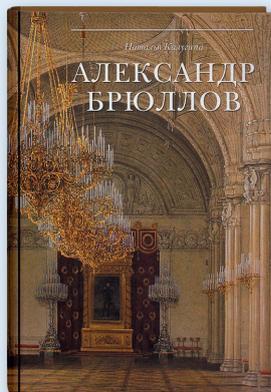
Book Review: Fedotova M.A. Saint Demetrius of Rostov: Life, Service, Miracles. Research and texts. St. Petersburg: Publishing House «Pushkinsky Dom», 2022. – 560 p.

Vasilij Vasilyevich Kalugin – Doctor of Philological Sciences, Chief Researcher, Department of Linguistic Source Studies and the History of the Russian Language, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: vasiliykalugin@mail.ru

Keywords: Demetrius of Rostov, canonization, Life, Service, miracles, Diariusz

DOI: 10.22204/2587-8956-2022-110-03-149-152

И.Г. БАСОВА*

Рецензия на книгу: Калугина Н.А. Александр Брюллов. Архитектор и рисовальщик. М.: БуксМарт, 2021. – 512 с.: ил.**

Ключевые слова: Александр Павлович Брюллов (1798–1877), архитектурная графика, проектные и фиксационные чертежи, русская архитектура XIX века, путевые альбомы, акварельный портрет XIX века, Павел Александрович Брюллов (1840–1914)

Творческое наследие художников-графиков, будь то портреты или архитектурные наброски, изучены гораздо хуже произведений их коллег-живописцев. Виной тому разрозненность графических листов по разным собраниям, их труднодоступность для изучения, что связано с особыми требованиями к их хранению и экспонированию. Имеет значение и солидное количество рисунков, исчисляемых, как правило, сотнями, если речь идёт о крупном мастере. Не случайно даже прошедшие в Москве монографические выставки, посвящённые таким знаменитым художникам-графикам, как А.П. Брюллов (2008), В.И. Гау (2010–2011), П.Ф. Соколов (2013), К. Гампельн (2018–2019), демонстрируют лишь относительно небольшую часть их сохранившихся произведений. Нужно обладать поистине поразительной настойчивостью и редким трудолюбием, чтобы собрать воедино весь разрозненный графический матери-

ал, принадлежащий одному мастеру, тем более когда речь идёт о такой разносторонней личности, какой был Александр Павлович Брюллов (1798–1877). В 2021 г. благодаря поддержке РФФИ и издательству «БуксМарт» этот незаурядный и талантливый мастер удостоился, наконец, первой обобщающей монографии о своём творчестве. Книга является плодом двадцатилетней исследовательской деятельности Н.А. Калугиной, кандидата искусствоведения, научного сотрудника Государственной Третьяковской галереи. Вкупе с упомянутыми качествами преодолеть трудности, связанные с систематизацией и обобщением богатейших сведений о художнике, исследовательнице помогли свойственная ей сказочная аккуратность и умение внимательно, вдумчиво относиться к материалу.

Н.А. Калугина рассматривает поочерёдно каждую грань профессиональной деятельности А.П. Брюллова, посвящая от-

* **Басова Ирина Геннадьевна** — кандидат искусствоведения, научный сотрудник отдела живописи XVIII – первой половины XIX в. Государственной Третьяковской галереи.
E-mail: nika3410@yandex.ru

** Проект 20-112-00169д.

дельные главы его архитектурным проектам и чертежам, проектам мемориальных сооружений, альбомной, станковой и печатной графике, гравюре и литографии.

Начиная обзор наследия мастера с его сохранившихся архитектурных памятников, автор как бы подчёркивает превалирующее значение этого вида творчества в судьбе мастера. Украшая повествование обильными цитатами из писем и воспоминаний, нередко почерпнутыми из неопубликованных архивных источников, Калугина приводит архитектурный анализ памятников, делясь своими мыслями по поводу стилистических предпочтений А. Брюллова. Исследователь строит свои рассуждения, основываясь на убеждении, что творчество Брюллова принадлежит к эклектическому направлению в архитектуре. Освоив опыт зодчества самых разных эпох и стилей, чему немало способствовала пенсионерская поездка в Европу, архитектор оставлял за собой право выбора образца, который он мог свободно «цитировать» в различных сооружениях в зависимости от их назначения. Однако решающее влияние на творчество Брюллова оказали образцы римской архитектуры. Он до конца жизни оставался верным учеником Академии художеств, где вся система образования была ориентирована на античность. Особенно это влияние обнаружилось в проекте реставрации так называемых Помпеянских терм, который подробно рассматривается в монографии. Проект представляет собой, по сути, портфель фиксационных чертежей вновь открытого на тот момент археологами памятника. Благодаря связям с Неаполитанским королём Брюллов добился чести первым изучить его.

Ранняя, можно сказать, ученическая работа по восстановлению помпеянских терм вывела Брюллова на уровень таких прославленных архитекторов — знатоков античности, какими были, например, Ш.-Л. Клериссо или Ч. Камерон. Не случайно этот труд получил необыкновенно высокое признание: благодаря ему создатель удостоился зва-

ний архитектора Его Величества, члена-корреспондента Французского института, члена Королевского института архитекторов в Англии и члена академий художеств в Милане и Петербурге.

В монографии Н.А. Калугина впервые подробно рассматривает и анализирует эти чертежи, позже литографированные и изданные отдельным увражем. Автор приводит убедительные доказательства того, что предметом интереса Брюллова служили не термы в Стабиях, как считалось ранее, а термы Форума. Анализ Помпеянских терм автор отводит отдельный большой раздел в главе, посвящённой проектной графике.

О признании таланта Брюллова-архитектора свидетельствует ряд исполненных им значимых государственных заказов, среди которых здание Пулковской обсерватории, проекты воссоздания интерьеров Зимнего дворца после пожара 1837 г., реконструкция обветшавшего Мраморного дворца в 1845–1849 гг. Об этих, а также более камерных постройках, возведённых по проектам архитектора для частных лиц, идёт речь в рассматриваемой монографии.

Своеобразным открытием главы, посвящённой альбомной и станковой графике, является уникальное подробное описание восьми путевых альбомов художника, выполненных во время пенсионерской поездки в 1820-е гг. Отчасти эти описания восполняют недостаток информации из-за отсутствующего пока академического каталога рисунка Государственного Русского музея. Кроме того, дальновидное обращение Калугиной к рассмотрению этих редких, недостаточно изученных пока памятников даёт возможность увидеть личность А.П. Брюллова в контексте его эпохи, когда путешествия играли огромную роль в жизни образованного человека.

«Охота к перемене мест...», помимо образовательного значения, дарила путешественникам ощущение внутренней свободы. А культ свободы являлся ключевым понятием эпохи романтизма, на которую приходятся годы расцвета творчества

А. Брюллова. Материальным свидетельством пребывания в дальних краях являлись путевые дневники, отчёты и зарисовки в путевых альбомах. По замечанию внушки Александра Брюллова, он, как и его брат Карл, «никогда не расставались с альбомами для рисования, зарисовывали всё и везде, где могли». Эти беглые зарисовки служили не только основой для будущих картин, но также фиксировали те первые непосредственные впечатления, которые переполняли восторженные души юных служителей трёх знатнейших художеств, рассказывали о личности своих создателей порой гораздо больше, чем их законченные произведения.

Не менее интересен раздел книги, посвящённый портретному жанру в творчестве художника. Акварельные изображения, которые А. Брюллов писал, как он сам выражался, «почти шутя», снискали ему славу известного портретиста. И хотя эта часть наследия мастера является наиболее изученной, внимательный читатель и здесь найдёт для себя немало любопытной информации. Совокупное изучение архитектурной и станковой графики даёт свои преимущества. Так, Н.А. Калугина смогла выделить некоторые особенности творческого почерка художника, обусловленные его опытом построения архитектурных чертежей.

Огромный иллюстративный материал, собранный автором в Третьяковской галерее, Русском музее, Государственном музее архитектуры, Музее-усадьбе «Приютино», Государственном музее А.С. Пушкина и целом ряде других собраний, является бесценным источником информации о творчестве художника. В общей сложности были привлечены к исследованию произведения из 10 частных коллекций и более чем 30 музейных собраний. Многие рисунки воспроизводятся впервые.

Значительная часть изображений в книге — фотографии самого автора. Памятники, рассредоточенные по разным городам, зафиксированы порой с необычных ракурсов. Внимательный глаз исследовате-

ля чутко к деталям декоративного убранства, которые позволят судить о почерке Брюллова-орнаменталиста.

Читателю, знающему А. Брюллова более как портретиста, будет небезынтересно познакомиться с его видовыми акварелями, представляющими главным образом виды Рима, его окрестностей и юга Италии, как то Неаполя, Сицилии и Сорренто. Основная часть рисунков, включающих порядка 40 изображений, хранится в Русском музее и до сих пор не становилась предметом специального исследования. Принадлежит к поколению людей — ровесников XIX в., чье мировоззрение складывалось под влиянием концепции романтизма, Брюллов переосмысливает подход к изображению античных памятников, органично вплетая их в канву современного города. Этим он отличается от предыдущего поколения интерпретаторов античного наследия, более склонных к философскому его осмыслению.

Параллельно основной канве исследования рассматривается судьба семьи Брюлловых, подарившей России и миру целую плеяду мастеров изобразительного искусства. Калугина подробно восстанавливает биографию самого А.П. Брюллова, приводит точную хронику его жизни и творчества. Ряд интересных сведений сообщается о наиболее известном члене семьи, брате Александра — живописце Карле Павловиче Брюллове. Значительный вклад в изобразительное искусство внёс сын Александра Павловича — живописец Павел Александрович Брюллов, судьбу которого впервые столь подробно реконструирует автор монографии. Книга снабжена рядом уникальных семейных фотографий семьи Брюлловых. Активное привлечение самых разнообразных архивных документов, многие из которых впервые вводятся в научный оборот, делают монографию ценным источником самой разноплановой информации, связанной с личностью и творчеством А.П. Брюллова.

В целом книгу отличает академический подход к подаче материала, предполага-

ющий максимальный охват памятников и последовательное их описание. Автор, таким образом, продолжает лучшие традиции искусствоведения, сложившиеся ещё в XX в. Но это нисколько не означает, что в наш век, насыщенный изданиями с хитроумно поставленной проблематикой и неожиданными поворотами темы, огромный том о творчестве А. Брюллова рискует затеряться на полках книжных магазинов.

К числу безусловных достоинств рассматриваемой книги, кроме отмеченного выше огромного пласта новых архивных и иллюстративных материалов, следует отнести богатый справочный аппарат. Сюда входят генеалогическое древо семьи Брюлловых и подробный указатель учеников А.П. Брюллова, включая ряд мало известных сегодня художников. Все фа-

милии сопровождают подробные биографии. Фамилии учеников снабжены также перечнем основных работ и перечнем литературы по теме. Приводится исчерпывающая библиография, включая редкие издания и периодику, относящаяся к творчеству А.П. Брюллова. Публикуется выставочная история, которая позволяет проследить хронологию развития интереса специалистов и публики к личности Александра Брюллова. Все эти сведения не могут не оценить по достоинству как искусствоведы и музейные сотрудники, так и частные коллекционеры и собиратели.

Остается сожалеть, что из-за ограниченности объёма монографию не удалось дополнить каталогом произведений Александра Брюллова. Однако он был составлен Н.А. Калугиной и хранится в столичных библиотеках на правах рукописи.

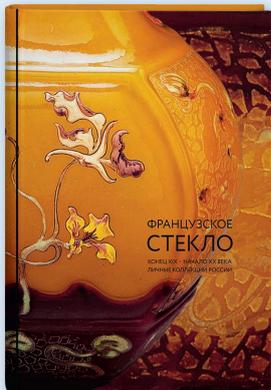

**Book Review: Kalugina N.A. Alexander Bryullov. Architect and Artist.
Moscow: BuksMart, 2021. – 512 p.: ill.**

Irina Gennadievna Basova – Candidate of Art History Studies, Researcher at the Art Department of the 18th – the first half of the 19th century, the State Tretyakov Gallery.
E-mail: nika3410@yandex.ru

Keywords: Alexander Pavlovich Bryullov (1798-1877), architectural graphics, design and fixing drawings, Russian architecture of the XIX century, travel albums, watercolor portrait of the XIX century, Pavel Alexandrovich Bryullov (1840-1914)

DOI: 10.22204/2587-8956-2022-110-03-153-157

И.Ю. ПЕРФИЛЬЕВА*

**Рецензия на книгу: Долгих Е.В.
Французское стекло.
Конец XIX – начало XX века.
Личные коллекции России.
М.: БуксМАрт, 2021. – 624 с.: ил. ****

Ключевые слова: художественное стекло, стиль модерн, частные коллекции

В отечественной научной литературе последних десятилетий, посвящённой искусству рубежа XIX–XX вв., публикаций, анализирующих историю и стилистическое развитие художественного стеклоделия, в том числе французского стекла ар-нуво, довольно много. Среди наиболее значимых работ, предшествующих рецензируемому изданию «Французское стекло. Конец XIX – начало XX века. Личные коллекции России», следует назвать книги «Мировое художественное стекло XX века. Основные тенденции. Ведущие мастера» [7], «Женские и флоральные мотивы в декоративно-прикладном искусстве модерна» [6], альбом «Линии Галле. Европейское и русское цветное многослойное стекло конца XIX – начала XX века в собрании музеев России» [8], а также многочисленные статьи российских и зарубежных исследователей французского художественного стекла конца XIX – начала XX в., опубли-

кованные как в тематических научных сборниках и материалах конференций [2], так и в научно-популярных периодических изданиях, таких как журнал «Антиквариат, предметы искусства и коллекционирования».

В этих и других публикациях, посвящённых стеклоделию, этот вид декоративно-прикладного искусства рассматривается либо в широком контексте художественно-стилистических тенденций эпохи [1], либо имеет монографический характер, исследуя творческую деятельность ведущих мастеров-стеклоделов и художников по «рафинированию» стекла [4], либо представляет хорошо аннотированные каталоги выставок [5] или музейных собраний в России [9] и за рубежом.

Абсолютное большинство авторов исследуют материал по французскому художественному стеклу рубежа веков в общем контексте проблем искусства

* **Перфильева Ирина Юрьевна** — доктор искусствоведения, главный научный сотрудник отдела художественных проблем дизайна, декоративного и народного искусства Научно-исследовательского института теории и истории изобразительных искусств Российской академии художеств.
E-mail: perfileva-irina@yandex.ru

** Проект 20-112-00176.

ар-нуво и русского модерна: анализируют общие принципы формообразования, основные изобразительные сюжеты и характерные орнаментально-растительные мотивы стиля ар-нуво. Характеристики художественного стекла прослеживаются на примере, главным образом, творчества выдающихся художников. Что делает общую картину чётче и понятнее, но при этом зачастую опускаются важные нюансы, свидетельствующие о неоднозначности явления в целом и множестве частных его проявлений в деятельности мастеров и художников «второго ряда».

Отсутствие таких сведений в фундаментальных исследованиях может быть восполнено только в изданиях справочного характера, целью которых и является максимальный сбор и публикация всех известных на данный момент сведений о жизни и творчестве художников и мастеров, характерных чертах их произведений, наконец, сведения о производствах: мануфактурах и заводах, которые в той или иной форме сотрудничали с художниками, привлекая их к оформлению своей продукции или выполняя их заказы на создание «гладья» (форм из стекла). Наиболее значимым справочным изданием в этом аспекте представляется «Ар-деко: Энциклопедия, полный справочник декоративно-прикладного искусства 1920–1930-х годов» [3], в котором художественное стекло рассматривается наряду с другими видами искусства указанного периода.

В то же время очевидно, что художественное стекло сыграло совершенно особую роль в становлении и эволюции стиля ар-нуво, родиной которого является Франция рубежа XIX–XX вв. Таким образом, актуальность рецензируемой книги не вызывает сомнений.

Настоящее научное издание подготовлено известным специалистом в области изучения зарубежного и отечественного художественного стекла, имеющим большой опыт организационной, научной, педагогической деятельности, а также выступающим в качестве эксперта и консультанта

по антикварному русскому и европейскому стеклу. За многие годы работы Е.В. Долгих подготовила ряд монографических исследований по истории отечественного и зарубежного стекла, а также большое число статей, посвящённых разным проблемам художественно-стилистического развития и творчеству ведущих художников по «рафинированию» стекла.

Рецензируемая книга является своеобразным итогом многолетних исследований автора. В ней собран чрезвычайно обширный фактический материал по частным коллекциям, который по понятным причинам в предыдущих исследованиях либо был опущен, либо упоминается в сносках за пределами основного текста.

Итак, основная задача автора настоящей книги состояла в том, чтобы представить читателю и ввести в научный оборот малоизвестный, а по большей части вообще неизвестный материал: памятники французского художественного стекла конца XIX – начала XX в., находящиеся в частных коллекциях в России. Эти собрания оказались настолько полными и представительными, что позволили автору предварить их публикацию обширными текстами, посвящёнными ключевым моментам в эволюции французского стекла ар-нуво.

В соответствии с избранным принципом подачи материала автор не выстраивает поэтапно исторический процесс в эволюции французского художественного стекла. Но даёт исчерпывающую информацию о каждой значительной фигуре, основных предприятиях или мастерских, общественной организации и, наконец, о месте, которое занимал художник или его мастерская на международной арене, о чём свидетельствовал успех на Всемирных художественно-промышленных выставках.

В предисловии Е.В. Долгих даёт краткий очерк непростой истории Лотарингии, находящейся на границе двух крупнейших и постоянно соперничающих между собой держав – Франции и Пруссии, что косвен-

но не могло не сказаться как на технико-технологическом, так и на художественно-стилистическом развитии стеклоделия в этом регионе.

Последующие 14 глав можно разделить на несколько тем: посвящённых ведущим художникам — Эмилю Галле и Рене Лалику, мануфактурам и мастерским — фирме «Дом», оказавшим определяющее влияние на формирование и эволюцию художественной стилистики французского стекла ар-нуво; освещающих деятельность стекольных заводов, активно сотрудничавших с лидерами оформления стекла, создавая для них гладьё, совершенствуя традиционные и разрабатывая новые технологии и технические приёмы, отвечающие требованиям изощрённой творческой фантазии художников. Завершают блок главы, посвящённые деятельности художников и заводов, которые продолжают и развивают традиции «стиля Галле», а также анализируют художественно-выразительные возможности некоторых техник оформления стекла: пат-де-вер, опаловое стекло, и само стекло как своеобразный манифест стиля ар-нуво, повлиявшего на декор архитектуры этого периода.

Автору удалось выявить важнейшие моменты в развитии художественного стеклоделия во Франции и подчеркнуть значение этого вида искусства как одного из ведущих направлений ар-нуво. Фокус контрастов нового стиля обусловил высокое духовное напряжение творческой индивидуальности, стремление направить художественный поток в массовое производство бытовых предметов — «охватить мир красотой».

В книге выявлена роль стекла как «идеального материала» для пластических, цветовых и фактурных экспериментов, которые способствовали раскрепощению художника и освободили его от фабричных традиций. В актуальном аспекте взаимодействия творческого начала и коммерции в книге рассматривается трансформация роли художника на производстве, ставшего творческим лидером в деятельности

фирмы, авторитет которого обеспечивал успешное коммерческое развитие предприятия, выпускавшего высококачественную серийную продукцию для всех слоёв населения. В этом контексте принципиально важным представляется высказанная автором мысль о том, что именно выход предметной формы стеклянной вазы за пределы её функциональности создал фактические предпосылки для начала «станковизации» в декоративном искусстве.

В книге не раз упоминается Школа Нанси — «Провинциальный союз художественных промыслов». Тем самым Е.В. Долгих подчёркивает её значение и роль объединяющего фактора, стимулировавшего предприятия к выработке общего направления художественно-стилистического развития, которое было обусловлено патристическими настроениями художников Лотарингии. В рамках этого объединения процветали специфические особенности каждого художника или завода. Немаловажную роль Школа Нанси, как профессиональное объединение мастеров и художников по стеклу, сыграла в строгом соблюдении этических норм поведения в творческой среде, где открытость новым идеям сочеталась с принципами сохранения тайн ремесла.

Мы понимаем всю сложность и деликатность проблемы провенанса частных коллекций, однако жанр «справочника», как нам кажется, предполагает наличие информации о происхождении материалов, вошедших в иллюстрированный каталог издания, т.е. об истории формирования частных коллекций, опубликованных в книге, и их владельцах, коль скоро они согласились обнародовать свои собрания.

Было бы целесообразно также установить более тесную связь текста с каталогом. Это можно было сделать ссылками в тексте на конкретные примеры — иллюстрации.

Наконец, автор даёт в тексте достаточно развёрнутые описания различных технико-технологических приёмов создания и оформления стекла. Они встре-

чаются неоднократно, так как при всех модификациях их используют разные художники и на разных заводах. В середине текста (на с. 251–255 и др.) дано несколько сносок, поясняющих названия техник. Читателю было бы удобнее пользоваться книгой, если бы расшифровка технических терминов была вынесена в приложение в виде «словаря».

Завершая разбор рецензируемой книги, ещё раз подчеркнём её несомненные достоинства. Научную базу публикации составляет большой объём материала, собранного автором в российских частных коллекциях, и значительный список специальной литературы по данному направлению.

Продуманная и сбалансированная структура книги позволила автору в деталях, через развитие конкретных заводов, творческих мастерских при них, а главное, путём анализа практической деятельности и творческой эволюции ведущих художников и мастеров скрупулёзно изложить фактическую историю, художественно-стилистические и технико-

технологические особенности французского стекла ар-нуво. Сочным и выразительным языком Е.В. Долгих подробно описала характерные и типические черты стилистики каждого завода по созданию стекла, каждого значительного художника и мастерской по его «рафинированию».

Данная книга, как уникальный справочник по истории, художественно-стилистическому и технико-технологическому развитию французского художественного стекла ар-нуво и ар-деко, будет полезна будущим исследователям этого вида декоративно-прикладного искусства. Она также представляет серьёзное научное подспорье для коллекционеров, так как помимо фактической информации содержит большое число ссылок на отечественную и зарубежную научную литературу, вышедшую за последние 40 лет.

Отметим также, что высокое полиграфическое качество издания делает его привлекательным и для широкого круга читателей, любителей и ценителей французского художественного стекла стилей ар-нуво и ар-деко.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимова Е.А. Европейское художественное стекло эпохи модерна // На рубеже веков... Искусство эпохи модерна. СПб.: ГЭ, 2006, С. 71–87.
2. Анисимова Е.А. Коллекция западноевропейского стекла из собрания Музея Центрального училища технического рисования барона А.Л. Штиглица в Эрмитаже // Сборник материалов Всероссийской юбилейной конференции «Учебный художественный музей и современный художественный процесс». К 50-летию воссоздания Ленинградского художественно-промышленного училища и его музея (б. Центральное училище технического рисования барона А.Л. Штиглица). СПб.: СПГХПА, 1997. С. 77–84.
3. Ар-деко: Энциклопедия, полный справочник декоративно-прикладного искусства 1920–1930-х годов / Эластер Дункан; перевод с английского Л.А. Борис. М.: Арт-Родник, 2010.
4. Байдин В. Эмиль Галле и русский модерн // Антиквариат, предметы искусства и коллекционирования, 2007. № 10 (51), октябрь. С. 42–51.
5. Долгих Е.В. Стекло французского модерна. Частная коллекция. Каталог выставки. Царицыно. Музей-заповедник. М.: Восточно-Европейский антикварный дом, 2013.
6. Казакова Л.В. Женские и флоральные мотивы в декоративно-прикладном искусстве модерна. М.: Памятники исторической мысли, 2009.
7. Казакова Л.В. Мировое художественное стекло XX века. Основные тенденции. Ведущие мастера. М.: Пинакотека, 2007.
8. Линии Галле. Европейское и русское цветное многослойное стекло конца XIX – начала XX века в собраниях музеев России. [Книга-альбом в рамках программы «Первая публи-

кация» Благотворительного фонда В. Потанина / Авт. концепции изд.: Наталия Толстая, Алла Чуканова, Татьяна Юдкевич; авт. ст.: Елена Анисимова и др.]. М.: Проектное бюро «Спутник»: Программа «Первая публикация», 2013.

9. Лотарингские орхидеи...: искусство Эмиля Галле и братьев Дом: [каталог выставки] / Гос. Эрмитаж; [ред. Н.М. Михалева]. СПб: Гос. Эрмитаж, 1999. – 175 с.: цв. ил.

Book Review: Dolgikh E.V. French Glass. The Late 19th – Early 20th Century. Private Russian Collections. Moscow: BooksMArt, 2021. – 624 p.: ill.

Irina Yurevna Perfilova – Doctor of Art History, Chief Researcher, Art of Design, Decorative and Folk Art of the Research Institute of Theory and History, Fine Arts Research Institute of the Russian Academy of Arts. E-mail: krass49@gmail.com

Keywords: art glass, modern style, opal glass, private collections

REFERENCES

1. Anisimova E.A. Evropeiskoe khudozhestvennoe steklo epokhi moderna // Na rubezhe vekov... Iskusstvo epokhi moderna. SPb.: GE, 2006, S. 71–87 (in Russian).
2. Anisimova E.A. Kolleksiya zapadnoevropeiskogo stekla iz sobraniya Muzeya Tsentral'nogo uchilishcha tekhnicheskogo risovaniya barona A.L. Shtiglitsa v Ermitazhe // Sbornik materialov Vserossiiskoi yubileinoi konferentsii «Uchebnyi khudozhestvennyi muzei i sovremenyi khudozhestvennyi protsess». K 50-letiyu vossozdaniya Leningradskogo khudozhestvenno-promyshlennogo uchilishcha i ego muzeya (b. Tsentral'noe uchilishche tekhnicheskogo risovaniya barona A.L. Shtiglitsa). SPb.: SPGKHPA, 1997. S. 77–84 (in Russian).
3. Ar-deko: Entsiklopediya, polnyi spravochnik dekorativno-prikladnogo iskusstva 1920–1930-kh godov / Elaster Duncan; perevod s angliiskogo L.A. Boris. M.: Art-Rodnik, 2010 (in Russian).
4. Baidin V. Emil' Galle i russkii modern // Antikvariat, predmety iskusstva i kolleksiionirovaniya, 2007. № 10 (51), oktyabr'. S. 42–51 (in Russian).
5. Dolgikh E.V. Steklo frantsuzskogo moderna. Chastnaya kolleksiya. Katalog vystavki. Tsaritsynno. Muzei-zapovednik. M.: Vostochno-Evropeiskii antikvarnyi dom, 2013 (in Russian).
6. Kazakova L.V. Zhenskie i floral'nye motivy v dekorativno-prikladnom iskusstve moderna. M.: Pamyatniki istoricheskoi mysli, 2009 (in Russian).
7. Kazakova L.V. Mirovye khudozhestvennoe steklo XX veka. Osnovnye tendentsii. Vedushchie мастера. M.: Pinakoteka, 2007 (in Russian).
8. Linii Galle. Evropeiskoe i russkoe tsvetnoe mnogoslainoe steklo kontsa XIX – nachala XX veka v sobraniyakh muzeev Rossii. [Kniga-al'bom v ramkakh programmy «Pervaya publikatsiya» Bлаготворitel'nogo fonda V. Potanina / Avt. kontseptsii izd.: Nataliya Tolstaya, Alla Chukanova, Tat'yana Yudkevich; avt. st.: Elena Anisimova i dr.]. M.: Proektnoe byuro «Sputnik»: Programma «Pervaya publikatsiya», 2013 (in Russian).
9. Lotaringskie orkhidei...: iskusstvo Emilya Galle i brat'ev Dom: [katalog vystavki] / Gos. Ermitazh; [red. N.M. Mikhaleva]. SPb: Gos. Ermitazh, 1999. – 175 s.: tsv. il. (in Russian).

**Вице-президент РАН
академик РАН
Владислав Яковлевич Панченко**

Лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники (2004), Государственной премии РФ в области науки и технологий (2009), Государственной премии Китайской Народной Республики в области международного научного и технологического сотрудничества (2019)

Кавалер ордена Дружбы (2008), медали ЮНЕСКО за вклад в развитие нанонауки и нанотехнологий (2010), ордена Почётного легиона (Франция) (2014), ордена «За заслуги перед Отечеством» IV степени (2017)

Заслуженный деятель науки РФ (1997)

Почётный член (Fellow) Международного общества по оптической технике (SPIE) (2002)

Председатель Совета Российского отделения Международного общества по оптической технике (SPIE/RUS) (1998–2006)

Член Международного директората Американского оптического общества (OSA) (1999–200)

Член Управляющего совета Глобального исследовательского совета (Global Research Council – GRC) (2012–2019), с 2017 — вице-председатель, 2018–2019 — председатель Управляющего совета GRC

Член бюро Управляющего совета Международного института прикладного системного анализа (IIASA) (2018 г. – наст. вр.)

Глубокоуважаемый Владислав Яковлевич!

Коллектив Российского фонда фундаментальных исследований (ныне — Российского центра научной информации), совет Фонда, многотысячное научное сообщество экспертов и грантодержателей сердечно поздравляют Вас с юбилеем!

Ваше имя хорошо известно учёным не только в нашей стране, но и далеко за её пределами. Вице-президент Российской академии наук, академик РАН, доктор физико-математических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, выдающийся специалист в области лазерной физики, нелинейной оптики, лазерных макро-, микро- и нанотехнологий, Вы вносите огромный вклад в развитие фундаментальной науки. Глубокие знания, целеустремлённость, творческая инициатива, умение эффективно решать самые сложные задачи снискали Вам прочный авторитет и уважение в научном мире.

Своим богатейшим опытом научной деятельности Вы щедро делитесь с молодыми учёными. Среди Ваших учеников семь докторов и 11 кандидатов наук. Вы — автор более 400 научных работ, 26 патентов, научный редактор 21 тематического сборника.

Неоценимы Ваши заслуги в сфере научной дипломатии. Более десяти лет Вы ведёте неутомимую деятельность в авторитетной международной организации — Глобальном исследовательском совете (Global Research Council — GRC), занимая ответственные посты члена Управляющего совета, вице-председателя, а в 2018–2019 годах — председателя Управляющего совета. Под Вашим руководством и при непосредственном участии было проведено заседание GRC — самое масштабное за всю историю этой международной организации; в нём приняли участие представители 60 научных фондов и других финансирующих науку организаций из более чем 50 стран.

Перечислить все Ваши заслуги просто невозможно!

Для нас же Вы, прежде всего, председатель совета РФФИ / РЦНИ, опытный руководитель и мудрый наставник. Под Вашим руководством Фонд все эти годы активно двигался вперёд, наращивая свой вклад в развитие фундаментальной науки, завоёвывая всё больший авторитет в России и далеко за её пределами.

Желаем Вам, дорогой Владислав Яковлевич, покорения новых научных вершин, крепкого здоровья, оптимизма и благополучия на долгие-долгие годы!

Вестник Российского фонда фундаментальных исследований

Гуманитарные и общественные науки

2022, № 3 (110)

Адрес редакции: 119334, Москва, Ленинский пр-т, д. 32а
Тел.: +7 (499) 941-01-15 (доб. 3121)
E-mail: rovir@rfh.ru
<http://www.rfbr.ru>

Подписано в печать 23.09.2022. Формат 60×90^{1/8}.
Усл. печ. л. 20. Печать офсетная. Бумага мелованная.
Тираж 300 экз. Заказ № 41

Отпечатано в типографии ООО «Гран-При».
152900, г. Рыбинск, ул. Орджоникидзе, д. 57